

Эт. журнал. Эт. Карайма.

КАРАИМСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ.

КНИГА 8—9.

МОСКВА
1912.

Настоящая книга посвящается свѣтлой памяти
И. И. Казаса.

СОДЕРЖАНИЕ кн. 8—9.

	<i>Стр.</i>
1. Памяти И. И. Казаса. (Стихотвореніе).—А. Катыка	3
2. Учитель народа.—Чадука-бень-Шимона	5
3. Святая скромность.—С. Раецкаго	10
4. Памяти друга. (съ др.-библ.).—А. Мичри	14
5. Застольное слово.—М. С. Луцкаго	15
6. „Ты не умрешь“! (Надгробная рѣчь).—А. Катыка	19
7. Памяти Ильи Ильича.—С. Бобовича.	26
8. Воспоминанія объ учителѣ.—П. Щербина.	30
9. Памяти Ильи Ильича.—А. Ярошко.	32
10. Старые педагоги.—К. В.	35
11. Сестры!—А. Мардковича	37
12. Учитель. (Разсказъ).—А. Катыка	38
13. Пѣсня Кара-Мошу. (Шуточная).—Мы.	58
14. „Дни минувшіе“... (конецъ).—С. Ш. Пигита.	59
15. Караимы въ Галиціи:	
а) Кладбище въ Кукизовѣ,	
б) Среди галичскихъ караимовъ,	
в) Письмо караима изъ Галиціи.	65
16. Караимы. (выдержки изъ книги „Описаніе Крыма“).—Кондараки	75
17. 75-лѣтіе Таврическаго Духовнаго Правленія. (Историческая справка).	82
18. Брачный актъ караимовъ. (съ др.-библ.).	84
19. Иосафатова долина. (Стихотвореніе).—Г. Данилевскаго	86
20. Изъ читательскихъ откликовъ.	86
21. Караимы въ искусствѣ:	
а) Анна Эль-Туръ,	
б) И. Э. Дуванъ-Торцовъ	90
22. Хроника текущей жизни	94
23. Скорбный листокъ.	

Въ настоящей книгѣ, посвященной памяти И. И. Казаса, напечатаны слѣдующіе снимки: И. И. Казасъ въ гробу, И. И. Казасъ (снимокъ 1902 года), И. И. Казасъ въ молодости съ друзьями, отецъ и мать И. И. Казаса, рабочий кабинетъ И. И. Казаса, выносъ тѣла изъ квартиры покойнаго, картина похоронной процессіи и др.

Кромѣ этого помѣщены рисунки художника Ф. М. Сарафа: типы изъ „Ахыръ-Земанъ“—„сваха“ и „Дашенька“, типъ стараго эрбаки, продавецъ пирожковъ; виды Галиціи: Караимская улица въ Галичѣ, караимская кенаса въ Галичѣ, внутренній видъ кенаса; внѣшній и внутренній видъ кенаса въ Бердянскѣ; М. С. Беймъ въ гробу, портретъ М. С. Бейма; портреты: Анны Эль-Туръ, И. Э. Дуванъ-Торцова и А. И. Неймана.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на ежемѣсячный журналъ

Караимская Жизнь,

посвященный разработкѣ всѣхъ вопросовъ національной жизни каранмовъ: общественнаго, экономическаго, историческаго, религіознаго и культурнаго характера. Въ статьяхъ, фельетонахъ, монографіяхъ журналъ будетъ уделить мѣсто въ одинаковой степени, какъ изслѣдованіямъ національнаго прошлаго, такъ и вопросамъ и злобамъ текущей караимской общественности во всѣхъ ея проявленіяхъ.

На страницахъ „Караимской Жизни“ будутъ печататься беллетристическія произведенія изъ караимской жизни и караимской исторіи, образцы народнаго творчества — пѣсни, легенды, сказки и т. д., юмористическіе фельетоны, стихотворенія.

Чтобы охватить полнѣе караимскую жизнь, особенное вниманіе будетъ обращено на провинціальный отдѣлъ, куда войдутъ постоянныя корреспонденціи изъ Евпаторіи, Симферополя, Феодосіи, Севастополя, Бахчисарая, Карасубазара, Керчи, Мелитополя, Бердянска, Ялты, Одессы, Кіева, Харькова, Николаева, Херсона, Екатеринослава, Вильно, Луцка, Поневѣжа, Трокъ, и т. д. Журналъ будетъ слѣдить также за жизнью караимскихъ общинъ въ Иерусалимѣ, Египтѣ, Турціи и др.

„Караимская Жизнь“ въ каждомъ выпускѣ будетъ давать біографіи и портреты извѣстныхъ караимскихъ дѣятелей на поприщѣ общественной жизни, науки, искусства, просвѣщенія и благотворительности, устраивать анкеты по наиболѣе жгучимъ вопросамъ, волнующимъ современное караимство, отвѣчать на вопросы юридическаго характера и т. д.

Къ сотрудничеству въ журналъ будутъ привлечены всѣ наличныя журнальныя, литературныя и научныя силы караимства, а также видные общественные дѣятели. Обшаны уже статьи нѣкоторыми извѣстными русскими учеными и профессорами по исторіи каранмовъ и по вопросамъ антропологическаго, этнографическаго и статистическаго изслѣдованія караимства.

Журналъ издается подъ фактической редакціей **С. С. Раецкаго**.

Журналъ будетъ выходить книжками въ первое время не болѣе одного раза въ мѣсяць. Подписная плата на годъ въ Москвѣ—**5 руб.**, на полгода—**3 руб.** Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Имперіи на годъ—**6 руб.**, на полгода—**4 руб.** Въ отдѣльной продажѣ книжка стоитъ **60 коп.**

Двойная книжка стоитъ 75 коп.

Разсрочка платы не допускается. Налож. платежомъ журналъ не высылается.

Подписныя деньги, матеріалы, статьи, корреспонденціи, замѣтки, фотографіи, отчеты просвѣдательныхъ и благотворительныхъ обществъ и проч. просятъ направлять по адресу:

Москва, Александроневскій пер., д. 5, въ редакцію и контору журнала
„КАРАИМСКАЯ ЖИЗНЬ“.

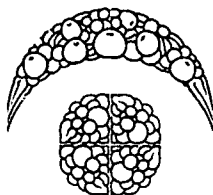
Телефонъ редакціи 268-18.

КАРАИМСКАЯ

ЖИЗНЬ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ.
КНИГА 8—9.

МОСКВА.
1912.

И. Караим

(Съ послѣдняго снимка).

*„На рѣкахъ вавилонскихъ
сидѣли мы и плакали“...*

Памяти И. И. Казаса.

1.

*Учитель мой, избранникъ Адоная!
Въ обитель сладостную рая
Ты слишкомъ рано постышилъ:
Ты былъ еще исполненъ силъ;
Межъ троновъ славныхъ мудрецовъ
Блисталъ твой тронъ; среди пѣвцовъ
Ты былъ пріятнѣйшій; твой стихъ,
Какъ пѣсни ангеловъ, былъ тихъ.
Любя дѣтей, ты, какъ дитя,
Сіялъ улыбкою всегда.*

2.

*Трудна была твоя дорога:
Надъ лирой знамя педагога
Держалъ ты твердою рукой;
Будилъ народъ ты спавшій свой
И звалъ впередъ, и знаній свѣтъ
Ему дарилъ ты много лѣтъ.
Апостоль истины ты былъ,
Полѣвка насъ любви училъ;
Полѣвка русскій, караимъ,
Дивясь, внималъ словамъ твоимъ.*

ПАМЯТИ И. И. КАЗАСА.

3.

*Всегда любилъ ты путь прямой;
Со всякой пошлостью на бой
Ты смѣло шелъ и голосъ твой
Звучалъ, какъ колоколъ большой.
Кто тронъ почившаго займетъ?
Кто свой народъ, какъ ты пойметъ?
Кто будетъ правдѣ насъ учить
И мысли, чувства въ насъ будить?*

4.

*Но вѣрю я—не умеръ ты:
Твой стихъ, исполненный мечты,
И твой призывъ: „Впередъ, впередъ!“
Не позабудетъ твой народъ.
Твой образъ, кроткій и святой,
Онъ озаритъ своей мечтой.
И бѣдный, старый караимъ
Дрожащимъ голосомъ своимъ
О тихой прелести рѣчей,
Журчавшихъ мирно, какъ ручей,
Разкажетъ внуку своему.
Учитель мой! миръ праху твоему:*

А. Катыкъ.

И. И. Казасъ въ гробу.

Учитель народа.

*Учитель! передъ именемъ твоимъ
Дозволь смиренно преклонить колѣни!*

И. И. Казасъ.

*(Снимокъ, сдѣланный сыномъ покойнаго
въ 1902 г.).*

Тихо угасла свѣтлая жизнь... Трогательно отзвучалъ послѣдній аккордъ этой долгой жизни, полной мысли и труда. Умеръ нашъ Ломоносовъ. Вотъ почетное имя, которымъ инстинктивный голосъ массы обвинилъ мертвое чело лучшаго и благороднаго избранника своего народа — Ильи Ильича Казаса. Въ своей основѣ его жизнь, которая для насъ, караимовъ, стала теперь благороднымъ завѣтомъ, а еще вчера влекла прелестью неувадаемыхъ красокъ, эта жизнь для насъ есть та-же повѣсть о томъ, какъ „архангельскій мужикъ сталъ и славеи и великъ“.

Въ русскомъ быту есть мрачная трагедія — темный деревенскій мѣръ. Въ жизни нашей маленькой народности издавна была своя мрачная драма. Это — прилавокъ магазина, за которымъ немало гибло талантливыхъ и способныхъ головъ съ тѣхъ поръ, какъ караимы, покинувъ чуфуть-кальскія высоты, вошли въ круговоротъ общей экономической жизни. Не избѣжалъ этой роковой черты и покойный Илья Ильичъ.

Родился покойный въ тихомъ заштатномъ крымскомъ городкѣ Армянскѣ. Обычное дѣтство въ скромной караимской семьѣ, посѣщеніе мидраша, тупая учеба — вотъ картины, которыми богато было утро его дней. Черезъ нѣсколько лѣтъ мѣстный эрбы уже не въ состояніи былъ

удовлетворить любознательности живого и умнаго мальчика и послѣдняго отправили въ „караимскіе Аонны“ того времени, въ Евпаторію, гдѣ богословскою академіей служила школа Абень Яшара Луцкаго.

Здѣсь открылся широкій просторъ любознательному мальчику. Абень Яшаръ съ чуткостью истиннаго учителя понялъ его и постарался передать ему всё духовныя богатства, которыми онъ владѣлъ. Глубокоученный Абень Яшаръ заложилъ прочный фундаментъ воспитанія и развитія И. П., явившійся основой для всего его духовнаго облика и въ будущемъ, когда И. П. уже пользовался громкой извѣстностью, какъ выдающійся гебраистъ.

Въ 16 лѣтъ И. П. кончилъ школу, изучилъ всѣхъ классиковъ караимской литературы, въ совершенствѣ овладѣлъ древне-библейскимъ языкомъ и постигъ духъ и поэзію Библии. Илья Ильичъ уже юношей проявилъ склонность къ поэзіи и отъ его прекрасныхъ стихотвореній на великомъ языкѣ Библии приходили въ восторгъ его учителя. Наконецъ, онъ достигъ завѣтной въ старое время для каждаго караимскаго юноши цѣли: получилъ званіе эрбы. Въ головѣ юноши роились свѣтлыя мечты и надежды, его манилъ путь науки. Онъ грезилъ о Петербургѣ, гдѣ все расскажутъ, гдѣ кромѣ схоластики и теологіи караимской школы, есть иная наука, могущая пролить свѣтъ на загадки окружающаго міра, приобщить мысль къ сокровищницѣ и первоисточнику человѣческаго знанія—міровой философіи, съ отрывками которой знакомился юноша только въ богословскихъ трактатахъ караимскихъ ученыхъ.

Но эти мечты были грубо оборваны, и молодой юноша очутился за прилавкомъ мануфактурнаго магазина въ Одессѣ, въ Пале-Рояль. Изъ него хотѣли создать коммерсанта, поэтическіе порывы его замѣнить духомъ торгашества, а любовь къ наукѣ и знанію подмѣнить страстью къ барышамъ. Шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ за прилавкомъ даровитымъ юношей—мрачная страничка въ жизни покойнаго Ильи Ильича. Шесть мѣсяцевъ переносилъ онъ нелѣпую, мучительную для него тяготу существованія въ магазинныхъ мальчикахъ, шесть мѣсяцевъ по ночамъ тайкомъ при свѣчномъ огаркѣ онъ пряталъ свою тоску, любовь къ книгѣ и къ поэзіи.

Наконецъ, не выдержалъ и бѣжалъ. Онъ бѣжалъ, проклявъ на всю жизнь ставшій ненавистнымъ ему магазинный прилавокъ, въ Херсонъ къ своему дядѣ, который понялъ истинное призваніе своего даровитаго племянника и пріютилъ его, давъ ему возможность заниматься. Здѣсь горячее участіе въ судьбѣ юноши принялъ мѣстный священникъ о. Трефиловскій, благодаря содѣйствію котораго Пльѣ Пльичу удалось подготовиться и успѣшно сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и затѣмъ поступить въ число студентовъ восточнаго факультета петербургскаго университета.

Чтобы оцѣнить всю силу и значеніе этой борьбы юноши за право на знаніе и свѣтъ, слѣдуетъ припомнить, какое было это время въ жизни караимства. Караимскій народъ еще весь былъ опутанъ тяжелыми, невѣжественными пережитками татарскаго вліянія, учиться по-русски считалось позорнымъ и чуть ли не предательствомъ своей религіи, народъ еще былъ окруженъ массой предубѣжденій противъ общей культуры. Понятно поэтому, почему стремленіе юноши Казаса къ общему знанію производило на окружающую среду ничуть не меньшее впечатлѣніе, какое производилъ Ломоносовъ 200 лѣтъ тому назадъ на своихъ односельчанъ. И слѣдуетъ отдать должное памяти стараго отца Казаса, торговавшаго въ Москвѣ фруктами. Будучи человѣкомъ умнымъ, онъ предоставилъ въ концѣ концовъ своему сыну полную свободу учиться.

Осуществивъ свою мечту и попавъ въ университетъ, Пльѣ Пльичъ быстро здѣсь выдвинулся своимъ усердіемъ, работоспособностью и талантливостью. Онъ сталъ пользоваться любовью своихъ профессоровъ и съ большимъ успѣхомъ окончилъ университетъ. Передъ нимъ былъ путь чисто-ученой кабинетной карьеры. Но это его не прельщало. Онъ помнилъ о своемъ народѣ, передъ нимъ были еще живы картины той косности, культурной отсталости и умственного неразвитія, въ которомъ находились его единовѣрцы, не успѣвшіе стряхнуть съ себя кошмары многовѣковаго чуждого - калыскаго затворничества. И онъ пошелъ къ нимъ, чтобы учить ихъ. Этимъ онъ началъ, этимъ онъ кончилъ свою жизнь, оставшись въ памяти народа великимъ учителемъ.

Послѣ университета И. П. считъ возможнымъ занять скромное мѣсто преподавателя въ одесскомъ караим-

скомъ училищѣ. Тотчасъ же онъ составляетъ для практическаго изученія древне-библейскаго языка книгу, ставшую классической, настольной въ нашихъ школахъ „Терегелъ Гайладимъ“. Въ 1863 году онъ былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ симферопольской мужской гимназій. въ 1866 году — учителемъ латинскаго языка той же гимназій. съ 1881 года онъ преподавалъ педагогику въ женской гимназій. Въ 1872 году онъ былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу для изученія постановки учебнаго дѣла.

Затѣмъ его приглашаютъ на отвѣтственный постъ инспектора симферопольской татарской учительской семинаріи. Онъ немало трудится здѣсь для просвѣщенія татарской массы, составляетъ татарско-русскій учебникъ и хлопочетъ о культурномъ и умственномъ развитіи будущихъ учителей татарскаго народа. И здѣсь среди татаръ помянется добромъ его свѣтлое имя. Въ жизни Симферополя онъ являлся крупной фигурой, какъ видный ученый педагогъ, который всѣми силами содѣйствовалъ поднятію дѣла образованія. Онъ не перестаетъ все это время работать надъ своими научными трудами. составляетъ педагогическія руководства, учебныя книги и неизмѣнно полонъ мысли о культурномъ подъемѣ своего маленькаго горячо любимаго народа.

Если среди караймовъ возникалъ спорный вопросъ, являлась необходимость обратиться къ высшимъ официальнымъ учрежденіямъ съ ходатайствомъ о льготахъ и правахъ для караймовъ, освободиться отъ стѣсненій отдѣльныхъ администраторовъ, неправильно толковавшихъ ограничительные законы по отношенію къ намъ, было-ли необходимо отвѣтить на запросъ о происхожденіи нашего народа какому-нибудь учрежденію или извѣстному ученому, — неизмѣнно обращались къ Ильѣ Ильичу. И онъ скромно, безъ всякой рисовки, не выдвигаясь впередъ, дѣлалъ то, о чемъ его просили, прежде всего ставя на первый планъ интересы народа.

Изъ постоянныхъ заботъ о культурномъ ростѣ караймства и родилась у Ильи Ильича совместно съ покойнымъ гахамомъ мысль объ Александровскомъ духовномъ училищѣ. Илья Ильичъ имѣлъ въ виду этимъ училищемъ создать кадръ не только духовниковъ въ узкомъ смыслѣ,

по и учителей своего народа въ широкомъ смыслѣ. Сколько трудовъ положено было имъ на выработку плана и устава училища, сколько волнений перенесено было, пока проектъ училища сталъ фактомъ. И тотчасъ Илья Ильичъ бросилъ все, переселился въ Евпаторію, чтобы стать во главѣ этого училища.

И здѣсь съ такой же настойчивостью продолжаетъ работать Илья Ильичъ за кафедрой, за официальнымъ столомъ педагогическаго совѣта, въ своемъ скромномъ рабочемъ кабинетѣ и т. д. Онъ пишетъ новые учебники, новыя пособія, онъ переводитъ на древне-библейскій языкъ Цицерона. До послѣднихъ дней своей жизни почти онъ трудился для этой школы. И хотя изъ-за преклонныхъ лѣтъ три года тому назадъ онъ покинулъ постъ инспектора, но ученики почти до самой смерти его ходили къ нему на квартиру и въ бесѣдахъ съ любимымъ учителемъ почерпали у него все новыя и новыя знанія.

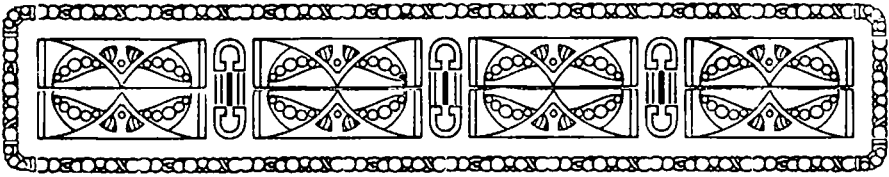
Цѣлый рядъ поколѣній прошелъ черезъ школу Ильи Ильича, и всѣ всегда съ теплою признательностью вспоминаютъ о свѣтломъ образѣ истиннаго учителя, руководившагося завѣтами великихъ педагоговъ и чутко понимавшаго души своихъ учениковъ. Онъ училъ словомъ, онъ училъ книгой, излагая ли римскаго автора, комментируя ли древне-библейскіе тексты, знакомя ли съ этическими системами своихъ любимыхъ французскихъ писателей Жанъ - Поля и другихъ — всегда и во всемъ онъ оставался прежде всего учителемъ, въ возвышенномъ и благородномъ значеніи этого слова, учившимъ завѣтамъ правды, добра и гуманности,

Илья Ильичъ Ильичъ Ильичъ

Чадукъ-бенъ-Шимонъ.

(Сав. Роевъ-Кий, создатель
Книги Кар. М.)

Святая скромность.

При первомъ же знакомствѣ съ личностью Ильи Пльича всѣхъ поражала въ немъ необычайная и столь рѣдкая въ наши дни скромность, составлявшая основную черту его благороднаго свѣтлаго характера. Эта скромность, которая заставляла его всегда уходить въ тишь своего рабочаго кабинета, уставленнаго любимыми книгами и фоліантами, которая заставила его уступить въ свое время почетную роль руководителя народа, должность гахама своему другу, нынѣ то же покойному С. М. Паницулову.—эта скромность и привела къ тому, что Илья Пльичъ, располагавшій всѣми данными, чтобы сдѣлаться европейски извѣстнымъ не только въ узкихъ научныхъ кругахъ, но и вообще, какъ большое имя въ наукѣ, запряталъ себя въ тихую жизнь крымскихъ городковъ, не рискуя выйти на путь широкихъ научныхъ выступленій.

Съ этой чертой П. П. пришлось столкнуться и нашему молодому журнаду, который, естественно, съ первыхъ же дней своего существованія пожелалъ видѣть въ Ильѣ Пльичѣ своего друга-руководителя, своего учителя, мудро указующаго путь къ завѣтной цѣли служенія своему народу и къ строгой исторической и научной правдѣ. Еще задолго до выхода первой книжки, я обратился къ Ильѣ Пльичу съ письмомъ, заключавшимъ въ себѣ просьбу принять участіе въ журналѣ и оказать честь своей поддержкой. Въ отвѣтъ на это мы получили строки, часть которыхъ была нами уже приведена въ первой книжкѣ. Теперь, когда безпощадная смерть смежила очи нашему дорогому другу-учителю, мы можемъ полностью привести содержаніе этихъ маленькихъ страничекъ, унизанныхъ бисернымъ, старинно-изысканнымъ почеркомъ П. П.—ча.

Вотъ его первое письмо:

„Я имѣлъ удовольствіе получить Ваши письма отъ 25 и 29 минувшаго апрѣля. Съ неописуемой радостью прочелъ я объявленіе о предприняемомъ Вами изданіи ежемѣсячнаго журнала „Караимская Жизнь“. Созданіе подобнаго караимскаго органа составляло самую завѣтную мечту моего юношескаго возраста, и весьма отраднo видѣть, что невозможное нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, легко осуществляется теперь, благодаря быстро растущимъ интеллигентнымъ силамъ нашего бѣднаго крошечнаго народа. Очень польщенъ Вашимъ любезнымъ приглашеніемъ въ сотрудники, но, къ крайнему моему прискорбію, я ничего не могу обѣщать Вамъ въ этомъ отношеніи, несмотря на

все мое искреннее сочувствіе къ новорожденному симпатичному изданію. Вы очень хорошо знаете, что мнѣ уже безъ очень, очень малаго восемьдесятъ лѣтъ. Я сильно чувствую все послѣдствія такого глубоко-старческаго возраста: крайнюю физическую немощь, чрезвычайную слабость памяти и какое-то умственное оцѣпѣніе, условія, мало благоприятствующія для сколько-нибудь успѣшнаго литературнаго или научнаго труда. Моя пѣсня давно уже сѣтъ. Съ горестію я считаю себя сошедшимъ съ пашей скромной караимской сцены и уступаю мѣсто подобнымъ Вамъ энергичнымъ и проникнутымъ горячей любовью къ своему народу представителямъ молодого поколѣнія. Одно могу обѣщать Вамъ. Это—поддерживать Васъ, по мѣрѣ силъ моихъ, добрымъ словомъ въ „официальныхъ“ караимскихъ кругахъ, на сочувствіе которыхъ Вы, кажется, мало разчитываете. Желая отъ всей души полного успѣха Вашему благому начинанію, остаюсь съ глубокимъ къ Вамъ почтеніемъ—старый учитель Вашъ *И. Казасъ*“.

Чтобы судить помимо этого письма о скромности покойнаго Ильи Пльича, у котораго это свойство было чисто органическаго характера, а не создавалось лицемѣріемъ и напускной манерностью, слѣдуетъ ознакомиться, между прочимъ, и со слѣдующими строками изъ письма его отъ 26 мая:

„Дорогой и любезный ученикъ, Садукъ Семеповичъ!

„Послѣднее письмо Ваше (отъ 19 сего мая) убѣждаетъ меня въ томъ, что Вы тщательно изучили „приклады яко пишутся комплименты“. Какіе пышные комплименты Вы расточаете въ немъ по моему адресу. Но, признаюсь, ими Вы заставили меня не разъ краснѣть внутренне. Я говорю это не изъ приписываемой Вами мнѣ,—также въ видѣ комплимента,—скромности, а по истинному непритворному сознанію моего настоящаго, не очень высокаго положенія въ интеллигентномъ мѣрѣ. Именно это сознаніе не позволяетъ мнѣ принять Ваше предложеніе, какъ оно ни было лестно для меня,—предложеніе украсить первую страницу Вашего журнала своимъ напутственнымъ благословеніемъ,—другими словами, принять на себя такую роль, для которой я долженъ былъ бы имѣть слишкомъ большое самомнѣіе и, дѣйствительно, признать себя однимъ изъ тѣхъ большихъ людей, къ лику которыхъ Вы стараетесь причислить меня. Къ крайнему моему прискорбію, я не могу указать Вамъ что-либо изъ моихъ сочиненій, пригодное къ помѣщенію въ переводѣ для „Караимской Жизни“. Дѣло въ томъ, что ни одного оригинальнаго сочиненія я не написалъ. Я никогда не претендовалъ на самостоятельную ученость, а являлся только толкователемъ другихъ ученыхъ и мыслителей. Прежде всего я былъ педагогомъ и во всѣхъ своихъ писаніяхъ преслѣдовалъ педагогическія цѣли, имѣя главнымъ образомъ въ виду наше учащееся въ караимскихъ училищахъ молодое поколѣіе. Для него я составилъ практическій учебникъ древне-еврейскаго языка, сначала на татарскомъ языкѣ, который недавно господствовалъ въ нашемъ домашнемъ быту, а потомъ на русскомъ языкѣ, когда этотъ культурный языкъ вытѣснилъ среди насъ языкъ варварскій. Для него же я перевелъ на древне-еврейскій языкъ съ нѣкоторыми измѣненіями и сокращеніями сочиненія французскихъ флософовъ Поля Жанна и Ююля Симона — „Elements de Morale“ („Торать Гаадамъ“) и „Religion Naturelle“ („Кившоно шель оламъ“), чтобы этими прекрасными, живо изложенными произведеніями европейской философской мысли изгнать изъ нашихъ мидрашей ту схоластическую мертвечину, которую пичкали тамъ наше юношество и которая дѣйствовала на него самымъ притупляющимъ образомъ.

Наконецъ, для того, чтобы ознакомить это юношество съ открытыми въ первой половинѣ прошлаго столѣтія ассирійскими и вавилонскими древностями, имѣющими весьма важное значеніе для библейской науки, а также и съ прісмами новѣйшихъ критиковъ въ примѣненіи этихъ открытій къ Св. писанію, я предпринялъ изложеніе на древне-еврейскомъ языкѣ въ сокращенномъ видѣ содержанія многотомнаго сочиненія извѣстнаго ученаго Вигуру, — трудъ, первый вышѣкъ котораго я издалъ въ 1908 году и который едва ли я доведу до конца: силъ не хватаетъ. Изъ всего сказаннаго Вы можете увидѣть, что ни одного изъ упомянутыхъ сочиненій я не могу назвать вполне моимъ и ничего изъ нихъ не могу рекомендовать для помѣщенія въ Вашемъ журналѣ въ какомъ бы то ни было видѣ*.

Конечно, и эти строки были продиктованы все той же скромностью, боязнью Ильи Ильича выйти на авансцену жизни нашего народа, опасеніемъ, что его выступленіе на страницахъ молодого журнала можетъ показаться саморекламой и быть истолковано, какъ желаніе приобщить себя «къ лику большихъ людей». Дорогой Илья Ильичъ, какъ онъ ошибался, будучи во власти своей гипертрофированной скромности!.. Лѣтомъ, во время своего пребыванія въ Крыму, мнѣ пришлось видѣться съ Ильей Ильичемъ и много съ нимъ бесѣдовать. Послѣ долгихъ уговоровъ онъ, наконецъ, согласился дать для журнала свою работу о каранмахъ, которая была приготовлена имъ по просьбѣ французскаго ученаго маркиза де-Бай и передана послѣднимъ во французскую академію наукъ. Но и тутъ обычная скромность заявила свои права: Илья Ильичъ потребовалъ, чтобы статья была подписана буквами N. N. Эта работа покойнаго и появилась въ номерѣ 3—4 «Караймской Жизни» подъ заглавіемъ: «Общія замѣтки о каранмахъ». Въ томъ же номерѣ журнала была напечатана еще другая небольшая вещь Ильи Ильича—«Богослуженіе караймовъ».

Но особенно сильно пришлось почувствовать, насколько скромность Ильи Ильича не показного происхожденія, а органической итирихъ его духовнаго облика, когда у насъ въ первомъ номерѣ журнала рядомъ съ портретомъ Ильи Ильича появилась замѣтка, призывающая отмѣтить 80-лѣтіе его свѣтлой трудовой жизни.

— У каждаго народа бываютъ имена, — писали мы тамъ, — обвиня лаврами общаго признанія. Такія имена красятъ народъ и служатъ ему путеводными огоньками. Есть и у насъ, караймовъ, свое имя, передъ которымъ любовно, съ теплой признательностью склоняемся всѣ мы. Это—Илья Ильичъ, 80-лѣтній старецъ, съ прекраснымъ одухотвореннымъ лицомъ, съ умными глазами, и теперь на склонѣ лѣтъ проводящій свои дни въ тиши кабинета, заваленнаго книгами, этотъ старецъ—наша гордость. Вся исторія жизни этого милаго старика, съ внѣшностью европейскаго джентльмена, съ ши-

рокимъ лбомъ мудреца, съ кроткой улыбкой добраго караймскаго «картъ-баба», полна необычайнаго интереса».

Эти строки вызвали сильное неудовольствіе покойнаго Ильи Ильича. Онъ писалъ мнѣ:

— Я очень недоволенъ появленіемъ въ первой книжкѣ моего портрета, и всѣмъ тѣмъ, что въ ней сказано обо мнѣ. Подобные незаслуженные дифирамбы въ моихъ глазахъ не лучше всякаго порицанія. Увѣряю Васъ, что это я говорю не по излишней или притворной скромности, а потому что я лучше, чѣмъ кто-либо понимаю себя и свое положеніе. Это пониманіе и не позволяетъ мнѣ согласиться на Вашу просьбу написать для Вашего журнала свою автобіографію. Да и въ самомъ дѣлѣ, что такое моя жизнь и что представляетъ она замѣчательнаго, чтобы возвѣстить о ней угби et ogbi?».

Въ замѣткѣ объ Ильѣ Ильичѣ, напечатанной въ первомъ номерѣ, мы обѣщали въ слѣдующей книгѣ дать его полную біографію. Никто изъ читателей, конечно, не зналъ, что не исполнено было это обѣщаніе нами только по требованію самого Ильи Ильича. Долго старикъ не могъ успокоиться, будучи недоволенъ «неумѣренными похвалами».

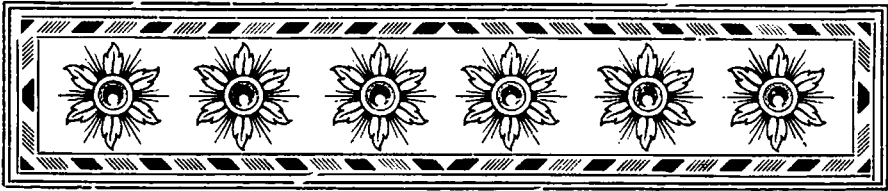
Въ дальнѣйшемъ, намъ пришлось переписываться съ Ильей Ильичемъ еще по поводу перевода средневѣковаго караймскаго поэта Моше Дераи, котораго Илья Ильичъ прекрасно изучилъ и одно время собирался было даже издать въ избранныхъ отрывкахъ. Какимъ нѣжнымъ, трогательнымъ и благороднымъ признашемъ звучать строки одного изъ послѣднихъ писемъ И. И.:

«Увѣряю Васъ, что я ссылаюсь на мою старость не потому, что я избѣгаю труда, я трудился весь свой вѣкъ, и теперь радъ бы трудиться, да не могу. Въ послѣднее время я чувствую сильный упадокъ не только физическихъ, но и умственныхъ силъ. Я прихожу въ отчаяніе при мысли, что мнѣ придется прервать начатый мною и, какъ мнѣ кажется, не безплодный трудъ («Эметъ Меэ-речь») и что у меня не хватитъ силъ довести его до конца. Мнѣ не много остается жить, дни мои сочтены, и эти послѣдніе дни моей жизни я желалъ бы провести въ полномъ покоѣ».

И этого покоя дорогой учитель все-таки не нашелъ... Привычка къ работѣ, жизнь, полная труда въ теченіе долгихъ десятковъ лѣтъ, приковали его къ рабочему столу до послѣдняго часа. Съ книгой въ рукахъ, съ тоской по незаконченной работѣ угасъ 80-лѣтній старецъ, составлявшій разумъ своего народа, его благородное сердце, его чуткую, свѣтлую совѣсть.

С. Раецкій.

Памяти друга.

(Съ древне-библейскаго).

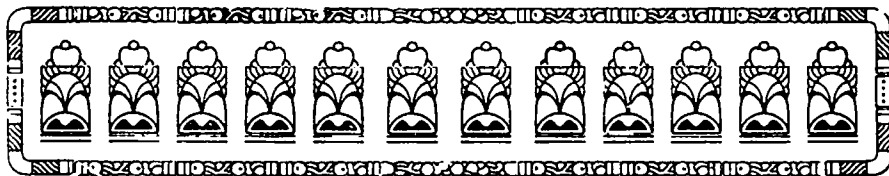
Плъя, мой другъ, съ дѣтскихъ лѣтъ угодинокъ Божіи. Почто ты послѣшилъ такъ скоро въ горнія селенія? Вѣдь и здѣсь, на землѣ, познали твое достоинство: современники отвели тебѣ мѣсто между славными мудрецами, велико твое имя между писателями, лучезарно оно между поэтами.

Ты вызывалъ удивленіе въ сонмѣ педагоговъ множествомъ и совершенствомъ своихъ нитомцевъ. Ты посвятилъ полвѣка своей жизни на вѣдрѣніе вѣры и знанія въ сердца своихъ учениковъ. Ты въ 30 лѣтъ началъ пасты свое духовное стадо и въ 40 лѣтъ сложилъ посохъ пастыря. Въ сколькихъ святилищахъ науки раздавалось твое слово? И русскій, и караимъ, и исламистъ прислушивались къ твоему голосу. За то и чтить тебя здѣсь всякъ языкъ своей хвалою. И власть державная оцѣнила тебя и подняла тебя высоко. Имя твое и память о тебѣ живы на всѣхъ устахъ и ряды дѣтковъ переживутъ. Весь блескъ, всю честь, всю гордость націи унесъ въ могилу ты съ собою. И на кого покинулъ ты скорбящій бѣдный свой народъ? Кто будетъ надѣлять его теперь свѣтомъ, вѣры и науки? Кто будетъ вождемъ въ его шествіи къ правдѣ?

И былъ ты прямъ душой и безусловно честенъ. Всю жизнь свою стремился ты къ высокимъ идеаламъ. Пѣмѣютъ уста, безсилентъ языкъ повѣдать объ одной изъ тысячъ твоихъ добродѣтелей. Праведникомъ ты былъ на землѣ, праведникомъ прослынешь ты и на небесахъ. Твой путь прямой лишь былъ всегда, и всякую ты ненавидѣлъ кривду. Спобобился ты войти въ вертоградъ Божіи и блаженствовать подъ купами садовъ райскихъ.

Господь да утѣшитъ семью твою и весь родъ твой, друзей твоихъ и всѣхъ ближнихъ и почитателей твоихъ! Благословеніе облагодѣтельствованныхъ тобою да будетъ на тебѣ! Между ангелами и святыми да усладится твой духъ! Да сіяетъ онъ небеснымъ свѣтомъ между небожителями; да блеститъ между ними, какъ звѣзды, какъ луна, какъ солнце золотое!

А. Мичри.

Застольное слово

М. С. Луцкаго *).

Дорогіе мои единовѣрцы!

Мы опять собрались на поминальную трапезу! Мы опять проводили въ тихую вѣчную обитель одного изъ достойнѣйшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ нашей націи! Какъ видно не на радость, а на горе,—горе тяжкое, наступилъ для насъ, караймовъ, новый 1912 годъ.

И. И. Казась въ молодости со своими друзьями.

А. Ю. Мичри.

И. И. Казась.

И. И. Шамашъ.

Въ теченіе 2-хъ недѣль мы лишились самыхъ выдающихся, самыхъ надежныхъ и испытанныхъ вождей нашего бѣднаго народа. Давно ли оплакивали мы кончину гахама нашего Самуила Моисеевича Панцулова, а нынѣ съ глубокой скорбью мы вынуждены сказать, что нѣтъ болѣе Ильи Ильича Казаса, нѣтъ

*) Сказано прис. повѣр. М. С. Луцкимъ въ квартирѣ покойнаго 21 января во время поминовенія въ первую субботу по смерти П. П.

болѣ этого милаго, добраго, всеѣми любимаго, всеѣми чтимаго маститаго старца, нѣтъ болѣ нашей славы, нашей гордости—истинѣ тяжелая, невознагражденная утрата! Больно, невыразимо больно мириться съ этимъ повымъ несчастьемъ, обрушившимся не только на семью почившаго, но и на всю нашу малочисленную націю. Но что дѣлать, на все воля Господня!

Болѣ полустолѣтія тому назадъ, когда народъ нашъ находился на первобытной ступени развитія, когда подъ вліяніемъ восточной культуры коснѣлъ онъ въ невѣжествѣ, когда никто еще и понятія не имѣлъ о пользѣ европейскаго образованія, Илья Ильичъ, какъ яркая звѣзда, засіялъ на нашемъ темномъ небосклонѣ. Онъ первый проложилъ себѣ и показалъ намъ дорогу не только въ среднія, но и въ высшія русскія учебныя заведенія, онъ первый изъ караимовъ окончилъ университетъ, а потому по справедливости долженъ быть названъ дорогимъ *дядушкой* всей нашей интеллигенціи. Закончивъ свое образованіе Илья Ильичъ не почитъ па лаврахъ, не погнался за матеріальными благами, хотя въ то время далеко не могъ похвалиться своимъ финансовымъ благополучіемъ—нѣтъ! Онъ тотчасъ же обратилъ свой любвеобильный взоръ на свой темный и невѣжественный народъ; опъ основать въ Одессѣ первую школу, предназначенную для приобщенія къ русской культурѣ дѣтей своихъ единовѣрцевъ.

Благодаря его неутомимой энергіи, его искренней любви и привязанности къ родному дѣтнщу, школа эта быстро расцвѣла и послужила образцомъ для цѣлага ряда подобныхъ школъ въ другихъ городахъ, гдѣ имѣются каранскія общины. Съ глубокой благодарностью мы должны признать, что почившій—первый заложилъ прочный фундаментъ для грядущаго образованія своего народа.

Будучи въ теченіи 30 лѣтъ преподавателемъ симферопольской мужской гимназіи Илья Ильичъ всеѣми силами старался привлечь въ это учебное заведеніе дѣтей своихъ единовѣрцевъ; онъ всегда былъ ихъ безкорыстнымъ покровителемъ и руководителемъ; многіе отдавали своихъ дѣтей въ эту гимназію только потому, что тамъ былъ Илья Ильичъ. Почти всеѣ наши первые врачи, инженеры, юристы, агрономы,—были учениками почившаго. Когда онъ достигъ желанной цѣли, когда посѣянные имъ среди своего народа здоровыя сѣмена дали быстрые и роскошные всходы, когда каранмы имѣли уже своихъ достойныхъ представителей во всеѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, когда полученіе европейскаго образованія стало не роскошью, не прихотью, а насущ-

ной потребностью каждого караима, Илья Ильичъ обратилъ свой взоръ на еще болѣе темный народъ, родной намъ по языку, правамъ и обычаямъ; онъ сталъ во главѣ татарской учительской школы въ гор. Симферополѣ; онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, не покладая рукъ, работалъ и подготовлялъ первыхъ народныхъ учителей для мусульманскихъ школъ. Искушенный педагогическимъ опытомъ, въ совершенствѣ зная и русскій и татарскій языки, издавая рядъ популярныхъ учебниковъ, Илья Ильичъ значительно облегчилъ трудъ своимъ питомцамъ и оказалъ въ высшей степени благотворное вліяніе на ихъ умственное и нравственное развитіе. Его выдающіяся заслуги въ этой новой сферѣ дѣятельности были достойнымъ образомъ оцѣнены высшимъ учебнымъ начальствомъ пожалованіемъ ему ряда внѣшнихъ знаковъ отличія, чина дѣйств. стат. совѣтника и потомственного Россійской Имперіи дворянскаго достоинства. Телеграммы, полученныя семьей почившаго отъ представителей мусульманскаго міра съ выраженіемъ искренней скорби и глубокаго соболѣзнованія, свидѣтельствуютъ, какимъ уваженіемъ, какой любовью пользовался Илья Ильичъ и въ этой средѣ.

Несомнѣнно, что почившій въ распространеніи народнаго образованія среди темнаго населенія благословенной Тавриды сыгралъ весьма видную и существенную роль. Далѣе, Илья Ильичъ вмѣстѣ съ гахамомъ нашимъ Самуиломъ Моисеевичемъ Паннуловымъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ инициаторовъ основанія Александровскаго караимскаго училища и первые наши законоучители, отвѣчающіе современнымъ требованіямъ жизни, были также его учениками. Одинъ изъ нихъ, получившій высшее филологическое образованіе, специально пріѣхавшій почтить память и оплакивать кончину своего дорогаго учителя—Аронъ Ильичъ Катыкъ, сидитъ между нами. Къ прискорбію моему, я не имѣю возможности коснуться выдающихся заслугъ почившаго въ библейской литературѣ, его, какъ говорятъ, чудныхъ прозаическихъ, поэтическихъ и философскихъ твореній.

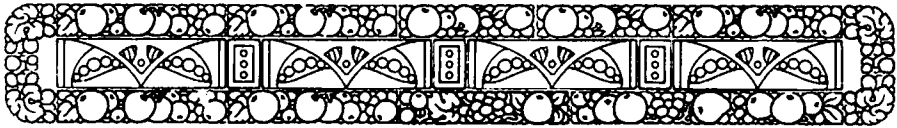
Замѣчу только, что Илья Ильичъ былъ любимѣйшимъ ученикомъ моего дѣда, Абенъ-Яшара Луцкаго, признаннаго въ свое время знатокомъ этой области человѣческаго знанія. Еще недавно мой глубокоуважаемый коллега, присяжный повѣренный Шабетай Вепіаминовичъ Дуванъ, рассказывалъ мнѣ, какая трогательная переписка существовала между Ильей Ильичемъ и его старымъ учителемъ, онъ рассказывалъ, какъ дѣдъ нашъ, получивъ первое письмо отъ своего ученика, тогда еще студента петербургскаго

университета, отвѣтилъ ему сердечнымъ восторженнымъ посланіемъ, начинающимся словами: „Твой ли дорогой голосъ я слышу, возлюбленный сынъ мой Плья!“ Онъ же передавалъ мнѣ, какъ Плья Ильичъ специально пріѣзжалъ въ Екатеринославъ, чтобы повидаться съ нашимъ дѣдомъ и какъ послѣдній—обнималъ, пѣловалъ свое духовное чадо, заливаясь горячими слезами. Да! Илья Ильичъ былъ не только гуманнымъ, горячо любимымъ учителемъ, но и благодарнымъ и признательнымъ ученикомъ — одно изъ лучшихъ его произведеній „Торать Гаадамъ“ посвящено памяти Абенъ-Яшара Луцкаго. Наконецъ, кому изъ насъ не извѣстно, что Илья Ильичъ въ теченіе всей своей долгой жизни былъ вѣрнымъ сподвижникомъ и неоцѣнимымъ совѣтникомъ гахама нашего Сам. Моис. Панпулова во всѣхъ дѣлахъ и начинаніяхъ его на благо родного народа.

Они взаимно дополняли другъ-друга, они вмѣстѣ рука объ руку вели народъ свой по тернистому жизненному пути. Еще недавно маститые старцы имѣли счастье представляться въ Ливадіи царю земному, Августѣйшему Монарху Нашему, а нынѣ Царю Небесному благоугодно было призвать ихъ къ себѣ почти въ одно и тоже время. Будемъ же утѣшаться тѣмъ, что Судъ Божій не страшенъ для такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ Илья Ильичъ.

Когда предстанетъ онъ предъ алтаремъ Всевышняго, когда будетъ давать отчетъ въ земныхъ дѣяніяхъ своихъ, онъ смѣло и гордо можетъ сказать, что честно и свято исполнилъ свой долгъ передъ роднымъ народомъ, что не зарылъ онъ въ землю способностей, дарованныхъ ему Господомъ, и что всю свою долгую жизнь старался онъ водворять среди своихъ единовѣрцевъ миръ, согласие и распространять среди нихъ свѣтъ и знаніе. Да запечатлѣтся же во вѣки-вѣчныя въ сердцахъ нашихъ чистый, безупречный правственный обликъ почившаго, да перейдетъ свѣтлая память объ Пльѣ Ильичѣ Казасѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока существуетъ наша малочисленная нація. Миръ праху дорогого незабвеннаго, національнаго учителя! Вѣчная память милому, славному, любвеобильному дѣдушкѣ всей нашей интеллигенціи!.. Аминь!..

„Ты не умрешь!“...

Надгробная рѣчь А. И. Катыка.

«Въ такіе дни и пѣсня не поется,
И дѣло валится изъ рукъ,
И только чувствуешь, что грудь на части рвется
Отъ горькихъ думъ и тяжкихъ мукъ!»

Братья! Эти скорбныя слова какъ нельзя лучше характеризуютъ настроеніе караимскаго народа за послѣдніе полтора мѣсяца. Двѣ недѣли тому назадъ по лицу широкой Россіи телеграфъ разнесъ извѣстіе, которое потрясло сердца наши. Почилъ пастырь, положившій лучшіе годы своей жизни за паству свою; почилъ гахамъ, ревностнѣйшій защитникъ интересовъ караимства. „Закатилось солнце караимскаго народа!“ — этотъ возгласъ перелеталъ отъ общины къ общинѣ и порождаетъ неизъяснимое горе. Единственнымъ утѣшеніемъ для семьи покойнаго отца народа было сознаніе, что ея горе — наше общее горе, а для насъ — надежда, что солнце наше не совсѣмъ еще погасло, что тучи его продолжаютъ освѣщать человѣка, способнаго замѣнить намъ солнце; человѣка, всю жизнь свою дѣлавшаго съ покойнымъ одно и то же дѣло, служившаго однимъ и тѣмъ же идеаломъ; человѣка, который всегда готовъ былъ выйти на ниву народную и сѣять высокое, доброе! Судьбѣ угодно было лишити насъ и этой надежды. Черезъ двѣ недѣли телеграфъ разнесъ новое извѣстіе: не стало П. П. Казаса! Со всѣхъ концовъ Россіи полетѣли телеграммы, обвитыя трауромъ; но развѣ могли выразити онѣ бездну того горя, которое скрывалось за ними?

Мы не вѣрили смерти нашего дорогого картъ-баба; мы не вѣрили, что скоро придется человѣка, такъ любившаго дѣятельную жизнь, увидѣть въ гробу; пораженные, какъ громомъ, мы могли выразити черныя думы, нахлынувшія на души наши, единственнымъ возгласомъ: „Солнце караимскаго народа погасло совсѣмъ!“ Два друга освѣщали путь Израилю; два друга полтора мѣсяца тому назадъ еще отправились, чтобы повергнуть къ стопамъ Его Величества чувства, волновавшія нхъ народъ; два друга какъ вѣстники Бога, изъ города въ городъ разносили лучи милости, озарившей ихъ во дворцѣ въ Ливадіи; два друга, радостные, готовые на всякій трудъ, вернулись въ Евпаторію. Одною изъ нихъ неожиданно сразила коса смерти; другой, потрясенный, хотѣлъ написать покойнику надгробное слово; но слишкомъ велико было горе; слишкомъ слабо было перо, чтобы выразити печаль пѣвца;

перо вывалилось изъ рукъ; пѣвецъ заболѣлъ; не захотѣлъ жить безъ друга-старика и послѣдовалъ за нимъ! Умеръ Илья Пльичъ! Братья, въ этомъ гробу передъ нами лежитъ достойнѣйшій пионеръ караимской культуры, виднѣйшій нашъ ученый, замѣчательный поэтъ и педагогъ. Но главное, братья: въ этомъ гробу лежитъ человекъ, девизомъ жизни котораго было уваженіе къ человѣческому достоинству, глубокая вѣра въ то, что въ груди каждаго человека теплится искра того небеснаго огня, которая дѣлаетъ человека царемъ природы; — мы хоронимъ идеалиста, на совѣсти котораго 80-лѣтняя жизнь, полная труда и борьбы, не оставила ни одного пятнышка.

П. П. родился въ бѣдной семьѣ и получилъ незначительное домашнее образованіе. Но въ груди его горѣла жажда знанія и свѣта, котораго не могли потушить ни бѣдность, ни невзгоды; мальчикъ попадаетъ въ школу Яшара. Однако, бѣдность загоняетъ его скоро за прилавокъ. О, бѣдность! велика твоя сила! Но не могла ты потушить огня, разгоравшагося въ груди будущаго ученаго все сильнѣе, все ярче! Въ холодной комнатѣ, ночью, при тускломъ освѣщеніи, будущій учитель народа углубляется въ любимыя книги. Въ этой же холодной комнатѣ часто носѣщаетъ его утѣшительница-муза и извлекаетъ то грустные, то задорно-радостные звуки изъ его цѣвницы. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Нашлись добрые люди, которые помогли талантливому юношѣ получить аттестатъ зрѣлости и поступить въ университетъ. Мечта, которую бѣднякъ лелѣлъ столько лѣтъ, стала дѣйствительностью. Жадно вошелъ онъ въ храмъ науки, а черезъ нѣсколько лѣтъ оставилъ его, какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ питомцевъ. По окончаніи университета, П. П. отдается педагогической дѣятельности. Съ какой любовью относится онъ къ своему дѣлу! Съ какой готовностью отдаетъ подрастающему поколѣнію лучшіе богатства своего сердца: его свѣтлый идеализмъ озаряетъ дѣтей различнѣйшихъ народовъ: русскій, татаринъ, еврей, караимъ — всѣ грѣются въ лучахъ любви, исходившей изъ сердца благороднаго учителя. Но жизнь роднаго народа, жизнь караимовъ, все настойчивѣе зоветъ его къ себѣ: онъ внимательно и долго вглядывается въ эту жизнь и замѣчаетъ то, что скрыто отъ взора обыкновенныхъ смертныхъ, онъ замѣчаетъ среди своихъ современниковъ пещры разброда, которыя, если не потушить ихъ, превратятся въ огромный пожаръ. Караимская молодежь начинаетъ пріобшачаться къ обще-русской культурѣ; юноши сбрасываютъ татарскіе кафтаны; женщины расстаются съ татарскими чадрами. Молодость пробуждается: она не хочетъ довольствоваться той только мудростью, которая заключается лишь въ изученіи Библии; жизнь стала сложнѣе; борьба за существованіе усилилась; увеличились потребности. Трудно

стало съ одной лишь Библией въ рукахъ остаться побѣдителемъ въ борьбѣ за средства существованія. Въ то же время проснувшіеся умъ и сердце требуютъ пищи не только небесной, но и земной. Словомъ, назрѣваетъ потребность въ общемъ, а не узко-религіозномъ образованіи; потребность пріобщиться къ обще-человѣческой культурѣ. И это стремленіе могло бы принести огромную пользу караимству, если бы во главѣ народа стояли люди, готовые идти въ ногу съ потребностями своей паствы. Братья! путеводителями нашихъ общинъ издавна были газзаны, къ которымъ караимы всегда относились съ большимъ уваженіемъ; но когда проснувшееся общество на нихъ обратило свои взоры, полные надежды и любви, газзаны отказались понимать выраженіе этихъ взоровъ, не взяли на себя роли просвѣтителей... Мало того: газзанство хотѣло сыграть роль пожарной команды по отношенію къ сердцамъ, воспламенившимся жаждой знанія. Молодежь просила: реформируйте мидраши, внесите въ мидраши программу общеобразовательныхъ школъ; а газзаны въ синагогахъ на эти просьбы отвѣчали дерашами на тему: „мидрашъ для бѣдлинъ“. На голову молодежи сыпались обвиненія въ пзмѣнѣ своему народу, въ отсутствіи отъ религій предковъ и т. д. И станемъ ли мы обвинять караимскую молодежь, если она отвернулась отъ своихъ лже-учителей, сказавъ имъ на прощанье: „оставайтесь со своими мидрашами, а мы пойдемъ, поищемъ школы, которыя удовлетворяли бы нашей жаждѣ“. И молодежь ушла; она ушла въ русскія школы; перспектива остаться безъ общаго образованія заставляла большинство рѣшиться махнуть рукой на знаніе родного языка.

Послѣдствія этого явленія были очень многочисленны и очень печальны для жизни націи: мидраши начинаютъ посѣщаться рѣже и рѣже; изъ мидрашей бѣгутъ. Уровень знанія древнебиблейскаго языка понижается чудовишно; приближается моментъ національнаго банкротства. Большинство караимовъ перестало понимать свою Библию; изъ десяти посѣтителей кенаса девять съ грѣхомъ пополамъ читаютъ машинально, не понимая смысла читаемаго. А газзанство, замкнувшись въ обрядовую мелочность, въ строгое соблюденіе числа поклоновъ и допотопныхъ дерашей, безопасно продолжаетъ пасти вымирающее стадо.

Въ эту критическую минуту выступилъ И. П. Газасъ. Онъ поиялъ хорошо эту минуту и рѣшилъ пойти навстрѣчу приближающейся грозѣ—предотвратить грозу, ибо онъ видѣлъ и понималъ всю законность стремленія молодежи къ обще-русской культурѣ; но онъ понималъ и то, что при готовности служить своему народу, можно направить это стремленіе по національному руслу. Для того, прежде всего, надо поставить во главѣ общинъ людей, которые сами будучи вооружены наукой свѣтской и духовной, могли бы направить свою паству къ національному воз-

рождению. Вотъ, братья, гдѣ лежатъ корни Александровскаго у-ща! И. И. начинаетъ работать надъ основаніемъ семинаріи, которая бы выпускала достойныхъ газзановъ: онъ отдается этому дѣлу всей душой; онъ медленно, но упорно воздвигаетъ фундаментъ разсадника родного просвѣщенія на почвѣ общечеловѣческаго. Господа! Илья Ильичъ не былъ Руднымъ: онъ не искалъ приятной обстановки и красивыхъ словъ; онъ былъ и не Инсаровъ: фанатизмъ былъ чуждъ его мягкой натурѣ. Любовью и терпѣніемъ хотѣлъ старикъ побѣдить современниковъ; о, онъ умѣлъ сильно любить и много терпѣть!.. Его слова, журчавшія мирно, какъ ручей, медленно распространялись въ народѣ; по копейкамъ собиралъ И. И. капиталъ на созданіе любимаго дѣтща. И когда оно открылось, лицо старика сіяло любовной земной радостью; слезы небесной любви дрожали на его глазахъ, ибо понималъ старикъ, что зданіемъ новой семинаріи онъ ставитъ рубежъ-раздѣлъ между отживающимъ старымъ и многообѣщающимъ новымъ, что Александровское училище станетъ маякомъ національнаго возрожденія.

И имѣлъ счастье попасть въ число учениковъ И. И-ча, человѣка, который умѣлъ, какъ никто, зажигать въ сердцахъ дѣтей огонь идеализма. Я имѣлъ счастье грѣться въ лучахъ той любви къ человѣчеству, которая проглядывала во всемъ, что дѣлалъ И. И. Присмотритесь къ поэзи этого удивительнаго человѣка и предъ вами раскроется душа кристально чистая, полная готовности на работу для блага своего народа. Вотъ стихотвореніе „Къ друзьямъ“. Какой любовью къ родному народу звучатъ слова:

«Друзья, ужель умру съ мечтой
Я дивно-пламенной, святой!
Ужель не скажете: «Приди,
Пока огонь кипитъ въ груди
Пока желанья не остыли,
Пока въ сердцахъ играютъ силы,—
Всѣ наши силы посвятимъ
Несчастливымъ братьямъ мы своимъ».
Друзья! Впередъ пойдёмъ мы смѣло
Пусть наше солнце потускнѣло
И затуманилась звѣзда,
Пусть насъ преслѣдуетъ вражда—
Мы пѣсней нашъ народъ разбудимъ,
Мы пѣть ему о славѣ будемъ!»

Вотъ, какъ пламенно любилъ старикъ народъ свой! И какой грустью наполнялось его сердце, когда видѣлъ онъ, что на гору тянетъ онъ одинъ, а подъ гору — тысячи. Да, господа, много пришлось перетерпѣть И. И. отъ нападковъ узкаго націонализма и фанатизма! И помню, съ какимъ злорадствомъ сторонники мрака слѣдили за каждымъ его шагомъ, съ какой радостью стремились набросить пятна позора на его святое имя. Долготрпѣливъ былъ И. И-чъ! Иногда, однако, чаша го-

рести переполнялась; въ одну изъ такихъ мнуть вырвалось изъ груди старика полное груди стихотвореніе:

Съ утра я вышелъ на работу...
 Давно я на родныхъ поляхъ
 Ужъ сѣю сѣмя возрожденья.
 Но часто грудь мою сжимаютъ
 Печаль и горькая тоска:
 Я вижу—братья карaimы
 На полѣ бѣдное мое
 «Бросають бѣшено каменья»...
 И грустно я иду домой...

Тихую грустью вѣетъ отъ этихъ словъ. Неправда ли, вамъ по-неволѣ вспоминается задумчивая муза Жуковского, такая же грустная и мечтательная, такая же незлобивая! Не грозной филиппикой раздражается П. П. противъ своихъ враговъ, а грустнымъ упрекомъ, тихой печальной пѣсней. Вообще, звуки гитѣва были чужды музѣ П. П-ча. Однако, никакія пападки не могли ослабить вѣры П. П-ча въ свой народъ, въ его лучшее будущее. Онъ до старости не переставалъ напоминать своимъ братьямъ о возрожденіи, о позорѣ спячки. П его голосъ звучалъ всегда, „какъ колоколь большой!“ Вотъ стихотвореніе „Арфа Давида“. Надъ могилкой царя-пѣвца на дремлющемъ куствѣ качается его арфа. Пылью покрыты ея струны, ничья рука не прикоснется къ ней! Только путникъ иногда остановится передъ ней въ раздумьи, да вѣтеръ подслушаетъ ея унылую жалобу. Ахъ, арфа! Когда ты проснешься, когда голосъ твой прозвучитъ въ дивной пѣснѣ надъ землею? Ахъ, арфа! Нѣтъ пѣвца, достойнаго царю. Оттого ты и спишь. Твой народъ забылъ звуки священныхъ псалмовъ, твой народъ разбилъ твои кумпры, некому разбудить твои струны царскимъ ударомъ перста. П ты спишь, безконечно грустная!“

Это элегія, — стонъ души, грустная повѣсть думъ, навѣянныхъ зрѣлищемъ народа, не видящаго угрозы вымиранія..

И не стану приводить вамъ всѣхъ стихотвореній, но позвольте привести еще одно маленькое стихотвореніе, ибо оно, мнѣ кажется, выражаетъ то, что было руководящей нитью всей жизни П. П-ча. Оно озаглавлено „Последнее желаніе“:

Я знаю, смерть моя близка:
 Посла подземнаго рука,
 Моихъ коснувшись ланить,
 Меня настойчиво манить.
 Но, другъ мой, если я умру,
 Тогда къ могильному бугру
 Не приноси ты горькихъ слезъ,
 Не приноси вѣнковъ и розъ.
 Приди съ улыбкой на устахъ
 И спой мнѣ пѣсню о любви,
 И кости дряхлыя мои
 Найдутъ покой въ твоихъ мечтахъ.

Я предлагаю начертать это стихотворение на томъ памятникѣ, который будетъ сооруженъ Ильѣ Ильичу на средства столь любимаго гмъ народа. Любовь! Вотъ слово, которое выражаетъ лучше всего характеръ мирозерцанія и поступковъ Ильи Ильича. Любовь къ своимъ братьямъ — вотъ что водило перомъ старика-ученаго, когда онъ въ тиши кабинета трудился надъ составленіемъ учебниковъ и хрестоматій для изученія караймскаго языка. Любовь, окрашенная яркимъ свѣтомъ идеализма, сдѣлала Илью Ильича философомъ высокихъ идеаловъ. Прочтите его „Торать-Гаадамъ“. Духомъ незлобности, призывомъ къ честной жизни, глубокой религіозности, чуждой преклоненія передъ обрядностью, проникнута эта книга.

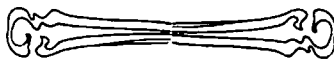
И каковъ П. И. былъ въ поэзіи и философій, таковымъ онъ былъ въ жизни. Рѣдко можно найти человѣка, у котораго слово и дѣло шли бы рука-о-руку такъ, какъ у покойнаго. Душа этого человѣка нащупала душу Бѣлинскаго, была такъ же чиста и благородна. Достаточно было встрѣтиться одинъ разъ съ нимъ и поговорить, чтобы поддаться неотразимому влиянію его нравственнаго облика. Это влияніе имѣло источникомъ глубокую искренность, задушевность и почти женскую мягкость натуры. Любя дѣтей всею душой, онъ самъ былъ чистъ и незлопамятенъ, какъ дитя; онъ былъ воплощеніемъ человѣколюбія; его высокое чело сіяло радостью при видѣ добраго поступка. Больше всего ненавидѣлъ старикъ пошлость и лицемеріе: все пошлое и низкое вызывало изъ его сердца грустную жалобу; и бывали моменты, когда онъ съ ожесточеніемъ и смѣло шелъ на бой съ низостью и ложью, хотя въ большинствѣ случаевъ П. И. предпочиталъ дѣйствовать любовью, а не ожесточеніемъ.

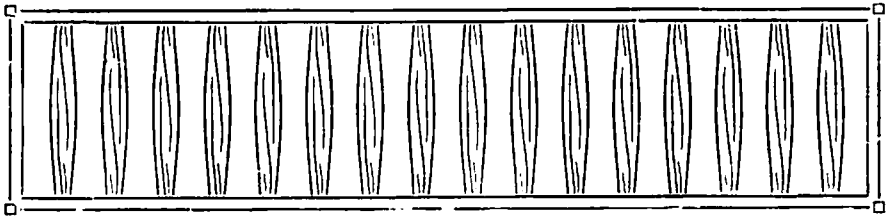
По натурѣ своей П. И. былъ необыкновенно общителенъ. Его влекло къ людямъ, онъ любилъ мирную, серьезную бесѣду; рѣчь его лилась безмятежно пересыпанная массою остротъ и обвѣянная поэзіей: его бесѣда обнаруживала огромную эрудицію и глубокий умъ. Озаренный высокимъ поэтическимъ даромъ, вооруженный высшими знаніями онъ легко и свободно переносился въ область любимыхъ идеаловъ красоты и добра. Его рѣчь журчала, какъ мирный ручей въ ясную погоду, и подъ ея журчанье собесѣднику грезилась: и глубокое свѣтлое небо, и пѣвущая, озаренная улыбкой радости земля. Это была рѣчь учителя-идеалиста, идеалиста 40-хъ годовъ, возвышавшая натуру собесѣдника.

Къ такому человѣку шли мы, дѣти бѣдняковъ, изъ мрачныхъ мидрашей, гдѣ безпощадно избивали: гдѣ орудія нравственнаго воздѣйствія начинались съ обыкновенной линейки и кончались саженой книжевой палкой: гдѣ сердитый окрикъ душилъ любопытство ребенка; гдѣ на человѣка смотрѣли, какъ на предметъ неодушевленный. И

вдруг мы перешли къ Ильѣ Ильичу. Передъ нами явился старикъ съ обворожительной улыбкой, выразившей его прекрасную душу. „Дѣти мои!“ Я не помню, что онъ говорилъ дальше, но помню, что глаза мои при этихъ словахъ наполнились слезами. Семь лѣтъ находились мы подъ могучимъ нравственнымъ вліяніемъ нашего дорогого, милаго, незабываемаго картъ-баба! Онъ любилъ насъ, учениковъ, какъ своихъ дѣтей. Все, чѣмъ волновались наши сердца, все прекрасное и дурное, что было въ нашихъ характерахъ, мы охотно несли къ порогу его судилища, ибо, какъ каждый изъ насъ зналъ, что судить насъ будетъ судья милостивый и любящій насъ. Не было случая, чтобы старикъ не простилъ виновнаго. Какъ часто, по просьбѣ виновнаго, П. П. ходатайствовалъ передъ другими учителями о снисхожденіи. Всѣ мы любили П. П.-ча всей душой; мы любили его любовью святой и благоговѣйной: къ его имени никто не осмѣлился привѣстять какой-либо клички, какъ это часто бываетъ въ училищахъ. Онъ говорилъ: „я хочу одного, чтобы вы были честными людьми, чтобы любили свой народъ и вѣрили въ существованіе Бога; все остальное придетъ само собой“.

Прошло 7 лѣтъ. Наступилъ день, когда мы въ послѣдній разъ пришли въ училище какъ ученики. Къ намъ вышелъ П. П., чтобы распрощаться съ нами. Онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на насъ, хотѣлъ поздравить насъ, но вдругъ слезы брызнули изъ глазъ старика; и только слышно было сквозь слезы: „Дѣти мои!“ Дорогой картъ-баба! Ты плакалъ передъ ареной нашей жизни. Какъ же намъ, ученикамъ твоимъ, не плакать передъ твоимъ гробомъ; вѣдь мы не увидимъ тебя больше; вѣдь мы не услышимъ святыхъ твоихъ рѣчей! Товарищи! Братья! окружите этотъ гробъ, окружимъ тѣснымъ кольцомъ, падемъ передъ нимъ на колѣни, покроемъ его поцѣлуйми и будемъ плакать, плакать безконечно. Учитель! Отецъ! Я вѣрю, ты не умрешь! Ты живешь и будешь жить въ сердцахъ нашихъ, гдѣ до послѣднихъ дней нашей жизни будетъ горѣть огонь идеаловъ, зажженный тобой!.. Мы зажжемъ при помощи этого огня и твоего имени пламя добра и истины въ сердцахъ нашихъ дѣтей!.. Ты не умрешь!..

Памяти Ильи Ильича.

Въ этомъ домѣ *), гдѣ такъ недавно жилъ и мыслить нашъ дорогой Илья Ильичъ, гдѣ среди собравшихся членовъ семьи, друзей и собратьевъ, какъ бы витаетъ его живой духъ, чувствуется потребность уяснить себѣ его жизнь и запечатлѣть его свѣтлый образъ въ нашихъ сердцахъ. Несмотря на то, что нашъ дорогой покойникъ дожилъ почти до предѣла человѣческихъ лѣтъ, чувство наше не можетъ и до сихъ поръ вполне примириться съ этой утратой. И понятно почему, вѣдь несмотря на ослабѣвшее тѣло, его свѣтлый умъ сохранился, онъ былъ способенъ еще на литературную творческую работу; его любящее, благородное сердце еще билось, какъ прежде, помыслами и заботами о судьбахъ и задачахъ родного народа. Да! для насъ, имѣвшихъ счастье близко знать его, онъ до послѣдняго дня оставался живой умственной и моральной силой, безконечно дорогимъ и весьма нужнымъ человѣкомъ. И вотъ почему его смерть явилась для насъ и преждевременной и жестокой... Когда мы несемъ утрату въ лицѣ близкихъ или выдающихся людей, чувства и мысли наши приковываются къ одному изъ вѣчныхъ вопросовъ человѣчества, что такое смерть? Есть ли она—окончательное уничтоженіе дорогого человѣка или возрожденіе къ новой жизни. Умъ человѣческій не въ силахъ разрѣшить этой проблемы. Покойный Илья Ильичъ свято вѣровалъ въ безсмертіе души, въ потустороннюю свѣтлую безконечную жизнь чистаго Духа. Такая возвышающая и утѣшающая вѣра дана не всѣмъ. Но помимо безсмертія, понимаемаго въ религіозномъ смыслѣ, есть вѣчная жизнь, здѣсь, на землѣ, въ памяти и сердцахъ остающихся и преемственно въ душахъ послѣдующихъ поколѣній. Это безсмертіе уже несомнѣнно достается въ удѣлъ тѣмъ, кто, по выраженію поэта, сѣялъ Разумное, Доброе, Вѣчное. А таковымъ сѣятелемъ всю свою жизнь былъ покойный Илья Ильичъ: вся жизнь его была направлена на цѣли высшія—знанія, просвѣщенія и облагораживанія души человѣческой. Стремленіе къ матеріальнымъ цѣлямъ или честолюбію было всегда чуждо этой благородной душѣ: еще въ университетѣ онъ обратилъ на себя вниманіе своихъ профессоровъ, и для него была открыта ши-

*) Сказано въ день поминокъ въ квартирѣ покойнаго П. П. Казаса.

рокая научная дорога; несмотря на крупныя дарованія и любовь къ наукѣ, И. И. по окончаніи университета рѣшилъ, что онъ нужнѣе своимъ темнымъ въ то время братьямъ-караимамъ. И вотъ онъ, отказавшись отъ блестящихъ перспективъ, открываетъ частную русско-караимскую школу въ Одессѣ: здѣсь мы видимъ его въ роли скромнаго школьнаго учителя, но одновременно также—въ роли борца за просвѣщеніе и за истинное пониманіе религіозныхъ проблемъ—не по буквѣ, а по духу священнаго писанія. Всѣмъ извѣстно какія терпіи достаются на долю новаторовъ, и Илья Ильичъ также не избѣгъ этой участи. 4 года, проведенные имъ въ Одессѣ, были годами подвига. Школа его давала замѣчательные результаты, однако, преслѣдуемый, можетъ быть, честнымъ, но темнымъ фанатизмомъ, съ отвергнутой къ родному народу любовью, съ глубокой сердечной раной, Илья Ильичъ закрываетъ школу и пере-

Отецъ И. И. Казаса.

Мать И. И. Казаса.

(Со старинныхъ фотографій).

ѣзжаетъ въ Симферополь, гдѣ многіе годы занимается преподавательской дѣятельностью въ мужской и женской гимназіяхъ и въ татарской учительской школѣ (состоя одновременно инспекторомъ послѣдней). На педагогическомъ поприщѣ: въ Одессѣ, Симферополѣ, и, наконецъ, здѣсь въ Александровскомъ училищѣ Илья Ильичъ проявлялъ необыкновенныя способности и достигалъ замѣчательныхъ результатовъ. Врядъ ли кто другой умѣлъ вызывать въ умахъ учениковъ болѣе живое стремленіе къ знанію или будить въ ихъ сердцахъ такую искру Божію. Это давалось нашему великому педагогу, благодаря рѣдкому соединенію въ его лицѣ необычайнаго таланта, совершеннаго знанія преподаваемого предмета и святой любви къ дѣлу просвѣщенія. На этомъ чуть ли не труднѣйшемъ изъ интеллигентныхъ поприщъ—для него величайшей наградой и радостью было—открыть способнаго ученика и отдавать ему сокровища своего ума и сердца. И какую благодарную память сохранили о немъ

его ученики! Между нимъ и его учениками завязывалась весьма часто трогательная дружба на всю жизнь. Полвѣка работалъ Илья Ильичъ на педагогическомъ поприщѣ: изъ нихъ начало и конецъ своей дѣятельности отдалъ намъ—караимамъ, а остальные годы служилъ въ рядахъ русской педагогической корпораціи. Всегда оставаясь любящимъ и признательнымъ сыномъ великаго русскаго отечества, служа ему не за страхъ, а за совѣсть въ качествѣ педагога, редактора газеты, благожелательнаго цензора, автора русско-татарскихъ учебниковъ, всей душой раздѣляя радости и горести мыслящаго русскаго общества, согрѣтый участіемъ и лаской многихъ представителей его Илья Ильичъ всю свою долгую жизнь не переставалъ вмѣстѣ съ тѣмъ жить также и интересами той маленькой пламенной и религіозной группы, къ которой принадлежалъ по рожденію и по первоначальному воспитанію. Для благородныхъ и любящихъ душъ никакое дѣло на пользу ближняго не кажется ничтожнымъ и никакая жертва не кажется чрезмѣрной: и Илья Ильичъ тратилъ массу успій для маленькаго роднаго народа: во всѣхъ нашихъ національныхъ и общественныхъ дѣлахъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе. Одновременно съ преподаваніемъ въ гимназій — очевидно, урывая время отъ отдыха и сна, — онъ составилъ въ высокой степени талантливый учебникъ и хрестоматію для изученія языка священнаго писанія: сдѣлалъ массу успій для борьбы съ вѣковыми суевѣріями и для просвѣщенія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего своего народа. Его труды увѣнчались успѣхомъ: онъ получилъ высокое удовлетвореніе отъ исполненія его завѣтной мечты — вывести караимовъ на культурную дорогу.

Но, къ сожалѣнію, торжество его было далеко неполное: съ грустью философа-идеалиста и глубоко вѣрующаго человѣка Илья Ильича видѣлъ, что наряду съ значительными успѣхами въ образованіи его единовѣрцы стали давать чрезмѣрную дань вѣку матеріализма, что исключительно практическое направленіе, жажда наслажденій и успѣха берутъ верхъ надъ духовными запросами и надъ стремленіемъ къ моральному совершенству. Однако созерцательная и бездѣятельная грусть была не въ характерѣ покойнаго, и опять Илья Ильичъ, какъ вначалѣ своей дѣятельности, почувствовалъ неодолимое влеченіе выйти для работы на нивѣ родной — туда, гдѣ, какъ онъ чувствовалъ, его работа особенно нужна. Если прежде онъ особенно ратовалъ за просвѣщеніе, то теперь — послѣ разрѣшенія первой задачи, предстала предъ нимъ новая задача — нравственнаго воспитанія и возрожденія караимовъ на почвѣ изученія святой Торы, пророковъ и великихъ мыслителей человѣчества. Съ этой цѣлью по мысли его и его друзей были собраны средства и открыто Александровское духовное училище, и Илья Ильичъ съ беззавѣтной любовью отдается новому дѣлу — подготовки будущихъ руководителей со-

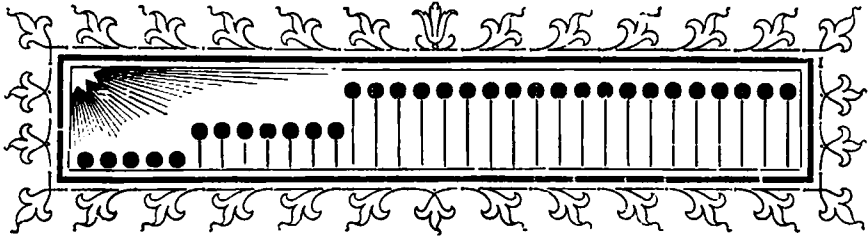
лѣсти и учителей вѣры. Помимо прямыхъ занятій въ качествѣ преподавателя и инспектора, онъ вновь принимается за перо и составляетъ прекрасныя сочиненія по философіи, этикѣ и библейской исторіи — главнымъ образомъ чтобы создать руководства для своихъ учениковъ.

Вынужденный два года назадъ за крайней слабостью здоровья оставить преподаваніе и руководство училищемъ, онъ еще до послѣдняго времени у себя на дому дополнялъ образованіе отдѣльныхъ своихъ учениковъ. Весьма рѣдкіе часы досуга при этой полной труда и подвига жизни. Пляя Ильячъ посвящалъ и поэтическому творчеству, и изъ-подъ пера его вышли чудныя по глубинѣ переживаній, по благородству содержания и формы — стихотворенія, изданныя имъ недавно въ видѣ особаго сборника.

Эти философскія и поэтическія произведенія еще ждутъ своихъ цѣнителей и составятъ, несомнѣнно, нашу гордость и славу... Нужно ли мнѣ напомнить, каковъ былъ этотъ выдающійся человѣкъ въ обществѣ. Въ высокой степени скромный и привѣтливый, чрезвычайно мягкій и добрый особенно къ слабымъ и обездоленнымъ; неизмѣнно прямодушный съ ближними и съ властью и мушшми, взыскный и остроумный собесѣдникъ—онъ очаровывалъ всѣхъ близко знавшихъ его. Въ одномъ онъ былъ непреклоненъ — въ отстаиваніи своихъ глубоко продуманныхъ убѣжденій, въ отстаиваніи своего и чужаго — человѣческаго достоинства. Здѣсь онъ бывалъ мужественъ до самоотверженія. Земного въ этомъ человѣкѣ было лишь настолько, чтобы признавать его человѣкомъ — плотью отъ плоти нашей и чтобы не чуждаться его высоты. Весьма крупный талантъ и одновременно усердный — порой до кропотливости — работникъ: поэтъ, философъ, моралистъ, педагогъ и общественный дѣятель, чуткій гражданинъ и вдохновенный проповѣдникъ — онъ представлялъ рѣдкое гармоническое сочетаніе самыхъ высокихъ человѣческихъ качествъ и необыкновенной плодотворной дѣятельности для общаго блага. — это былъ человѣкъ, — дѣйствительно, созданный по образу и подобию Божію. Увы! мы не увидимъ больше эти добрыя и благородныя черты, не услышимъ его задушевныхъ словъ и мудрыхъ совѣтовъ, его лира больше не зазвучитъ, онъ больше не подаритъ намъ ни одной строки... Велика наша скорбь, глубока наша душевная рана... Но будемъ же свято цѣнить оставленное имъ духовное наслѣдіе, будемъ носить этотъ свѣтлый образъ въ нашихъ сердцахъ: пусть его духовный обликъ вдохнетъ въ насъ живое стремленіе къ идеалу, стремленіе къ совершенству въ дѣлахъ и помыслахъ. А ты, дорогой покойникъ! прощай и прости намъ! Миръ праху твоему и да будетъ тебѣ по дѣламъ твоимъ и по вѣрѣ твоей въ чертогахъ небесныхъ!

С. Бобовичъ.

Воспоминанія обь учительѣ.

Когда мы теряемъ человѣка, то во всей силѣ воскресаютъ всѣ эпизоды жизни и дѣятельности этого человѣка, уцѣлѣвшіе гдѣ-то далеко въ нашей памяти.

Въ бытность мою въ седьмомъ классѣ симферопольской гимназіи въ 1863 году, въ началѣ академическаго года явился къ намъ, въ качествѣ преподавателя исторіи, Илья Ильичъ Казасъ. Онъ былъ блѣдень, худъ, послѣ каждой фразы каплялъ. Съ первыхъ дней знакомства мы поняли, что имѣемъ дѣло съ прекраснымъ, знающимъ и любящимъ науку преподавателемъ, а мы были избалованы прекрасными преподавателями исторіи, предшественниками Казаса, у насъ были: В. П. Стратоновъ и Грѣшнищевъ. (Стратонова и тогда постигла судьба московскихъ профессоровъ: онъ долженъ былъ оставить преподаваніе и перейти въ другую сферу дѣятельности)...

Илья Ильичъ съ первыхъ же дней преподаванія сталъ заботиться о приобрѣтеніи учащимися возможно большихъ свѣдѣній по исторіи. Онъ сталъ приносить въ классъ и прочитывать Бокля, Маколея и появившіяся тогда въ переводѣ статьи Карлейля о Фридрихѣ-Вильгельмѣ и Фридрихѣ Великомъ, и каково было удивленіе командированнаго изъ округа къ окончательнымъ испытаніямъ экзаменатора князя Дабижа, когда онъ увидѣлъ, что лучшіе авторы того времени по исторіи были извѣстны ученикамъ, оканчивавшимъ курсъ.

Чѣмъ насъ особенно поразилъ Илья Ильичъ это тѣмъ, что прибывшіе съ нимъ въ Симферополь его братъ и племянникъ (Ганатаръ) и поступившіе въ VI классъ нашей гимназіи читали въ подлинникѣ безъ словаря Юлія Цезаря, Тацита и другихъ

авторовъ, тогда какъ мы, ученики VII класса, съ трудомъ осиливали этихъ авторовъ, залѣзая ежеминутно въ лексиконъ.

Разгадку этого педагогическаго искусства я могъ получить отъ Ильи Ильича только черезъ десять лѣтъ. Окончивъ университетъ, отбывъ повинность „хожденія въ народъ“ въ качествѣ учителя народной школы, я возвратился въ Симферополь и нашелъ Илью Ильича преподавателемъ латинскаго языка въ нашей гимназiи.

Первыми моими словами были:

— Воображаю, Илья Ильичъ, сколько знаютъ по-латыни ваши ученики, когда вашъ братъ и племянникъ въ IV классѣ читали свободно авторовъ?

— Столько же знаютъ, сколько знаешь и ты.

— Но почему?

— Потому, что преподаватель связанъ программой и учебниками, и отъ него много требуется, но только совсѣмъ не знанiя языка и классическаго міра...

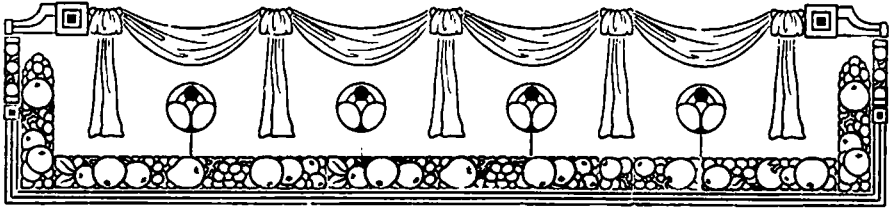
Оставивъ преподаваніе, Илья Ильичъ не зналъ, куда дѣвать свою энергію и громадную эрудицію, и имъ были сдѣланы переводы нѣкоторыхъ новыхъ писателей на древне-еврейскій языкъ, который онъ зналъ въ совершенствѣ. Вспоминая то состояніе здоровья, въ какомъ Казась явился преподавателемъ въ нашу гимназiю, никакъ нельзя было ожидать, что полезная дѣятельность этого труженника продлится такъ долго.

П. Щербина.

И. И. Казась съ женой.

(Снимокъ 1859 г., фот. А. Мичри).

Памяти Ильи Ильича.

Спеть въ могилу послѣдній изъ старыхъ учителей симферопольской мужской гимназіи. Илья Ильичъ Казась. Человѣкъ, дожившій до глубокой старости и сохранившій почти до конца всѣ свои физическія силы и умственную бодрость... Учитель—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, къ которому навсегда остались у его безчисленныхъ учениковъ самыя хорошія, самыя теплыя чувства... И это, несмотря на то, что преподавалъ онъ намъ въ то доброе, старое время такой непопулярный, такой нелюбимый предметъ, какъ латинскій языкъ... И это несмотря на то, что Илья Ильичъ вовсе не потворствовалъ нашимъ хитростямъ, ужъ на что были мы изобрѣтательны по этой части,—напротивъ, строго добивался отъ насъ усидчивости и любви къ наукамъ, иногда огорчая радости нашего существованія надлежащей величины колами и двойками. Но онъ всегда былъ добръ и справедливъ. Бывало разсердится, раскиситъ, раскричится на нашу безпardonную братію, которая порою могла вывести изъ терпѣнія и человѣка съ ангельскою душою. А потомъ отойдетъ и все снова по-старому. Чуть же кому придется плохо къ четверти съ отмѣтками или, вообще, постигнетъ какая-нибудь непріятность, Илья Ильичъ всегда не откажетъ въ возможной помощи. И на педагогическихъ совѣтахъ отстаивалъ онъ по мѣрѣ возможности неудачниковъ и провинившихся—мы хорошо были освѣдомлены обо всемъ этомъ. Ихъ было три старыхъ коренныхъ педагога въ то время въ симферопольской гимназіи: Илья Ильичъ Казась, Карлъ Васильевичъ Тринклеръ и Александръ Константиновичъ Хамарито. Такихъ цѣльныхъ, оригинальныхъ, каждая въ своемъ родѣ фигуръ, теперь уже не найти въ мірѣ теперешнихъ трафаретныхъ человѣковъ въ футлярѣ. Остальное все, что окружало ихъ, было постояннымъ наносомъ, откуда-то наплывавшимъ, чѣмъ-то сносившимся куда-то. Куда—это никого не интересовало... Самыя имена большинства ихъ быстро поросли травою забвенья...

Но эти трое были наши коренные, свои. Они жились и сроднились съ Крымомъ. съ гимназією и были связаны съ нею какими-то невидимыми, но безконечно прочными, цѣпями... Сколько тысячъ молодежи крымской прошло черезъ ихъ руки!.. Не забудьте, что тогда симферопольская гимназія была единственною на весь Крымъ, если не считать далекой Керчи. Все, что есть теперь, возникло и выросло послѣ. И въ Симферополь привозили учиться мальчиковъ изъ всей губерніи. Сколько лѣтъ учили тутъ дѣтей, становившихся отцами и привозившихъ сюда же своихъ сыновей, К. В. Тринклеръ и А. К. Хомарито? Одинъ—типичный флегматикъ, другой—живой и подвижной, какъ ртуть, несмотря на свой преклонный возрастъ. И. П. Казаевъ, впрочемъ, работалъ въ гимназіи значительно меньше времени. Потомъ онъ ушелъ въ татарскую школу, —отсюда—перѣхалъ совсѣмъ въ Евпаторію. Но въ сердцахъ своихъ бывшихъ учениковъ, многіе изъ которыхъ теперь тоже уже сѣдые старики и дѣды своихъ внуковъ, онъ оставилъ на всю жизнь самыя лучшія воспоминанія. И, конечно, главнымъ образомъ—своею добротою и справедливостію. Это былъ не просто учитель латинскаго языка. Это былъ человѣкъ широкаго образа мыслей, ученый, философъ, смотрѣвшій глубоко въ суть вещей. Онъ могъ вспылить разсерженный нашими мальчишескими продѣлками, или безграничною лѣтнію.—но никогда не могъ быть злопамятнымъ. Помню, какъ насторожился нашъ классъ, когда попалъ къ намъ младшій сынъ Ильи Ильича. Ну-ка, простѣдимъ, говорили мальчишки, въ какой степени проявится безпристрастіе родителя къ своему птенцу, въ случаѣ чего-либо такого. Птенецъ самъ былъ всегда на чеку, отличаясь примѣрнымъ поведеніемъ и прилежнымъ изученіемъ латыни. Не разъ мы торжествовали, когда онъ на чемъ-то «скиксовалъ» и Илья Ильичъ пробравъ хорошенько своего Азарку, залѣпилъ ему не то колы, не то двойку.

Не знаю, какъ теперь въ гимназіяхъ, но въ наше время изобрѣтательность мальчишекъ по части всякаго рода продѣлокъ не знала границъ, хотя многіе заплатились за это очень строго. Ужъ такой спортъ процвѣталъ по части молодецтва всякаго рода. И особенно отличалась вѣчно Камчатка, собиравшаяся на заднія парты и признававшая всякія пауки вообще большимъ недоразумѣніемъ. Помню Коломійцева, который приносилъ въ классъ водку въ раницѣ, и когда отъ него разлило спиртомъ, какъ изъ бочки, съ невинными глазами клялся педагогамъ, что это онъ лѣчится отъ зубной боли. Этотъ Коломійцевъ разыгрывалъ на-потѣху всему классу по заранѣе выработанной программѣ цѣлые дивертисменты.

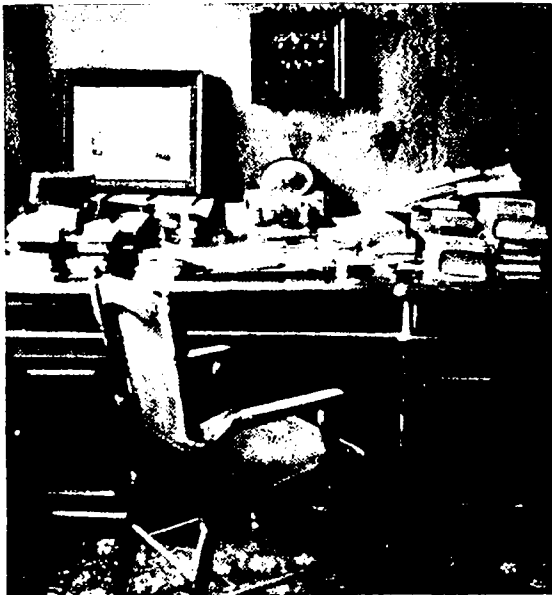
И нужна была вся незлобивость, вся кротость Ильи Ильича, чтобы спокойно выслушивать тѣ переводы метаморфозъ Овидія, которыя устраивать вызванный къ доскѣ Коломійцевъ. Овидіевскія превращенія—вообще для гимназій вещь очень тонкая. Коломійцевъ, проявившій вдругъ необычайную любовь къ классикамъ, отыскивалъ въ метаморфозахъ самыя сомнительныя слова и усиленно добивался истиннаго смысла ихъ. То-то была потѣха временами для избалованныхъ мальчишекъ, когда этотъ дылда съ дѣланно-наивнымъ видомъ лаялъ разныя словечки по вольному переводу.

И все это прошло, все это осталось гдѣ-то далеко, далеко сзади... Мы сами постарѣли душою и тѣломъ... И только чья-нибудь смерть возвращаетъ насъ на мгновение къ прошлому и будить въ нашихъ сердцахъ какія-то позабытыя тенныя хорошія чувства.

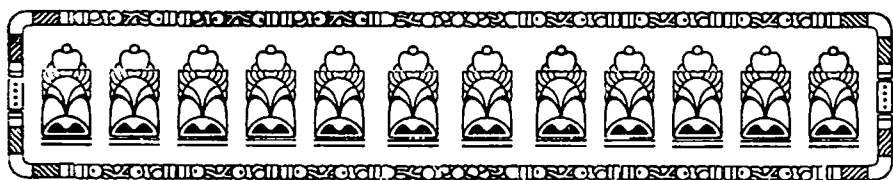
Въ глубокой старости, окруженный общимъ уваженіемъ, не имѣя враговъ—умеръ нашъ старый, милый учитель—Илья Ильичъ Казасъ. Умеръ одинъ изъ первыхъ пионеровъ газетнаго дѣла въ Крыму, отдававшійся ему съ большимъ увлеченіемъ и много горечи испытавшій за свое сравнительно недолгое редактированіе «Тавридою»...

И хорошо бы было, если бы мы, старые ученики его, связали бы имя Ильи Ильича съ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ: ну, хотя бы устроить стипендію въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи.

А. Ярошко.

Кабинетъ И. И. Казаса.

Старые педагоги.

Памяти И. И. Казаса.

Умеръ послѣдній «старый симферополецъ» Илья Ильичъ Казасъ. Въ старомъ Симферополѣ, который заканчивался у Феодосійскаго моста, у котораго не было ни новыхъ городскихъ кварталовъ, ни Шестериковскихъ и Вокзальныхъ слободокъ, жилось много лучше, нежели живетъ теперь.

Правда, улицы города были немощены, фонарей было мало, и обыватели, идучи вечерами въ клубъ въ дворянскій домъ, освѣщали свой путь ручными фонариками. Эти фонарики были различные, и издали можно было отличить по мерцающему свѣту фонарика А. И. Канивецкаго отъ А. К. Хамарито или Н. К. Кондури.

Не было гордости Симферополя—памятника Екатерины, вокругъ собора былъ пустырь, огороженный изломанной оградой, на городской садъ съ удивительной раковинной на мѣстѣ нынѣшняго театра, былъ густо-густо засаженъ сиренью, и когда по веснѣ она цвѣла, аромат разносился чуть ли не на весь городъ. А базаръ? Эта колоссальная площадь, немощенная, вѣчно грязная, пыльная, вопиющая...

И все же, смѣю утверждать, что жилось въ старомъ Симферополѣ не такъ дурно.

Развѣ была тогда между семьей и школой та глубокая разнь, какая существуетъ теперь? Въ мужской гимназiи былъ Александръ Константиновичъ Хамарито, Карлъ Васильевичъ Тринклеръ, въ женской—Николай Константиновичъ Кондури, за сорокъ лѣтъ службы не пропустившiй ни одного урока, въ татарской школѣ Илья Ильичъ Казасъ, въ уѣздномъ училищѣ Федоръ Ивановичъ Кудрицкiй, городской голова, онъ же уѣздный предводитель дворянства, былъ Николай Ивановичъ Ивановъ, много лѣтъ читавшiй въ гимназiи русскiй языкъ.

Это была одна семья.

Въ тѣ времена Илья Ильичъ живо интересовался прошлымъ Крыма. Онъ зналъ всю его исторiю, всѣ легенды и любилъ рассказывать ихъ. Надъ нимъ постоянно подтрунивали. Вѣчно занятый,

до составленіемъ русско-татарскаго словаря, то работой надъ первой грамматикой татарскаго языка, то переводомъ и расшифровываніемъ надмогильныхъ надписей чухутъ--кальскаго кладбища, Илья Ильичъ былъ въ обиходной жизни до крайности разсѣянъ. Какихъ только анекдотовъ не рассказывали старые педагоги про него. Здѣсь фигурировала и палка, которую онъ уложилъ спать, а самъ сталъ вмѣсто нея въ уголь и вообще всѣ многочисленныя анекдоты про разсѣянныхъ, приписывавшіеся ему. Но всѣ глубоко уважали Казаса, какъ ученаго и всѣ ожидали, что онъ пойдетъ далеко. Однако, слава не прельщала его. Въ личной жизни это была воплощенная скромность. Высшимъ наслажденіемъ для него было сидѣть въ своемъ кабинетѣ и копаться въ старыхъ свиткахъ Горы, переводить ихъ, расшифровывать, толковать. Высшей мечтой его было послужить родному народу, народу такъ много пережившему и перестрадавшему, потерявшему все, даже языкъ, и сохранившему лишь вѣру предковъ, сумѣвшему удержать ее во всей чистотѣ и неприкосновенности.

Онъ ушелъ изъ гимназіи, потому что въ ней воцарился Тимошевскій, человѣкъ, чуждый Симферополю, принесшій старымъ педагогамъ много незаслуженнаго ими зла. И вотъ, будучи инспекторомъ татарской школы, Илья Ильичъ задумалъ основать духовно-просвѣтительное учебное заведеніе для караимовъ.

Ему помогъ его другъ Панчуловъ. Семинарія была открыта въ Евпаторіи, она въ лицѣ Илья Ильича приобрѣла рѣдкаго, выдающагося педагога, но наука потеряла своего служителя, подаваемаго много надеждъ...

Время шло. Старые педагоги уходили, освобождали свое мѣсто молодымъ. Ал. Кон. Хамарито ушелъ въ женское духовное училище и тамъ окончилъ свои дни, нѣжно и горячо любимый епархіалками; П. К. Кондури ушелъ въ мужское духовное училище и оттуда отнесли его на кладбище, умеръ Тринклеръ, умеръ въ бѣдности Н. И. Ивановъ; послѣднимъ ушелъ Илья Ильичъ Казасъ.

Славная, почетная смерть. Человѣкъ сдѣлалъ максимумъ того, что могъ сдѣлать, онъ зажегъ свѣточъ науки и правды въ сердцахъ тысячи учениковъ и ушелъ, если не оплакиваемый, ибо кто въ нашъ вѣкъ плачетъ, то провожаемый чувствомъ искренней любви.

На смѣну старымъ педагогамъ пришли повые, явились знаменитые футлярные люди, которые тѣснятъ, давятъ хорошихъ учителей и не дождутся они тѣхъ поминокъ, которыя выпали на долю стариковъ...

Н. В.

Сестръ.

Многострадальной, ободенной судьбою нарани-
ской дѣвушкѣ, посвящаетъ авторъ эти безыскус-
ственные строки.

Мнѣ жаль тебя, побѣгъ осенній, побѣгъ безвременной от-
жившаго народа, Не знаешь ты, какъ ярко лучъ весенній; без-
плодна ты, какъ зимняя природа.

Твой путь идетъ долиною страданій, Типы „Ахыръ Земана“,
къ концу печальному тебя онъ приведетъ.
Ты вся опутана тенетами преданій, твой
стонъ безпомощный отзвука не найдетъ.

О бессонныхъ ночахъ и надеждахъ
разбитыхъ взоръ твой печальный души
говоритъ. Слѣды слезъ, втихомолку проли-
тыхъ, эта скорбная складка ревниво таитъ.

Въ черныхъ кудряхъ робкѣй слѣдъ стѣ-
дины. Годы уносятъ, что юность дала...
А давно-ль изъ цвѣтовъ твоей чудной весны
ты душистый вѣнокъ шаловливо плела?..

Но надежда ушла и разсѣялись грезы,
гасли одинъ за другимъ путевые огни... Что
теперь впереди? Безутѣшныя слезы, одино-
кая старость, унылые дни...

Я видѣлъ разъ: съ волненьемъ необыч-
нымъ дитя чужое нѣжно ты ласкала...
Рученка пухлая движеніемъ привычнымъ
къ груди твоей дорогу все искала.

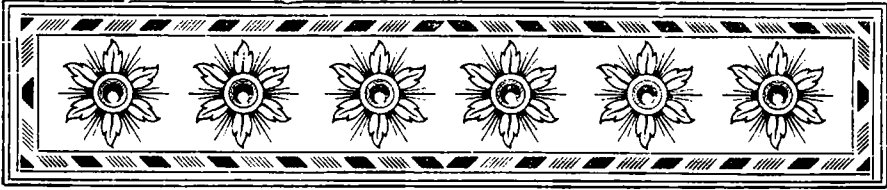
Невинныя уста шептали сладко
„мама“... Ты поблѣднѣла вся... Нахлынули
рыданья... О, жуткѣй мигъ! О, потрясаю-
щая драма! Обнажилась вся глубь сокры-
таго страданья.

Мнѣ жаль тебя, побѣгъ осенній, жертва лишняя холоднаго
ненастья. Тебя не ласкаетъ лучъ весенній, тебѣ не свѣтитъ
солнце счастья...

Дашенька.
(Рис. Ф. Сарафѣ).

А: Марджовичъ.

УЧИТЕЛЬ.

Въ кофейнѣ, за круглымъ столомъ сидѣло нѣсколько караимовъ. Передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ дымилась чашка кофе, и стояло блюдо съ маленькими кусочками сахара. Каждый изъ караимовъ черезъ длинные промежутки времени откусывалъ крошечный кусочекъ сахара, потягивалъ изъ чашки ароматное кофе и неизмѣнно заканчивалъ глотокъ возгласомъ: „о-о-о-хъ!“. Не знаю, можетъ быть, вообще, принято, проглотивши что-нибудь пріятное, говорить: „о-о-хъ!“. Но думаю, даже увѣренъ, если хотите, что никто не сравняется съ караимомъ въ искусствѣ выраженія этого — „о-о-о-хъ!“ Въ этотъ тягучій, сочный возгласъ вкладывается столько индивидуальныхъ особенностей, столько сокровенной жизни сердца, что по извѣстнымъ модуляціямъ этого „о-о-о-хъ!“ легко можно опредѣлить даже—каково общественное положеніе пьющаго кофе.

Обратите, напримѣръ, вниманіе на то, какъ ведетъ себя за чашкой кофе бѣднякъ. Его — „о-о-хъ!“ приближается скорѣе къ звуку „ахъ!“ и какъ будто хочетъ сказать:—Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось выпить еще чашку, но на это у меня нѣтъ лишниехъ денегъ и лишняго времени.

Совсѣмъ другое дѣло богачъ. Его — „о-о-хъ!“—звучитъ лѣниво и, если хотите, нѣсколько покровительственно; его можно было бы выразить такъ:

— Смотрите, какъ я не спѣшу; да и куда мнѣ спѣшить. Дѣла мои блестящи, домъ, какъ полная чаша; а если я пью эту чашку, такъ только отъ скуки.

Поэтому, когда въ обществѣ, сидѣвшемъ за столомъ, старикъ сталъ рассказывать другимъ что-то интересное, я сразу замѣтилъ, что рассказчикъ—богачъ.

Когда начался разговоръ, всѣ поставили свои чашки на столъ, приняли очень скромный видъ и стали слушать. Я изъ любопытства тоже сталъ слушать. И вотъ что говорилъ старикъ.

Да, господа, не хотите ли послушать преинтересную исторію о томъ, какъ нашъ джамать освободился въ прошломъ году отъ нежелательнаго учителя. Кое-что вы объ этомъ учителѣ, навѣрное, слышали, но никто не знаетъ всѣхъ подробностей. Ну-съ, слушайте. Въ маѣ мѣсяцѣ умеръ учитель нашего мидраша рибби Пенирь-Сюймезъ. Прекрасной души, доложу вамъ, былъ человѣкъ. Правда, многое про него рассказывали. Ну, да про кого изъ насъ не разносятъ всякой чепухи. Это, конечно, дѣло нашихъ бабъ. Ну, а намъ мужчинамъ вѣрить, конечно, не приходится. Я, знаете, держусь такого правила: выслушаю

всѣ сплетни своей эрбиче, а затѣмъ 90% долой со счета. Ну, а изъ того, что рассказывали про покойника—Господь да успокоить его ученую душу—можно было скинуть, непокриви въ душу, и всѣ 99 процентовъ.

Посудите сами. Говорили, напримѣръ, что покойникъ билъ дѣтей. Согласенъ, билъ. Но скажите вы мнѣ на милость, онъ первый что-ли завелъ линейки и фалака въ мидрашахъ? Такъ заведено отцами и дѣдами. А отцы и дѣды, скажу я вамъ, знали, что дѣлали. Ну, покойникъ и билъ; и спасибо ему большое за это. Говорятъ,—билъ жестоко. Ха-ха-ха! Ну, скажите на милость, что жестокаго въ томъ, что отлучишь здорovenнаго лѣнтя? А? Да это же здоровья ему, этому самому лѣнтяю, прибавить. Или вотъ еще говорятъ: колотушки превращаютъ людей въ нѣчто, равное животному. Ну, это уже совсѣмъ напрасно,—каждаго изъ насъ били, били много и долго! Что же? Возненавидѣли мы своихъ рибби? Совсѣмъ наоборотъ.

Ахъ, господа, съ какой благодарностью вспоминаю я ту руку, которая меня била!.. Хе-хе! эта рука—это было посланіе отъ Бога, не иначе. Не колоти меня учитель, я не знаю еще, вышелъ бы изъ меня порядочный человекъ. Вѣроятнѣе всего, нѣтъ. Хе-хе! Насъ били. Мы, бѣдные, несчастные, не имѣемъ что ѣсть, мы не можемъ заработать на приличный костюмъ? А что же, спрошу я васъ, что вышло изъ тѣхъ, кого не бьютъ? Къ примѣру сказать, вотъ сынокъ мой, знаете, гимназистъ, въ 4-мъ классѣ. Уже, можно сказать, все я ему предоставляю: книги тебѣ—на; новый ранецъ—извольте; шинели захотѣлось изъ 10-рублеваго сукна—сдѣлайте ваше одолженіе. И что же вы думаете? Не дальше, какъ недѣлю тому назадъ, приноситъ онъ это четвертная отмѣтки. Хорошо! Смотрю: по русски двойка! И можете себѣ вообразить,—ему заплакать, да въ ноги мнѣ, въ ноги! А онъ такъ сталъ противъ меня и спокойно такъ:

— Знаешь, говорить,—папа, учитель сказалъ, чтобы ты взялъ мнѣ репетитора.

Посмотрѣлъ я на него, мило такъ, да какъ свиснулъ его по уху.

Вотъ,—говорю тебѣ, мерзавецъ, репетиторъ. Да еще разъ ему, да въ третій.—Вонъ,—говорю,—чтобы духу твоего я не видѣлъ!

Такъ то оно! Онъ, мерзавецъ, получилъ двойку, онъ лѣнтяю празднуетъ, а я же, я, отецъ, изволь сказать ему:

— А, вы двойку получили? Ахъ, какъ я глупъ! Вотъ вамъ репетиторъ. Будьте добры, пусть за васъ работаютъ другіе; а вы поиграйте!

А отчего все это, спрашиваю я васъ? Оттого, что пропалъ страхъ къ учителю, вотъ что. Въ дѣтствѣ я боялся учителя, какъ огня! Да что вы,—чтобъ учитель увидѣлъ меня на бульварѣ! Да Боже-жъ меня сохрани! Завидишь, бывало, учителя за 2 версты на улицѣ, и то бѣжишь, какъ угорѣлый. Отчего? Оттого, что палка учителя была хорошо всѣмъ знакома. Не вкусно? Не балуйся, веди себя смиренно, не лѣнись. Такъ-то!

Да, о чемъ это я хотѣлъ говорить? Ага! Такъ вотъ, знаете, померъ нашъ рибби Пениръ-Суймезъ. Похоронили мы его честь-честью: какъ ни какъ, не собака же, а общественный учитель. Даже вѣнокъ былъ отъ кого-то. Газзанъ нашъ прочелъ надъ свѣжей могилой теп-

лое слово. А вы знаете, какъ умѣть говорить рибби Моше. Правда, онъ не ученый; но развѣ дѣло въ учености? Тутъ главное фигура и пламенность. Ахъ, умѣть говорить собака! И откуда это слова у него такія берутся забористыя. Скажетъ слово и тексты, и тексты, Боже правый! Десятки, сотни, тысячи текстовъ! Оно хоть и непонятно, а все же за сердце, знаете, беретъ.

Э!—подумаешь,—Мошака даромъ библии не беспокоить. Ну, и всплакнемъ иногда. Да, такъ было и на этотъ разъ. Сталъ этакъ надъ могилой, на цѣлую голову выше джамата, грудь— колесомъ. Сталъ этакъ и говорить:—Братья!—И больше ни слова! Не могъ даже текстовъ привести! И вдругъ какъ зарыдаеть. Вѣсь джаматъ, повѣрите ли, такъ и завылъ.

Типы караимовъ.

Старый эрбака.

(Рис. Ф. Сарафъ).

А газзанъ опять, еще плачевнѣй, еще пламеннѣй—„Братья!“—говорить, и еще пуше разливается. А мы грѣшные за нимъ. Ну, знаете, никогда я плакалъ такъ, какъ въ этотъ часъ. Достойной души человекъ нашъ Мошака. Однимъ словомъ, вы понимаете, такъ прошибъ всѣхъ. Гдѣ это видано?—„Братья“—говорить, какъ сейчасъ помню, и какъ заплачетъ. И всѣ за нимъ плачуть.

Послѣ него говорилъ нашъ габай. Да, тоже лицомъ въ грязь не ударить. Онъ тихъ, тихъ; а какъ скажетъ, то скажетъ. А все же вышло не то, что у Мошаки. Оно, правда, кое-кто всплакнулъ; но все же не то, не то, всѣ замѣтили, что не то.

Ну, хорошо. Похоронили мы учителя, ну, и семью не оставили на произволъ судьбы. Назначили ей помѣсячно отъ общества 5 рублей и муку на пасху, ну, и топлива на зиму. Все жъ, какъ ни какъ, человекъ служилъ обществу 20 лѣтъ. Покончивъ съ этимъ лѣломъ, стали мы подумывать о томъ, чтобы пригласить себѣ новаго учителя.

Дѣло, знаете ли, не легкое. Не станемъ же мы поручать воспитаніе дѣтей кому попало! Главное, чтобы человекъ Бога боялся, да аккуратно кенаса по-

сѣщаль. Ну, а по нынѣшнимъ временамъ такого не легко найдешь. Правда, охотниковъ много было; но все народъ, знаете ли, съ изьянцемъ. Тотъ и ученый, и тора, и невимъ и мивгаръ, и все, что тамъ полагается, знаетъ, да только въ Бога не вѣруеть; тотъ и въ Бога вѣруеть, да въ кенаса не ходитъ; тотъ и въ Бога вѣруеть, и въ кенаса ходитъ, да забылъ давно все, что зналъ; а четвертый всѣмъ бы, кажется, взялъ, да фигура, знаете ли, этакая поганая, маленькая и взглядъ умильный. А учительскій взглядъ, знаете,

должень быть строгій, твердый, такъ чтобы прошибаль. Ну, значитъ, и этотъ попалъ въ тиражъ.

Что тутъ подѣлаешь? Мы просто съ рибби Моше голову потеряли. Я уже и шамашу сказалъ:—Смотри,—говорю,—найдешь подходящаго человѣка, не пожалѣю тебѣ десяти рублей. Приходи ко мнѣ, какъ только найдешь; днемъ, ночью—все едино. Да нѣтъ, и шамашъ никого не находитъ. И, знаете, скучно какъ-то стало безъ учителя. Какъ ни какъ, зайдешь иногда въ мидрашъ, поговоришь съ учителемъ; просмотришь, красиво ли мальчики пишутъ. А тутъ—нѣтъ учителя и баста. Всѣ ходимъ, какъ ошалѣлые. Шамашъ даже пить сталъ шибче!

Ну-съ, въ это-то тяжелое время, когда однажды сидѣлъ я въ своей комнатѣ и свѣрялъ счетъ за проданную пшеницу, является ко мнѣ рибби Моше и говоритъ:

— А знаете ли, рибби Есефъ, я таки нашель выходъ.

Ну, какъ сказалъ онъ это, сразу повеселѣлъ я духомъ. Я хорошо зналъ рибби Моше—даромъ ничего не скажетъ.

— Садитесь,—говорю,—дорогой эрбака, рассказывайте.—А самъ кричу женѣ: „Сарра, посмотри-ка въ шкафу, не замѣтишь ли чего хорошаго?“—Ибо зналъ я хорошо, что эрбака любилъ рассказывать, будучи въ хорошемъ настроеніи, а ни что такъ ни располагало его къ подобному настроенію. какъ добрая рюмка стараго вина, или какое-нибудь рѣдкостное кушанье. Ну, само собой накрыла жена моя на столъ; сдѣлала эрбака бераха (безъ бераха онъ шагу не могъ ступить), выпилъ и поѣлъ, что слѣдуетъ, и сталъ рассказывать.

— Лежу это я, рибби Есефъ, вчера въ постели и думаю: откуда бы это достать учителя. Вдругъ какъ ударить въ голову, точно молнія—вскочилъ съ постели и крикнулъ во все горло: „Нашель!“ Жена, знаете ли, испугалась, бѣдняжка, прибѣжала; а я ей навстрѣчу:— „Нашель!“ кричу.

— Голубчикъ,—говорить,—успокойся: что нашель?

— Учителя нашель!

— Легъ я опять; не спится да и только. Я и такъ, я и этакъ, нѣтъ, не спится. Только подъ утро уснулъ; такъ былъ радъ. Такъ вотъ что, рибби Есефъ, пришло мнѣ въ голову. Въ Кезлевѣ живетъ старый рибби Гиллель, мой бывший учитель, мужъ ума необыкновеннаго, напишите ему письмо, и черезъ недѣлю вы будете имѣть учителя. Рибби Гиллель пошлетъ намъ достойнѣйшаго.

Я, знаете ли, отъ этихъ словъ рибби Моше такъ и подпрыгнулъ. И какъ это до сихъ поръ не пришло мнѣ въ голову. Ушелъ эрбака. И рѣшилъ я послѣдовать его совѣту. Написалъ письмо рибби Гиллелю: такъ и такъ, молъ, учитель нашъ, милостью Бога, померъ; пришлите достойнаго преемника. Ну, правда, письмо то написалъ собственно эрбака, а только отъ моего лица; вотъ оно и вышло, будто написалъ я. Какъ ни какъ, а рибби Гиллель, человѣкъ важный. Ну, и надо писать ему умѣючи. Не напишешь же ему прямо: пришлите, молъ, учителя. Нужно сначала пожелать здоровья, да не какъ-нибудь, а привести при этомъ цитату нѣсколько изъ Библии. Написалъ это я и жду. Эрбака по этому случаю забѣгаетъ въ день раза три:— „Что, нѣтъ ли отвѣта?“— Нѣтъ.—И шамашъ зачистилъ,—нѣтъ ли отвѣта. Да тебѣ то что,

говору,—вѣдь не ты же нашель.—Да я,—говорить,—собственно ничего, эрби Есефака; да только все же интересно посмотрѣть на письмо ученаго челоуѣка.

Ладно, думаю. пой; знаемъ мы твою иезуитскую душу. И представте себѣ, все наривить, подлець, попасть къ завтраку, обѣду или ужину. Ну, мнѣ обѣда не жалко; сами знаете, сколько бѣдняковъ стоитъ по пятницамъ у меня въ передней. А только некрасиво это какъ-то. Придетъ, увидить, что обѣдаютъ.—„Ахъ,—говорить,—извините, пріятнаго аппетита!“

— Прошу къ столу—отвѣчаю я.

— Спасибо, сю минуту только пообѣдалъ.—А у самага глаза отъ супника къ тарелкѣ перебѣгаютъ.

Ну, и засмѣюсь я:

— Садись, рибби Элѣзеръ! Не гнѣви ты Бога: по глазамъ вижу, что голодень. Садись.

А самъ треплю его по спинѣ. Ну, онъ, конечно, и сядетъ. А на завтра въ тотъ же часъ—звонокъ. Кто это?.. Шамашъ. Но вотъ пришелъ отвѣтъ: „Хорошо молъ, черезъ недѣлю поѣдетъ къ вамъ молодой учитель рибби Авраамъ Татлы, насчетъ учености и поведенія не сомнѣвайтесь“.

Ну, скажу я вамъ, и хорошо же рибби Гиллель умѣлъ писать. Не много словъ, а каждое слово—бисеръ. Шамашъ нашъ, уже на что считаль себя краснорѣчивымъ, и тотъ говоритъ:—Эхъ, артистъ этотъ рибби Гиллель“. А уже коли шамашъ кого артистомъ назваль, то значить рѣдкій это челоуѣкъ. Ну, знаете, такъ это умѣло, сказано: „Алѣ рошъ кеводъ мааллатъ рошъ гахамимъ Есефъ бенъ Моше и пр. и пр.“, что самъ я умилился духомъ. Потомъ письмо это читаль по моей просьбѣ эрбака въ кенаса. Все общество осталось очень довольно.

Ну-съ, ждемъ. Вдругъ черезъ пять дней шастъ! телеграмма: „Ѣду завтра, встрѣчайте: учитель Татлы“. Отъ учителя, значить. Такъ. Ну, не обрадовала меня эта телеграмма. Сразу увидѣлъ я по ней, что учитель нашъ новичокъ, и еще какой самлюбивый новичекъ! Что это: какой-нибудь мелаammedъ мидраша осмѣливается телеграфировать мнѣ, гевиру, котораго рибби Гиллель назваль рошъ гахамимъ! Да еще какъ телеграфировать! Безъ соблюденія всякаго почтенія! Есефъ Зурна! Дуракъ? А гдѣ же то, что я габбай, что я предсѣдатель общества бѣдныхъ, что я членъ покровительства животныхъ, что я гевиръ? Ну, хоть бы прибавилъ: „Господину габау“. А то: Есефу Зурна. Нѣтъ, тутъ было что-то новое, новое-е-е! Чего въ нашихъ краяхъ до той поры не слыхали. А какъ понравится вамъ это: Ѣду, завтра, встрѣчайте.—„Встрѣчайте“.—Слыхали ли вы когда, господа, чтобы гевиръ шель встрѣчать учителя, чуть ли не по приказу.—„Встрѣчайте!“,—подумаешь, графъ земли неизвѣстной. И на что тебѣ, дуракъ, писать это слово, да еще пятакъ на него тратить, а? Ты пиши—„Ѣду“; а уже я тамъ буду знать, встрѣтитъ мнѣ тебя или нѣтъ. И встрѣчу, непременно встрѣчу, хогъ ты про то и не пишешь. Почему? Потому что вижу, что челоуѣкъ духомъ не строптивъ. Да, это, во-первыхъ. А во вторыхъ, на что тебѣ, милый челоуѣкъ, телеграфировать, а? Садись и напиши письмо честь-честью: вѣдь зналъ же ты, что завтра

ѣдешь. И какъ бы прилично вышло! Тутъ можешь и титулъ сохранить, а если кое-что прибавить, тоже ничего: лучше перекланяться, чѣмъ не докланяться. Ну, и дешевле. А главное: почеркъ свой покажешь, почеркъ. А знаете, что такое для учителя почеркъ, а? Да вотъ возьмите къ примѣру покойника шамаша, Каишъ Шомиляка. Кажется, уже былъ человѣкъ, ну, за котораго, если бы даже пріодѣтъ его, копейки не далъ бы. И пилъ какъ три пясора, вмѣстѣ взятыхъ, и въ карты игралъ, и общественныя деньги кралъ, и, я знаю, чего еще надѣлалъ. Ну, форменный раша, да и только. И дня бы мы его, собаку, не держали, будьте въ этомъ увѣрены. А все же держали. Ругали, презирали, а держали. За что? За почеркъ. Какъ напишетъ онъ это въ столбецъ списокъ, сдѣлавшихъ чедака, да принесетъ мнѣ,—ну, знаете, какъ посмотрю это я—жемчугъ, бисеръ, да и только. Буква къ буквѣ такъ прилажена, знаете, какъ будто обѣ родились отъ одной матери. Чисто, мелко, ровно, душа радуется. Посмотрю, посмотрю и невольно вырвется: „Эхъ Шоміилъ, Шоміилъ! дня бы тебѣ не быть шамашемъ; но естъ заступникъ за тебя—твой почеркъ! Нѣтъ, не совсѣмъ ты раша, разъ имѣешь такой почеркъ! Человѣкъ, ставшій на путь нечестивыхъ, не можетъ такъ писать“. И былъ Шоміилъ шамашемъ до конца своихъ дней. Да, господа. Съ такимъ почеркомъ нужно родиться. Теперь не умѣютъ научить ему. Только старыя рибби обладали тайной хорошаго почерка.

Вотъ потому-то я и говорю, что разозлился ужасно, получивъ телеграмму. Получи я письмо, сейчасъ бы увидѣлъ, каковъ почеркъ у нашего молодого учителя. А онъ: на же тебѣ; не хотите ли телеграммки? Ну, словомъ пришелъ я къ тому заключенію, что учитель нашъ человѣкъ легкомысленный.

А только выйти его встрѣчать или нѣтъ?

Рибби Гиллель могъ обидѣться; безъ подобающаго, моль, почета приняли моего питомца. Рѣшилъ я пойтти.

Одѣлся я, какъ слѣдуетъ, взялъ одного человѣка, который зналъ въ лицо Татлы, и поѣхалъ на пристань. Вотъ сошелъ съ парохода нашъ учитель.

Э, нѣтъ, не таковъ у учителя видъ, каковъ полагается учителю. Первое—костюмъ: костюмъ у учителя долженъ быть черный, солидный. А у этого Богъ знаетъ что, брюки, правда, черныя, да похоже на то, будто матеріи у хозяинаихъ не хватило или портной на костюмчикъ сыну укралъ. Сшить въ обтяжку; ляжки такъ и сіяютъ, извините за выраженіе. Не хорошо такъ: соблазнительно. А пиджакъ! Помилуй Господи! чтоэто за пиджакъ: сѣрый, куценькій, онъ заканчивался чуть не у пояса; рукава короткіе, воротъ на распашку; словомъ, мерзость, а не пиджакъ. Вмѣсто жилета безобразный поясъ съ цѣпочкой для чашовъ. И весь видъ учителя какой-то мизерный. Бороды и слѣда не видно; усики какъ будто естъ, но скорѣе и совсѣмъ нѣтъ; такъ вчера только, видно, пробиваться стали. Ну, ну! Наградилъ насъ рибби Гиллель сокровищемъ; да въ нашемъ мидрашѣ ученики естъ такіе, у которыхъ усы губу покрываютъ; такъ стануть ли они его бояться. Хорошо, посмотримъ дальше!

— Шаломъ алехемъ рибби Авраамъ. Барухъ абба!

— Здравствуйте! Вы—мѣстный габай?

Меня какъ ножемъ рѣзнуло? Я ему на святомъ языкѣ: „Шаломъ алехемъ!“

Ему бы отвѣтить:

— Алехемъ шаломъ;

А онъ на русскомъ языкѣ.

„Здравствуйте!“ Ну, значить нетвердъ въ языкѣ.

А какъ вамъ понравится это:—„Вы мѣстный габай?“ Не:—„Съ габаемъ ли имѣю честь говорить“, а—„Вы мѣстный габай!“ Что же, бабушка моя говорила, что на свѣтѣ есть 77 родовъ чудаковъ. 76-ть я уже видѣлъ: ну, значить этотъ—77-й.

— А что,—говорю,—вещи ваши въ багажѣ, навѣрное, сдали?

— Какое!—отвѣчаетъ.—*Omnia mea mecum porto*, т.-е. все мое при мнѣ. И указываетъ на узелокъ въ рукѣ.

Господь отцовъ моихъ! Узелокъ, знаете, величиной въ обыкновенный арбузъ.—Такъ что же,—говорю.—Вы безъ подушки ѣхали?

— Ну да! Что я графъ какой, что ли? Куплю здѣсь.

— И то,—говорю,—правда! Ну, прошу ко мнѣ безъ церемоній; пока найдете квартиру, да съ обществомъ познакомитесь, поживете у меня; а тамъ, что Богъ дастъ. Онъ ломаться.—„Да нѣтъ“,—говорить,—„это никакъ нельзя; я лучше въ гостиницу“.—Ну, и дуракъ же ты,—подумалъ я; а вслухъ говорю:

— Нѣтъ, уже вы не обижайте старика. На что же это похоже будетъ?..—Габай—скажутъ,—встрѣтилъ гостя и допустилъ его помѣститься въ гостиницѣ. Габай не соблюлъ исконныхъ правъ гостепріимства“.—Это, знаете, нѣсколько неудобно.

— Хорошо,—говоритъ учитель, а самъ улыбается,—хотя, скажу Вамъ правду, я не очень-то уважаю всякія эти исконныя правила гостепріимства, какъ и нѣкоторые отжившіе свой вѣкъ караимскіе обычаи.

Вотъ какъ! Не успѣли пріѣхать и ужъ когти распускаемъ: смотрите, молъ, оцарапаю. Измѣнился свѣтъ, сильно измѣнился.

Наконецъ, сѣли мы на извозчика и поѣхали ко мнѣ. А я, знаете ли заранѣе уже пригласилъ было кое-кого изъ джамата по случаю пріѣзда гостя, хотя оно и потребуетъ нѣкоторыхъ расходовъ,—курица тамъ лишняя, гусь, ну и прочее, что полагается. Ну, да для гостя ничего не жалко. И спасибо тому, кто выдумалъ пословицу: „тебемизнынъ устюнде еринысъ варъ“. Да, я всегда радъ гостю.

Высыпали всѣ гости на улицу: шамашъ, эрбака и нѣсколько почтенныхъ членовъ общества. Поздоровались, спросили о томъ, не качало ли и т. д. А учитель схватилъ свой чемоданчикъ и хочетъ тащить его въ комнату.

— Оставьте,—шепчу я ему,—неудобно учителю это. Оставьте, прислуга занесетъ.

— А что—говоритъ онъ громко,—у меня рукъ что ли нѣтъ. Ну и чертъ съ тобой: неси.

Занесъ. Показаль я ему комнатку его и говорю:

— Почти здѣсь все, что нужно: кровать, рукомойникъ. Прощася, будьте, какъ у себя дома; мой домъ—вашъ домъ. Переодѣньтесь, умойтесь и выходите къ обѣду, гости ждутъ васъ.

Ушелъ я къ гостямъ. Ну, всѣ на меня и набросились: кто такой, что такое?

— Ничего,—говорю,—не знаю; отстаньте Вы отъ меня. А только странный человекъ нашъ учитель; и попомните вы мое слово: покажетъ онъ намъ, гдѣ раки зимуютъ.

— Ничего,—говоритъ шамашъ,—и не такихъ видали.

А эрбака приговариваетъ:—„А можетъ быть онъ „яшъ да башъ“. Заступается за молодого человекъ: ну да онъ всегда заступался за молодыхъ, да еще за холостыхъ учителей: недаромъ же три его дочери за бывшихъ учителей нашего мидраша замужъ вышли. Ну, я на него не обижаюсь: своя рубашка къ тѣлу ближе.

Ждемъ мы учителя, ждемъ; не выходить.

Какъ это вамъ понравится? Обѣдъ готовъ, столъ накрытъ, эрбака и другіе ждутъ, а учитель наплевать: подождутъ, молъ. И злость забралась въ мое сердце.

Наконецъ-то! Вышелъ. Спасибо, переодѣлся. Новенькій черный костюмчикъ; пиджачекъ хоть и кушенькій, но приличный; вмѣсто пояса жилеть. Лицо чистенькое, бѣленькое. Вышелъ безъ шапки.

Сѣли мы за столъ. Ну, эрбака говоритъ:

— Рибби Авраамъ уступаю Вамъ честь совершенія застольнаго бераха.

— Да нѣтъ,—говоритъ учитель,—сдѣлайте Вы.

Первый разъ, побей меня Богъ, слышу я такое: эрбака уступить человекъ честь совершенія бераха, а снѣ еще отказывается! Да это это,—это я не знаю что такое!

Но эрбака, не будь дуракъ, настояль.

— Сдѣлайте, сдѣлайте, рибби Авраамъ; грѣшно отказываться отъ совершенія бераха. Да Вы ужъ шапочку свою одѣньте; потому не принято у караимовъ безъ шапки читать бераха.

Ай-да эрбака! Спасибо, проучилъ молодца! Учитель мой инъ завертѣлся. Покраснѣлъ весь, вскочилъ, побѣжалъ за шапкой, сѣлъ смиреннько за столъ и совершилъ бераха.

Читаеть ничего себѣ. Только опять не хватаетъ чего-то. Нѣкоторыя буквы выговариваль учитель по-новому. Возьмемъ, къ примѣру, букву *x*; караимъ долженъ выговаривать ее такъ, какъ будто вычистить горло хочеть; а учитель выговариваль его, какъ русское *x*; то же насчетъ *кофъ*: нужно произносить его такъ, какъ будто кость въ горлѣ застряла, и вы хотите ее выдохнуть; а выходить на мѣсто того русское *x*. Ну, остальное ничего.

Стали кушать. Мало-по-малу завязался разговоръ. Всякій старался учителя расшевелить.

Началь шамашъ: онъ всегда начиналъ щекотливые разговоры.

— Представьте, — говорит, — рибби Авраамъ, былъ на-дняхъ со мною такой случай: читаю я, знаете, Библию. Дохожу до извѣстнаго пасука и вдругъ смотрю, на поляхъ Библии кто-то (Библия, видите, оставлена мнѣ покойнымъ отцомъ) написано: читай не *чечъ*, а *эчъ*. Дѣйствительно, смыслъ тогда выходитъ лучше. При *чечъ* выходитъ, какъ Вамъ хорошо извѣстно, такъ, а при *эчъ* иначе.

Ну, и сталъ я думать: возможно ли это, чтобы въ Библии была ошибка. И не грѣхъ ли совершилъ мой отецъ, исправивъ *чечъ* на *эчъ*.! Послѣ я и думаю, спрошу у рибби Авраама:—грѣхъ или не грѣхъ?

— Нѣтъ, говоритъ учитель, не грѣхъ.

Всѣ мы насторожились.

— Почему же не грѣхъ?

— А потому, что раньше, чѣмъ Библию отпечатали, ее, можетъ быть, тысячу разъ списывали. Знаю, что древніе переписчики смотрѣли на дѣло свое, какъ на трудъ, завѣщанный отъ Бога, и списывали съ величайшимъ тщаніемъ. Но и они были людьми и безъ ошибокъ списывать не могли. Въ теченіе вѣковъ ошибки увеличивались. Вотъ въ печатную библию и вошли ошибки списковъ. Это возможно тѣмъ болѣе, что у израильтянъ методы историческаго изслѣдованія и изданія книгъ не были хорошо извѣстны.

— Такъ, — говоритъ шамашъ (а онъ таки кое-что зналъ изъ Библии).—Но духъ-то, духъ-то Господень витаетъ же надъ переписчиками-то? Какъ же можемъ мы допустить, чтобы духъ этотъ допустилъ переписчика сдѣлать ошибку?..

— Ну, — смѣется учитель, — это вы уже оставьте. Въ современной наукѣ давно уже оставлена теорія боговдохновенности переписчиковъ. Правда, были и боговдохновенные, но большинство было людьми не боговдохновенными.

Повѣрите ли, господа,—всѣ мы были ошеломлены. Если бы съ яснаго неба ударилъ громъ, онъ меньше поразилъ бы насъ. На шамаша нельзя было смотрѣть безъ смѣха. Разинувъ ротъ, выпучивъ глаза, онъ сидѣлъ, какъ на верхней полочкѣ бани съ паромъ. Бѣдняжка былъ сбить съ толку, хотѣлъ возразить, но не могъ и только выкрикивалъ:—„Такъ Вы, такъ я“ и т. п. чепуху въ этомъ родѣ.

Вижу, закрутился человекъ, ну, и водка какъ-никакъ дѣйствіе свое оказывать стала, не безъ того. Я и дернулъ шамаша за полу сюртука незамѣтно: довольно, молъ. Оттого и любилъ я шамаша, что умѣлъ онъ всякіе такіе знаки понимать. Потянешь за полу, значитъ— молчи, въ тебѣ нужда не ощущается: наступишь на ногу, значитъ— разсерди своего собесѣдника и т. д. А эрбакъ я мигнулъ, незамѣтно же. Ну, эрбака и пустился разряжать бурю.

— Вы,—говоритъ,—рибби Авраамъ, на шамаша не обижайтесь. Видите, человекъ ума стариннаго. Всѣ мы испечены изъ тѣста стараго, заквашены въ атмосферѣ строгости преданій. Оно, конечно, и Вы, быть можетъ, отчасти правы; да только тамъ, какъ-никакъ, больно намъ слышать нападки на Библию. Вѣдь ничего у насъ, кромѣ

Библии, нѣтъ. Отечества мы лишены; языкъ родной забыли,—ну, и стараемся мы, старики, за Тора свою крѣпко держаться.

И учитель мало-по-малу успокоился.

— Что же,—говорить,—я съ Вами, эрбака, согласенъ; мнѣ Библия такъ же дорога, какъ и Вамъ. Да только, если я и критикую ее, то не для того, чтобы уменьшить ея достоинство, а, внеся свѣтъ въ темноту, увеличить сіяніе истины!

И пошелъ и пошелъ.

Ну, знаете ли, хоть и не влюбилъ я учителя, хоть и былъ ему врагомъ послѣ, а скажу правду,—рѣдко я слышалъ такого оратора. Говорить спокойно, логично; нигдѣ ни запинки. Ищешь, ищешь, за что бы ухватиться, анъ нѣтъ; все гладко, все пригнано одно къ другому: ни щели, ни трещины.

Ну, кончился обѣдъ. Гости разошлись безъ лишнихъ разговоровъ. Ушелъ и учитель въ свою комнату. Послѣ обѣда я имѣю обыкновеніе отдохнуть часика два. Ну, а въ этотъ день не хочется что-то мнѣ спать. Повѣрите ли, какъ увидѣлъ я этого учителя на пароходѣ, смута какая-то вселилась въ мою душу, безпокойство какое-то. Хотѣлось бы поговорить еще до вечера съ учителемъ, да онъ заперъ двери на замокъ. Интересно, знаете мнѣ такъ узнать, что это онъ тамъ дѣлаетъ. Говорю служанкѣ.—Пойди, постучи-ка къ гостю; спроси, не нужно ли чего; да посмотри, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ занятъ.—Пошла. Черезъ минуту вернулась. Говорить:—Ничего гостю не надобно, а занятъ онъ набиваніемъ папирось.

Ну Богъ съ нимъ, пусть набиваетъ на здоровье.

Часа черезъ полтора вышелъ онъ и говоритъ мнѣ:

— Вотъ что: я выйду погуляю, городъ осмотрю.

— Не надо ли проводника?

— Нѣтъ; не маленькій я.

Ушелъ и не приходитъ до вечера.

А къ вечеру, къ 7 часамъ назначено было у меня на дому собраніе комиссіи, завѣдующей училищемъ, подѣ моимъ предсѣдательствомъ. Смотрю, пришли всѣ 5 членовъ, чего я отроду не видѣлъ. Ну, значитъ, шамашъ успѣлъ обѣжать весь городъ и наговорить про учителя. Пришли Аврагамъ Чубукъ,—знаете лавку имѣетъ противъ собора,—затѣмъ Есефъ Чуваль, родственникъ эрбаки, Моше Едипармакъ—милліонеръ хлѣбникъ, Моше Кирликалпакъ, тотъ, что пожертвовалъ 20 тыс. руб. на кенаса, наконецъ, Израэль Узунъ, грозный старикъ,—разбогатѣлъ наторговлѣ мѣхами,—ну, и эрбака, это ужъ какъ полагается. А учителя все нѣтъ. Отлично! думаю себѣ,—мы въ его отсутствіе потолкуемъ, какъ слѣдуетъ.

Въ $\frac{1}{2}$ восьмого я открылъ засѣданіе и поставилъ на обсужденіе вопросъ: нанять ли рибби Авраама и какое ему предложить жалованье.

Говорю:—„Высказывайтесь по порядку всѣ“.—Собственно говоря, интересно было узнать мнѣніе только рибби Чубука и Узуна. Остальные. обыкновенно, всегда молчали и поддерживали меня.

Первымъ высказался, какъ всегда, Чубукъ.

— По моему,—говорить,—не нанимать.

А Узунъ перебиваетъ его:

— Ну, этого мало, что Вы говорите: не нанимать: Вы, пожалуйста, приведите основанія. Вотъ и прошлаго учителя Вы не хотѣли нанимать, а наняли и ничего.

— Хорошо,—говорить Узунъ,—вотъ и основанія. Шамашъ мнѣ говорилъ, что рибби Авраамъ критикуетъ Тора. А разъ человѣкъ сталъ критиковать Тора, то по-моему, нѣтъ хуже того человѣка. Разъ критикуетъ, значить, не станеть придерживаться и велѣній Тора.

— А вы-то—говорить Узунъ—твердо ли придерживаетесь Тора, а? Скажите-ка, не Ваша ли эта кухарка вмѣсто того, чтобы идти къ шохэту, отрубила голову индюкамъ топоромъ, а?

Чубукъ не на шутку разсердился. Вскочилъ и какъ крикнетъ:

— Мерзавецъ! Какъ ты смѣешь, ты-ты подметокъ моей кухарки не стоишь. Чѣмъ осуждать чужихъ, ты бы горбатой дочери своей жениха отыскалъ. И Вы, рибби Есефъ, хороши! Говорилъ же я Вамъ: не приглашайте Вы меня на засѣданіе, когда намѣрены пригласить этого раша! Гони его, видѣть не могу. Баста! Больше Вы меня на засѣданіи не увидите.

И ушелъ, какъ я его не упрасивалъ. А Узунъ еще приговариваетъ: „Скатертью дорожка! Покойный мой дѣдушка, вотъ уже 40 лѣтъ, на засѣданіе не приходитъ; ну, вреда я отъ этого не вижу“.

Остались: я, Узунъ и еще четверо. Ну, вижу я уже, что рибби Авраама придется нанять. Эрбака, вижу по глазамъ, за учителя; Узунъ—за: ну, да я уже заранѣе рѣшилъ; надо нанять, ибо другого исхода нѣтъ.

— Что же говорю, господа, по моему нанять.

— И по моему, кричитъ Чубукъ.

— И по моему, улыбается эрбака.

— И по нашему, говорятъ Чуваль, Едипармакъ и Кирликалпакъ.

— Итакъ, говорю господа, рибби Авраама нанять!.. А сколько же ему жалованья положимъ?

Рибби Узунъ говоритъ. „По моему 40 рублей въ мѣсяцъ довольно. Человѣкъ онъ холостой, да и средствъ у насъ немного.“

— Ну, нѣтъ, говоритъ эрбака, мало. Что значить холостой? Сегодня холостъ, а завтра женатъ. Да и одѣться учителю нужно хорошо, не приказчикъ же, а учитель. По-моему назначить ему рублей 900 въ годъ.

Туда, сюда; рѣшили предложить рибби Аврааму 600 рублей въ годъ. Скоро пришелъ и учитель. Познакомилъ я его съ членами комиссіи и говорю: „Вотъ рибби Авраамъ, рѣшили мы Васъ нанять и жалованья назначили 600 рублей. Завтра же можете приступить къ занятіямъ“.

— А лучше съ воскресенья. Завтра пятница, ну дѣти въ домашнемъ обиходѣ понадобятся, а послѣ завтра суббота.

Думаль, кончено уже все. Не тутъ-то было.

— Позвольте,—говорить,—рибби Есефека, позвольте. А спросили ли вы моего согласія на это жалованье, а? Нѣтъ вѣдь. Ну, а я говорю, что за 600 рублей служить не стану. Только за 900 рублей я останусь у васъ.

— Эхъ, говорю, не ожидалъ я этого отъ Васъ, рибби Авраамъ. Да и не привыкли мы съ учителями торговаться. Вѣдь не хозяину Вы служите, поймите, а обществу. У насъ заведено такъ, что назначить общество, тѣмъ учитель и довольствуется. И вы думаете, теряя отъ этого учитель? Ни чуточки. А вотъ почему: умереть, скажемъ богачъ, нужно послать денегъ эрбакъ, шамашу и учителю, да и бархатъ и сукно, накрытые на покойника, между ними распредѣлять. Теперь расчитайте. Положимъ, учитель получаетъ 600 рублей. Наслѣдники и думаютъ: надо послать учителю побольше денегъ; вѣдь онъ всего то получаетъ 600 р. жалованья. Да онъ же обществу не перечилъ. Ну, и кусокъ бархата или сукна выберутъ отличный, потому, что понимаемъ же мы всѣ, на 600 рублей прилично не одѣнешься. А вотъ дайте вы учителю 900 рублей. Э! скажутъ, пошлемъ ему синенькую и довольно. Жалованья у него хватить. А сукна можно и совсѣмъ не посылать. Поняли Вы меня, рибби Авраамъ. Скажите, стоитъ ли Вамъ послѣ этого торговаться?

— Да, я говорить и не торгуюсь. Дадите 900 р. останусь, нѣтъ—уѣду. А носить сукна и бархата мнѣ этого не надо.

— Такъ какъ же, говорю, будетъ. Мы вѣдь уже все рѣшили. Да и время позднее. Вонъ уже 12 часовъ, не начинать же засѣданія снова, а?

— А такъ, говорить и будетъ: 900 р. и ни копейкой меньше я не возьму.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ мы завтра снова соберемся, обсудимъ, посмотримъ.

— Нѣтъ, ужъ Вы кончайте сегодня. Если дѣло не выйдетъ я завтра же уѣду. У меня, знаете, времени лишняго нѣтъ.

И смотритъ такъ твердо, что сразу видно, не уступить.

— Хорошо. Такъ Вы будьте добры, зайдите въ свою комнату, а мы здѣсь посовѣтуемся.

Нечего дѣлать, усадилъ всѣхъ за столъ. Слава Богу не долго пришлось провозиться. Рѣшили дать рибби Аврааму 900 р.; ничего не подѣлаешь. Пригласилъ я его и сказалъ: готово, согласны.

— Согласны, такъ и я согласенъ.

Такъ мы наняли учителя.

На другой же день учитель нашелъ себѣ комнату и перебрался отъ меня. Сказать по правдѣ, я хотѣлъ было совсѣмъ оставить его у себя. Была у меня комнатка маленькая, окнами на улицу, совсѣмъ лишняя; свѣтлая, чистенькая. Куда ее дѣвать? Ну она служила вмѣсто кладовой. Ходъ отдѣльный; оно и незамѣтно. Такъ я еще до приѣзда учителя велѣлъ ее очистить, выбѣлить; кровать поставилъ, столъ, гардеробъ, ну все, что нужно холостому человѣку. А у меня тогда младшему сыну было 9 лѣтъ и учился онъ въ приготовительномъ классѣ гимназіи. Не хотѣлъ я посылать его въ мидрашъ. Первое, дѣти тамъ разныя испорченныя попадаютъ; извѣстно, больше бѣдняковъ, такъ какое тамъ воспитаніе можетъ быть. Дома у меня бонна, воспитанная тонко; она ихъ и учитъ обращенію тамъ хорошему и прочему, а въ мидрашъ все это перепортятъ. А второе—вѣдь и позже я смогу выучить сына языку караимскому. Вѣдь мнѣ не нужно, чтобы сынъ

тамъ ученымъ какимъ сдѣлался, не хлѣбъ же себѣ станеть зарабатывать своей ученостью; а такъ, чтобъ читать умѣлъ, чтобъ молитвамъ тамъ научился, чтобъ не стоялъ столбомъ въ кенаса, когда охумахъ предложить; ну и чтобъ письмо все-таки умѣлъ написать. Такъ вотъ думаю, оно и подошло хорошо, пусть учитель поживеть у меня, одинъ человекъ за столомъ не замѣтень, а сынъ тѣмъ временемъ подучится караимскому языку; иногда учитель можетъ помочь и старшему сыну, вѣдь въ семинаріи же ихъ учили и гимназическимъ наукамъ. Великолѣпно. Вотъ я учителю и предлагаю свою комбинацію.

— И Вамъ говорю, выгодно, да и мнѣ кстати.

— Нѣтъ—говорить,—Есефака. Я очень благодаренъ Вамъ за радужный приемъ, а только жить у Васъ я не могу.

— Да почему же!

— Потому что Вы, Есефака, какъ-никакъ приходитесь мнѣ въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ; Вы же предсѣдатель комиссіи по завѣдыванію училищемъ. Ну, а учителю у начальника училища жить не подходить. Согласитесь, что мои взгляды на программу обученія могутъ совершенно не совпадать съ Вашими; на этой почвѣ между нами могутъ случиться различныя недоразумѣнія. А жить людямъ, различно думающимъ, подъ одной крышей неудобно. Это разъ. А во-вторыхъ: я не хочу въ глазахъ общества стать въ положеніе, живущаго подъ крылышкомъ гевира. А вѣдь такъ подумаетъ все общество. Нѣтъ, не просите, не останусь.

Такъ! Отбриль, нечего сказать! Ну, и чудакъ же я Вамъ скажу. Смотрю на него и въ толкъ не возьму; отъ большого ума это дѣлаетъ онъ или отъ глупости непроходимой. Ой, что-то не похоже, чтобъ отъ большого ума. Ну, вы то подумайте. Я, Есефъ Зурна, живу въ городѣ 20 лѣтъ. Я пользуюсь почетомъ во всемъ обществѣ. Меня знаетъ каждая собака. Кто кенаса ремонтировалъ? Есефака Зурна. Кто дочери эрбаки 1000 р. въ приданое подарилъ? Есефака Зурна. Кто мидрашъ бібліотекѣ снабдилъ, кто въ кенаса хоръ завелъ, кто покойнику учителю квартирныхъ выхлопоталъ?—Есефака Зурна. Все я! И вотъ на тебѣ, я предлагаю этому человеку, этому сморчку (извините за выраженіе) жить у меня, а онъ,—нѣтъ, не хочу. Да другой бы руками и ногами за такое счастье ухватился! Получаетъ онъ скажемъ, 50 р. въ мѣсяцъ,—отлично. Да много ли на 50-то рублей разживешься. Квартиру вѣдь наймешь темную: потому квартиры у насъ по нынѣшнимъ временамъ дороги. И питаться будешь чортъ знаетъ чѣмъ. А у меня и комната чистая, и столъ, ѣшь пока треснешь. Но главное, положеніе не то въ обществѣ. „А у кого, спросить кто нибудь, живетъ этотъ рибби то нашъ?“

— У Есефаки Зурна.

— А у Есефаки Зурна.—И сразу, братецъ мой—проникнется уваженіемъ къ рибби. Ибо знаютъ всѣ—я къ себѣ въ домъ не всякаго пушу.

А то иногда станеть кто нападать на учителя; не такъ, молъ, сына учить! Ну-съ, пожалуйста-ка къ Есефакѣ.

— А какъ же—скажу,—сына твоего учить, а?

Сразу жаръ съ него спадеть.—Да я—скажетъ—Есефака, ничего. Я такъ, по глупости.

— То-то, что по глупости. Иди братъ, да никому не говори, что съ Есефакой говорилъ.

Словомъ, живи учитель у меня, я ему каменная стѣна и только. А этоть: „Не хочу!“

Я и просить не сталъ. Вспомнилъ: „не мечите бисера передъ свиньями“. И обидѣлся я очень, хоть виду не подалъ. Обидѣлъ меня учитель кровно.

Хорошо, не хотите, не надобно. Собралъ онъ вещи, уходитъ. Не забудьте—говорю,—въ воскресенье утромъ будьте въ мидрашѣ.

Распрощался: „Хорошо не забуду“.

И укатилъ.

Прошла пятница. Учителя не видно. Наступила суббота. Надо пойти въ кенаса. Обыкновенно являлся я въ кенаса часовъ въ десять, къ концу молитвы, ибо ноги у меня, знаете, слабы. Ну, а въ эту субботу пошелъ рано, къ началу моленія; ибо хотѣлось мнѣ на учителя посмотреть. Пришелъ я. А въ кенаса народу видимо-невидимо. Видно, всѣмъ любопытно на учителя посмотреть. Да гдѣ же учитель-то мой? Ха-ха-ха-ха! Забился куда-то въ конецъ задней скамейки, гдѣ знаете, бѣдняки только сидятъ и впился въ свой сидуръ, а всѣ на него смотреть.

— Эхъ, думаю, опять не угадалъ своего мѣста. Да развѣ учителю мѣсто подъ дверьми? Поманилъ пальцемъ шамаша. „Поди говорю скажи этому человѣку (указываю на учителя) пусть придетъ и сядетъ рядомъ со мной“. Хоть оно и говорятъ, что не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто—такъ это же скажу я вамъ, навѣрно сказалъ человекъ, которому было извѣстно, что высокаго мѣста, ему не видѣтъ, какъ ушей своихъ.

Пошелъ шамашъ. Смотрю; учитель покраснѣлъ, какъ будто кипяткомъ его облили.

Ну, только всталъ, подошелъ и сѣлъ со мною рядомъ. Такъ, хорошо. Молится эрбака въ этоть день очень старательно; видно, не желаетъ передъ учителемъ новымъ лицомъ въ грязь ударить.

Дошелъ онъ до „Ашира ладонай“. „Ашира“... продано мнѣ за 50 р. въ годъ, Могу я самъ читать, могу и кому другому предложить. Шамашъ возгласилъ:

— Рибби загунъ аннавонъ, агевиръ Есефъ бенъ Зурна.

Я покачалъ головой; не хочу, молъ, читать. И указываю шамашу на учителя.

Опять шамашъ возгласилъ.

— Рибби аввауръ вагахамъ аннавонъ Авраамъ Татлы.

Рибби Авраамъ, спасибо, не отказался. Взялъ сидуръ, всталъ и началъ читать. Всѣ слушаютъ напряженно. Ужъ на что, бывало, рибби Кепусте—сейчасъ сзади меня—никогда не даетъ мнѣ какъ слѣдуетъ помолиться: все высчитываетъ прибыль, полученную за недѣлю съ муки; и тотъ молчитъ и слушаетъ.

Браво! Читаетъ мой учитель замѣчательно. Правда, опять *кафъ* и *хафъ* не такъ выговариваетъ, какъ слѣдуетъ. Но за то голосъ, мотивъ, знаете, звучитъ удивительно пріятно. Голосъ хоть и не очень громкій, ну да на что онъ, чтобъ былъ громкій — Господь и такъ

услышитъ; но умильный какой-то. И читаетъ человекъ такъ, какъ будто на этомъ четыре собаки—съѣлъ; четко, не спѣша. Иной поспѣшитъ и весь мотивъ испортитъ. А этотъ ни ни!

Кончилъ. Хорошо! Bravo! Видно всѣ остались довольны. Потомъ добрались до *пютиль*. *Пютиль* купилъ рибби Стамболи. Хоть читать этотъ неучъ и не умѣетъ, а все же никому своего охумака не уступить. А тутъ смотрю и онъ указываетъ на учителя. Прочелъ учитель и *пютиль*. Опять хорошо. Словомъ, съ этой стороны дѣло обстоитъ благополучно. Я и этого не ожидалъ! Наконецъ, вынесли Тора. Ну, Тора читать у насъ всегда полагается гостю. Шамашъ уже безъ моего предупрежденія возгласилъ:

— Рибби Авраамъ аннавонъ загунъ, ашлумадъ, —и подноситъ учителю чичить и туфли.

Учитель быстро снялъ ботинки, влѣзъ въ мягкіе терликъ, завязалъ умѣло чичить, подошелъ къ Тора, палъ на колѣни, всталъ, поцѣловалъ Тора и началъ:

„Барухъ адона-а-ай ло-о-ла-а-мъ!“

Всѣ отвѣтили:

— Амень ваамень!..

Прочелъ учитель весь параша, и вернулся обратно. Скоро молитва закончилась.

А въ ту субботу у Завадьки Пьясора шаломъ былъ. Всѣ послѣ кенаса направились къ нему.

Впереди, какъ полагается, эрбака. Учитель хотѣлъ уйти къ себѣ домой, да я удержалъ его. Обидится, молъ, Завадька. И вѣрно обидѣлся бы. Пришли на шаломъ. Столы уже накрыты.

Скупъ былъ покойникъ Завадька. Богачъ, знаете ли, чуть не полтора милліона въ банкѣ лежитъ, а дочери своей хорошаго моднаго платья не сошьетъ. А самъ ходитъ, какъ цыганъ. Бывало, пригласитъ иногда общество, такъ всѣ голодные выходимъ. А на этотъ разъ, видно, стыдно учителя:—раскошелится. Сарычикъ, акалва, баклава, гуси жареные—все въ изобиліи. И вина очень много. Съли за столъ, усадили учителя рядомъ съ эрбакой, и пошелъ пиръ горой. А потомъ вдругъ пришелъ оркестръ татаръ, и пошла потѣха. Эхъ, не умѣютъ теперь веселиться!.. То была конушма, такъ конушма. Теперь и танцевъ такихъ нѣтъ.

Старички мои, вижу, оживились.

— А ну-ка,—шепнулъ я шамашу,—скажи музыкантамъ, пусть жарятъ „Келинъ-кельсинъ“...

Музыканты и пустили „Келинъ-кельсинъ... Келинъ-кельсинъ“... Вызываемъ, значитъ, невѣстку Завадьки, виновницу шалома. А откажется ни-ни, не должно. И вышла. Хотъ красная вся, а вышла.

— Играй,—кричу я,—„Чипимъ“...

Грянулъ „Чипимъ“... А зналъ я и слышалъ давно, что умѣла она „Чипимъ“... хорошо танцовать. А партнеръ ей скоро тоже отыскался, Есефъ Абаза. Ну, правда, былъ человекъ онъ *абаза*, да только—танцовать умѣлъ прекрасно. Стали они другъ противъ друга, загнули руки, а музыканты выводятъ:

— Чипимъ дедиклеры..

Пошли танцовать. Эхъ, люблю я наши татарскіе танцы. Куда теперешніе танцы, мазурки эти, да польки разныя. Что это? Гадость одна. Обниметь здоровый дѣтина женщину, ну и крутить; здѣсь главное дѣло, значить, тѣло. Въ татарскомъ танцѣ—Боже сохрани. Мужчина къ женщинѣ касаться не смѣй. Весь танецъ въ тысячѣ мельчайшихъ движеній, незамѣтныхъ изгибовъ; тѣло какъ бы выказываетъ свою жизнь, полноту своего довольства въ сотняхъ красивыхъ выраженій,—но все прилично. Да и танцуетъ же невѣстка Завадьяки, ну, просто картинка. Плавно-плавно пошла она вокругъ кавалера, а онъ за ней: идутъ, а кажется, что стоятъ. Только грудь мѣрно колышется, да бедра тихо вздрагиваютъ. Схватилъ я стаканъ, налилъ вина сладкаго, накрылъ четвертной и подношу ей. Взяла она, выпила, а деньги музыкантамъ.

— Жарь,—кричу,—„Кайтарму“...

Грянула „Кайтарма“....

Всѣ мы стали въ кружокъ, смотримъ. А невѣстка Завадьяки глазами кавалера ищетъ.

— Тащите,—говорю,—Завадьяку.

Упирается старикъ, не хочетъ.

— Тащи его, тащи!...

— Ну,—говорить,—коли такъ, жарьте во всю!...

Налегли музыканты.

И пошли невѣстка съ кайната танцовать.

Думалъ я, что испортитъ дѣло Завадьяка. Какое! Сказано, эки-топракъ, пляшетъ такъ, что и молодому не подъ статъ. А мы стоимъ, да въ тактъ музыки въ ладоши хлопаемъ. Эхъ, хорошо было!.. А по окончаніи танца, схватилъ Завадьяка невѣстку, расцѣловалъ ее и говоритъ:

— Аферимъ, келинъ!..

А музыканты:

— Шарабъ кельсинъ, шарабъ кельсинъ!... Саратта кельсинъ, Саратта кельсинъ!

Притащили и Саратту, жену Завадьяки. Заставили старичковъ пропѣть подъ музыку: «Учъ каранфиль ашладымъ». И скоро сѣло душъ 20 на поль, составили кругъ, и самъ я сѣлъ, и стали пѣть татарскія пѣсни. Чего тутъ только не было. Вспомнили пѣсни, какихъ 50 лѣтъ не пѣли. Вспомнили турецкія пѣсни, грустныя, красивыя. Эхъ, за душу хватаетъ. Кое-кто, смотрю, уже дремлетъ. Шамашъ налился, какъ стелька:—уперся къ стѣнкѣ и плачетъ. Кое-кто и другой плачетъ—вспомнили старину, значить. Ну, и самъ я чуть не заплакалъ. Нѣтъ,—говорю, это не го: ится:

— „Ахъ, этымъ сени“.

Всѣ повеселѣли. И долго бы еще пѣли мы, сидя на коврѣ, да Иль-явака Камбуръ нечаянно опрокинулъ ведро съ виномъ, что стояло въ серединѣ круга.

Такъ! А что же учитель мой? Только сейчасъ о немъ вспомнилъ. Смотрю, сидитъ въ уголкѣ на стулѣ и на лицѣ написано недовольство.

— Стой,—думаю; а самъ музыканту:

— Татлы кельсинъ, Татлы кельсинъ!..

Вскочилъ учитель, какъ угорѣлый. Бѣжать. Да нѣтъ братъ, не тутъ-то было.—Держите,—говорю имъ,—не пускайте. Совсѣмъ было учитель вышелъ изъ комнаты, да, спасибо, чиракчи (здоровый былъ дѣтина),—за пиджакъ его схватилъ.

— Тащи его,—кричу,—тащи!.. Ишь, бѣгать вздумалъ!..

Подхожу къ нему.

— Рибби, дорогой мой! Хочу съ тобой „Тымъ-тымъ“ потанцовать.

— Ашеръ,—кричу музыканту,—„Тымъ-тымъ“!..

Учитель упирается. Я не отстаю. Танцуй, молъ, да и стыдно— всѣ смотрять.

— Нѣтъ,—говорить,—не буду я танцовать.

— А я не отстану.

— А я танцовать не буду.

— Ой, говорю,—рибби, не обижай старины, будешь ты танцовать.

— Нѣтъ, не стану.

— Да за что, помилуй. Всѣ же танцуютъ.

А онъ какъ гаркнетъ.

— Оставьте меня въ покоѣ. А если ужъ хотите, я скажу Вамъ: ненавижу я Ваше конушма. Посмотрите, все общество озвѣрѣло. Посмотрите, вонъ шамашъ пьяный сидитъ и глазами безумными озирается; вонъ эрбака, глава общества, примѣръ для молодежи, заснулъ надъ тарелкой. А тамъ пѣсни горланять неприличныя. Срамъ это, гадость, позоръ. Въ почтенномъ домѣ кабакъ устроили.

— Молчи,—говорю и весь поблѣднѣлъ. Ради Бога молчи!

— Нѣтъ,—говорить,—Вы ужъ дослушайте до конца. Всѣ Ваши танцы эти ненавижу я. Думаете, мало гадости въ нихъ. Думаете, если вы не обнимаете женщинъ, то и все чисто. А почему Вы слѣдите за волненіемъ ея груди; почему подсматриваете каждое движеніе изгиба ея тѣла! О! Эхъ вы! Ну да это въ сторону. А больше всего удивляюсь я Вамъ,—Вамъ, который такъ заботится о чести своей, о благопристойности; Вамъ, который стремится, чтобы заставить молодого человѣка горланить гадкія пѣсни. Фу!

Ну, знаете ли, я такъ и задрожалъ. Понимаете, отчиталъ, какъ школьника. Въ жизни моей этого не было. Благо, всѣ пьяны, никто его не понимаетъ.

— Иди,—говорю,—иди! Богъ съ тобой, рибби Авраамъ! Съ тобой видно каши не сварить.

Повернулся учитель и ушелъ. А мнѣ послѣ такой взбучки и конушма не въ конушма. Еле досидѣлъ до конца. Ушелъ, даже не распрощавшись съ Завадькой. И всю ночь потомъ съ боку на бокъ переворачивался.

Наступилъ понедѣльникъ. Въ 8 часовъ утра отправился я въ классъ—нужно же было учителя съ учениками познакомиться. Оно можно было бы поручить это дѣло эрбакъ, благо онъ во дворѣ мидраша живеть: да не люблю я поручать другому то, что могу самъ сдѣлать. Пошелъ. Смотрю, и глазамъ не вѣрю. Стоитъ эрбака въ сторонѣ, и на лицѣ его тоже удивленіе написано. Хоть толстый былъ человѣкъ, и выраженіе на лицѣ его рѣдко можно было угадать, а въ сей разъ не

могъ я ошибиться: удивленіе. А учитель, представьте, стоитъ посреди двора; мальчишки облѣпили его, какъ мухи сахаръ; и самымъ мирнымъ образомъ съ нимъ разговариваютъ. Не выдержалъ я:

— Брысь,—говорю,—безсовѣстные!..

Ну, какъ увидѣли меня, разбѣжались, какъ зайцы.

— Шаломъ, рибби Авраамъ! Что это вы мерзавцамъ этимъ волю такую даете?.. Помилуйте, если съ перваго дня они съ Вами разговаривать осмѣливаются, такъ черезъ недѣлю же на головѣ Вашей танцовать они будутъ. Да развѣ же смѣетъ мальченка съ учителемъ говорить? Отвѣтилъ урокъ и баста! Сиди и не шелохнись! Хе-хе! (я уже стараюсь обратить все въ шутку). Помню, когда учился я въ мидрашѣ (а было мнѣ тогда 12 лѣтъ), осмѣлился я разъ учителя спросить:

— А не могъ Богъ міръ скорѣе, чѣмъ въ шесть дней, разомъ сотворить?

— Иди,—отвѣчаетъ онъ,—сюда.

Пошелъ.

— Держи руки!

Держу. И всыпалъ мнѣ учитель въ каждую руку по 20 ударовъ, да такихъ ударовъ, что самому чорту отъ каждаго тошно стало.

— Ну,—говорить,—могъ Господь міръ скорѣе, чѣмъ въ 6 дней, сотворить?

— Нѣтъ эрбака!—кричу, а самъ реву, какъ два быка.

— То-то! Пошелъ на мѣсто.

И съ тѣхъ поръ ни-ни! Спасибо учителю. Потому что, если 12-лѣтній мальчуганъ философствовать начнетъ, то никакого авторитета Тора не останется. Самое лучшее — не мудри; написано шесть дней, ну и читай шесть дней и баста. Не твое дѣло тамъ, могъ Господь создать въ 6 дней или нѣтъ. Господь, ужъ повѣрь, тебя не спросить. Такъ вы уже, рибби Авраамъ, будьте добры, не давайте воли ученикамъ!..

Стоить, усмѣхается.

Слушайте,—говорить,—Есефака.—Такъ вѣдь когда это было — когда Васъ за разсужденія били. 50 лѣтъ тому назадъ, когда караимская душа татарскимъ вѣтромъ была обвѣяна, азіатскими понятіями вскормлена, подъ звуки варварской пѣсни въ люлькѣ качалась. А теперь посмотрите кругомъ. Народъ сдѣлалъ гигантскій шагъ впередъ. Караимъ, который въ наше время боялся русской школы, какъ чумы, охотно посылаетъ сына въ университетъ. У насъ есть врачи, юристы, педагоги. Мы съ презрѣніемъ выбросили длиннополый кафтанъ, наслѣдіе татарства, и одѣлись въ европейское платье. Словомъ, мы народъ, опередившій на сотни лѣтъ своихъ восточныхъ воспитателей. И скажите, не позорно ли будетъ для этого народа, который читаетъ прекрасныя книжки о любви къ ближнему, о милосердіи,—не позорно ли ему—бить несчастныхъ мальчишковъ. Ударомъ палки душить развитие дѣтской души; криками глушить благородные порывы его сердца; закрывать отъ него богатый міръ; считать преступнымъ тѣ вопросы, которые возбуждаетъ этотъ міръ въ наивной дѣтской душѣ. Да что вы? Чѣмъ вы считаете школу-то, а! Тюрьмой, вѣдь, ее вы считаете! Вотъ что!

— Позвольте,—говорю,— о тюрьмѣ я не говорилъ. И мнѣ,—говорю,—даже обидно, что слова мои Вы такъ перетолковываете. При чемъ тутъ тюрьма. Объ авторитетѣ,—говорю,—учителя, вотъ что, милостивый государь, (я сталъ злиться) а не о тюрьмѣ. При такихъ мнѣніяхъ Вы классъ свой весь распустите. А что на старину Вы нападаете, такъ это совсѣмъ уже напрасно. Длинные кафтаны—въ нихъ благочестіе жило, вотъ что. Адвокаты, доктора—да я за нихъ гроша не дамъ ломаннаго, поняли вы? Да наплевать мнѣ на фракъ его, да на ученость, когда языка родного не знаетъ. Налѣпить это значокъ свой на грудь; явится въ кенаса разъ въ годъ, да и то сидура держать не умѣетъ. Ты ему охумахъ, а онъ башкой качаетъ. Эхъ! Вы! Образованость! Да начхать мнѣ на эту образованость, когда отъ нея старина въ шатаніе пришла! Вотъ что!..

— Хе-хе!—хохочетъ учитель.—Прежде всего отвѣтите Вы,—говорить учитель,—на слѣдующее. Вотъ Вы сторонникъ старины; Вы бы съ удовольствіемъ выбросили въ сорный ящикъ всѣ результаты культурнаго развитія караимовъ; Вы бы съ радостью вернули эпоху дикаго затворничества; когда ѣли безъ вилокъ и утирались скатертью; когда разсуждать считалось неприличнымъ, а критиковать преступнымъ; когда на пиджакъ смотрѣли, какъ на эмблему отступничества; когда женщина не видала въ лицо жениха, за котораго ее выдавали,—такъ я спрашиваю Вы-то, Вы поборникъ старины—отчего Вы въ пиджакъ, а не кафтанъ. Почему, вмѣсто барашковой шапки на головѣ Вашей, я вижу котелокъ. А отчего сынокъ Вашъ въ гимназіи учится? А старшій сынъ Вашъ инженеръ, а по-караимски читать не умѣетъ, ась? Это разъ. А дальше. Скажите, кто виноватъ, что никто дѣтей своихъ въ мидрашъ-то не отдаетъ а? Сама же эта старина виновата. Въ то время, когда кругомъ міръ идетъ по дорогѣ милосердія, стремленія заглянуть въ душу маленькаго человѣка, изучить его психологію, познакомиться съ лучшими педагогическими приѣмами,—мидраши наши остаются тюрьмами, гдѣ за прочными стѣнами потоки слезъ невидимыя льются; душу молодую палками въ колодку молчанія и идиотства загоняютъ. Что такое наши меламеды, а? Читалъ ли кто-нибудь изъ нихъ педагогику; знакомъ ли съ психологіей ребенка; возненавидѣлъ кто-либо изъ нихъ фалака? А подъ чьимъ наблюдениемъ находятся мидраши-то наши? Первый начальникъ его эрбака, благо онъ же въ одномъ дворѣ съ училищемъ. А дальше. Изъ кого состоить училищный совѣтъ, а? Изъ гевировъ, которые часто правильно читать не умѣютъ; три-четыре старика, воспитанныхъ въ понятіяхъ Тахтамыша хана,—вотъ и все. И послѣ того Вы удивляетесь, что старина гибнетъ. Старину разрушаемъ не мы—она сама себя разрушаетъ. Она гибнетъ, ибо охраняютъ ее совѣтники нечестивые. И если она все же упорно отворачивается отъ зари новаго, не желаетъ претворить въ старые мѣха новаго вина,—то да погибнетъ она!

Смотрю, пришелъ человѣкъ въ ярость, глаза горятъ, руками всякіе фокусы выдѣлываетъ.

Ну, и я же себѣ наступить на ногу не позволю.

— Рибби Авраамъ, говорю, что я ношу котелокъ и пиджакъ, такъ это же дѣло, навѣрное, не Ваше; не на Ваши вѣдь деньги куплено. Вотъ

и все. И что Вы думаете, я бы сейчас же замѣнилъ ихъ на колпакъ и кафтанъ; да дѣло мое такое, человѣкъ я коммерческій. Ну, поневолю и носишь. А насчетъ того, что старину старина же сама разрушаетъ,—не хорошо Вы это сказали. Очень даже не хорошо. Умный вы человекъ, я вижу, а чепуху городите. И на мидраши наши напрасно нападаете. Да знаете ли Вы (я началъ горячиться, что на самомъ дѣлѣ, молчи, молчи; довольно), да знаете ли Вы, что за такія слова Ваши, общество можетъ отказать Вамъ отъ мѣста. Я Ваши слова распространять не стану, а только поберегите ихъ при себѣ. Совѣтую я Вамъ—не то худо выйдетъ.

— Ладно,—говорить,—это увидимъ. А надъ устами моими хозяина я не признаю.

Наконецъ, 9 часовъ. Пора въ классъ. Позвонилъ одинъ изъ мальчиковъ въ звонокъ. Пошли всѣ въ классъ. Учениковъ всего у нихъ въ мидрашѣ было 45 душъ. Помѣщались они въ трехъ комнатахъ: 1-е отдѣленіе, 2-е и 3-е. Кромѣ рибби Авраама, было у насъ двѣ учительницы, одна преподавала ариметику, другая русскому языку обучала. Познакомилъ я учителя съ учительницами; затѣмъ собралъ всѣхъ учениковъ въ школу и говорю имъ:

— Вотъ, дѣти, вамъ новый учитель. Совѣтую Вамъ относиться къ учителю со страхомъ и уваженіемъ,—ну, еще кое-что сказалъ. Затѣмъ показалъ учителю, гдѣ помѣщаются журналы, книги, перья и проч.; говорю: „Ну, мое дѣло сдѣлано. Въ добрый часъ!“

Распрощался и ушелъ.

А на дворѣ сказалъ эрбакъ:

— Будьте, эрбака, добры, присматривайте за новымъ учителемъ, не стѣсняйтесь; можете заходить на уроки ежедневно. Потому—не похожъ этотъ учитель на прежнихъ нашихъ меламедовъ.

— Хорошо, будьте покойны,—говорить эрбака.

Ушелъ я, нѣсколько успокоенный.

И твердо рѣшилъ я на второй день—коли станетъ рибби Авраамъ вводить новые порядки, противодѣйствовать ему всѣми силами и даже въ крайнемъ случаѣ отрѣшить его отъ должности. А только думаю себѣ. „Ничего, обойдется все благополучно. Сперва онъ пошумитъ, побѣситя, а мало-по-малу и успокоится. Всѣ они, молодые, такъ: начнутъ громко, а кончатъ тихо. Пройдетъ годикъ, другой, и ко всему привыкнетъ“.

Типы „Ахырь-Земана“.

Сваха Хенекетта.

(Рис. Ф. Сарафъ.)

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ар. Катыкъ.

Пѣсня евнаторійскаго пирожника Кара-Мошу.

(Шуточная на мотивъ „Чипимъ“).

Типы караимовъ.

„Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ!“...

(Рис. Ф. Сарафъ).

Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ,
А-а-рышь унунданъ,
Сирлы чешме суюнданъ... (2 раза).
Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ!... } (2 р.).
Буюрнысь, акайларъ!...

Какъ пойду я по базару,
Пирожки—пятакъ за пару,
И надъ ними вьется паръ... (2 раза).

Раскушайте поскорѣ
Караимскія затъи!...

Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ!..

Объясню я вамъ при этомъ:
Пирожки мои съ секретомъ.
Всякъ, кто молодъ, всякъ, кто старъ,
Подойдите-ка взгляните—
Ихъ начинку оцѣните!...
Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ!..

(Разламываетъ одинъ изъ пирожковъ, вынимаетъ оттуда крохотную куколку и поетъ, разглядывая ее)

Взглядъ газели, видъ улитки,
Ты сидѣла у калитки
И ходила на базаръ.

Изъ прокисшаго ты тѣста,
Трехмилліонная невѣста!...

Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ!..

Гдѣ-же жизнь, борьба, стремленья?..

Ты застыла безъ движенья

У калитки съ юныхъ поръ,

А потомъ пройдешь безъ цѣли

Путь отъ кухни до мигрени...

Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ!..

Мнѣ-то что!.. Тужить не стану—

Побѣгу я по майдану....

Покупайте младъ и старъ

Пирожки мои скорѣ—

Караимскія затъи!..

Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ!...

Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ!..

А-а-рышь унунданъ,

Сирлы чешме суюнданъ...

Сыджакъ, сыджакъ янтыкларъ!..

Буюрнысь, акайларъ!...

Мы.

Дни минувшіе...

Изъ воспоминаній С. Ш. Пигита*).

(Съ др.-библейскаго, изъ книгъ „Иггеретъ-нидхэ-Шемуэль“).

IV.

Послѣ того, какъ я видѣлъ все это въ родномъ городѣ, меня послали въ Евпаторію учиться нашему священному языку, потому что дѣдушка больше не могъ меня учить, но и не хотѣлъ отдавать меня къ С. Бейму по упомянутой причинѣ, тѣмъ болѣе, что въ его мидрашѣ былъ русскій учитель для преподаванія русскаго языка и письма, а дѣдушка смотрѣлъ на это, какъ на оскверненіе вѣры. Итакъ, меня послали въ Евпаторію. Здѣсь я учился два года у газзана и опытнаго учителя Югуды Узунъ. Подъ его руководетвомъ я научилъ слѣдующія книги: грамматику Калимани. «Рувахъ-Хенъ», ошибочно приписываемую Самуилу ибнъ-Тиббону, и «Миллотъ-Гаггаіонъ» Рамбама; затѣмъ я началъ читать «Мивгаръ» Аарона I. Больше я не могъ учиться, такъ какъ долженъ былъ возвратиться въ родной городъ Чуфуть-Кале; но я все-таки не оставилъ ученія, а ходилъ каждый день въ Бахчисарай въ мидрашъ газзана Авраама Телси. Черезъ шесть мѣсяцевъ мой прежній учитель Узунъ взялъ жену изъ Бахчисарая и остался здѣсь, такъ какъ общество назначило его учителемъ надъ двадцатью учениками изъ сыновей богачей. Да будетъ благословенъ мой учитель, за то, что онъ по своей добротѣ вспомнилъ обо мнѣ и принялъ меня въ свой мидрашъ безъ всякой платы. Тогда я снова повторилъ съ товарищами упомянутыя выше книги; затѣмъ я прочелъ первую часть учебника ариѳметики Абенъ-Яшара (въ рукописи). «Аддеретъ» Ильи Башиячи, всѣ три части «Месиллатъ-Галлиммудъ» Бенъ-Зеева, «Меличатъ-Іешуруитъ», «Бехинатъ-Оламъ» неизвѣстнаго автора, «Арба-Косотъ» Соломона Паппенгейма и «Ховотъ-

*) См. 7 кн.

Галлевавотъ»; послѣ всего этого мы немного учились логикѣ по учебнику Абенъ-Каспи подъ названіемъ «Чероръ-Гаккесефъ» (въ рукописи); подѣ конецъ мы прошли «Этъ-Гахаймъ» Аарона П (изслѣдованіе о божествѣ) и этимъ закончили. Нужно сказать, что мои глаза немного раскрылись, когда я былъ въ Евпаторіи и видѣлъ тамъ благоустроенныя училища: я узналъ, что такое ученіе и какая польза отъ книгъ; поэтому, когда я возвратился изъ Евпаторіи въ родной городъ, я прежде всего началъ искать рукописи въ разрушенныхъ домахъ, но уже не нашелъ ихъ.

С. Бейма въ то время не было въ Чуфутъ-Кале, такъ какъ одесское общество пригласило его къ себѣ въ качествѣ наставника и учителя. Дѣдушка же, служившій газзаномъ и шамашемъ при кенаса, былъ уже очень старъ, и ему трудно было молиться по субботамъ; поэтому я или Югуда Афда молились вмѣсто него. Въ городѣ оставалось всего около десяти семействъ, всѣ очень бѣдныя. Въ это время Чуфутъ-Кале посѣтилъ наследникъ престола старшій сынъ Императора Александра II Николай Александровичъ, встрѣчать котораго специально прибылъ изъ Одессы Беймъ.

Со времени присоединенія Крымскаго полуострова къ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины Второй въ 1783 году и до сихъ поръ—вотъ уже 110 лѣтъ—всѣ русскіе цари, за исключеніемъ Павла Петровича, царствованіе котораго продолжалось всего пять лѣтъ, посѣщали этотъ край, и, между прочимъ, Чуфутъ-Кале, такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу древнихъ городовъ и близокъ къ ханскому дворцу (такъ называемому «Ханъ-сарай»), въ которомъ останавливаются Ихъ Величества, пріѣзжая въ Бахчисарай.

Прежде всего, Екатерина II сама, когда она, по совѣту князя Потемкина, посѣтила Повороссію, заѣхала въ этотъ городъ въ 1787 году. Въ это время Самуиль Саатчи преподнесъ ей въ даръ замѣчательнаго устройства часы собственнаго издѣлія. Екатерина осталась довольна этимъ подаркомъ: она подарила Самуилу Саатчи двѣсти полумперіаловъ и хотѣла взять его въ академію, такъ какъ у него были большія способности ко всякаго рода механическимъ искусствамъ (см. объ этомъ его надгробную надпись въ книгѣ Фирковича «Авнэ-Зиккаронъ», стр. 227). Императрица ласково бесѣдовала и съ Веніаміномъ-Ага, о которомъ мы упоминали въ нашемъ разсказѣ. Наши старики разсказываютъ, что Императрица сказала ему, чтобы онъ просилъ у нея, чего захочетъ, и обѣщала исполнить его просьбу. Веніаминъ-Ага не просилъ у нея позволенія выйти изъ-подъ русскаго подданства и поселиться въ

Турціи. Императрица была очень недовольна его просьбой, но она усмотрѣла и положительную сторону въ его поступкѣ и замѣтила окружающимъ: «Смотрите! вотъ человекъ, вѣрный своему государю: при всѣхъ бѣдствіяхъ и невзгодахъ, которыя вы терпѣли подъ властью мусульманъ. онъ все-таки готовъ снова покориться имъ».

Послѣ Императрицы Екатерины Второй дважды посѣтили эти мѣста и въ частности Чуфуть-Кале Императоръ Александръ Павловичъ Первый—въ 1818 и 1825 г. Принялъ его Исаакъ, авторъ книги «Орь-Галлеванъ». Въ 1825 г. Александръ Первый посѣтилъ также евиаторійскую кенаса; въ память объ этомъ общество поставило во дворѣ кенаса большой красивый мраморный памятникъ.

Въ 1837 г. Чуфуть-Кале посѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ I. Его принялъ гахамъ Сима Бобовичъ вмѣстѣ съ Мордехаемъ Султанскимъ. Послѣ этого въ 1847 г. Императрица Александра Феодоровна прислала Чуфуть-Кале въ подарокъ серебряную кружку.

Въ 1861 г. посѣтилъ Чуфуть-Кале Императоръ Александръ II съ Августѣйшей семьей. Его принялъ Соломонъ Беймъ, какъ мы упоминали. Наконецъ, въ 1886 г. посѣтилъ Чуфуть-Кале Императоръ Александръ Александровичъ III съ Августѣйшей семьей. Ихъ принялъ съ соответствующими почестями гахамъ Самуиль Пануловъ. Когда они вошли въ кенаса, чтобы выслушать молебеніе о здравіи Государя Императора и Царской Семьи, гахамъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Ваше Императорское Величество!

Благословенъ грядый во имя Господне!

Неизгладимыми чертами запечатлѣется въ памяти всего караимскаго народа сей велико-радостный день, его же сотворилъ Господь, когда Ваше Величество и дорогая Августѣйшая Семья Ваша осчастливили его посѣщеніемъ его стараго гнѣзда, его древней святыни, посѣщеніемъ его разрушеннаго города, въ которомъ не осталось камня на камнѣ. Миѣ выпало на долю необыкновенное счастье именно среди этихъ развалинъ возвѣститъ Вашему Величеству, что караимскій народъ, столь незначительный по числу, силенъ своею безпредѣльною любовью къ священной Особѣ Вашей и Августѣйшему Дому; что его вѣрность Русскому престолу такъ же непоколебима и теперь, какъ она была непоколебима всегда, съ того времени, когда Великая и Премудрая Прабабка Ваша осво-

бодила его отъ вѣкового татарскаго ига. Развалины эти суть памятники прошлой горькой судьбы нашего народа, и въ то же время въ своемъ иѣмомъ молчаніи они свидѣтельствуютъ о томъ мирѣ, счастіи и благоденствіи, которыми мы наслаждаемся подъ скипетромъ Русскихъ Монарховъ; они свидѣтельствуютъ о томъ, что прошли тѣ тяжкія времена, когда дѣды наши на этой скалѣ искали спасенія отъ хищниковъ и притѣснителей. Ваше Величество! Русскій Царь—вотъ скала наша, вотъ наша твердыня! Да сдѣлаетъ ее Господь неприступной и неизъомлемой на вѣки! Аминь».

Бейма я больше не видѣлъ, такъ какъ онъ отправился въ Петербургъ, чтобы доставить въ тамошній музей деревянныя фигуры, изображающія караимовъ въ національныхъ костюмахъ. Всѣхъ фигуръ было семь. Они изображали: газзана, жениха и невѣсту, мужчину и женщину, мальчика и дѣвочку *). Но онъ не удостоился доставить эти фигуры лично, такъ какъ дорогой заболѣлъ и умеръ.

Въ это время въ Чуфуть-Кале возвратился изъ своихъ странствованій Фирковичъ. Съ нимъ были всѣ свитки Пятикнижія и книги, собранныя имъ вторично на Востокѣ; было у него и много денегъ, вырученныхъ отъ продажи первой коллекціи. По своей щедрости, онъ построилъ каменную ограду вокругъ чуфуть-кальскаго кладбища, извѣстнаго подъ названіемъ Иосафатовой долины,—мѣста погребенія нашихъ святыхъ отцовъ. Около десяти тысячъ рублей онъ истратилъ на эту ограду (да вмѣнить ему это Богъ въ заслугу!), такъ какъ этотъ городъ былъ ему дорогъ и всѣ эти мѣста священны; поэтому онъ предостерегалъ насъ никогда не оставлять этого города. Дорогие братья! Пусть этотъ великій учитель будетъ вамъ примѣромъ и въ этомъ дѣлѣ, какъ онъ былъ всей своей жизнью. Есть ли еще такой наставникъ и учитель, какъ онъ? Всѣ его слова священны. Поэтому я скажу вамъ: «Храните его слова! Крепитесь и мужайтесь, чтобы поддержать ихъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, во славу Божію и во славу нашихъ князей, ученыхъ и родственникововъ, съ честью лежащихъ тамъ (въ Чуфуть-Кале) въ вѣчномъ покоѣ на своихъ ложахъ».

Жизнь Фирковича въ Чуфуть-Кале была очень своеобразна. За всю ночь онъ спалъ три-четыре часа, не больше. Остальное время онъ читалъ, или писалъ. Подъ утро онъ вставалъ и читалъ молитвы, но не изъ тѣхъ, которыя напечатаны въ нашихъ молитвенникахъ, а тѣ многочисленныя молитвы, которыя были у него въ рукописяхъ и которыя имѣются у нашихъ братьевъ караимовъ

*) Три фигуры изъ числа перечисленныхъ хранятся теперь въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.

и Галичѣ; эти-то молитвы онъ и читалъ, и всѣ наизусть на различные мотивы. Какъ только солнце начинало свѣтить на землю, онъ выходилъ изъ дому и шелъ въ кенаса молиться, при чемъ всю дорогу также читалъ молитвы; одна изъ нихъ, извѣстная въ молитвенникахъ раввинистовъ, начинается словами: «Шахаръ камти легодотъ», съ различными вариациями. Когда онъ садился на полъ, онъ сидѣлъ на колтѣняхъ, какъ это дѣлають католики, а не такъ, какъ мы. По выходѣ изъ кенасы онъ ничего не читалъ, но говорилъ со всякимъ, кого не встрѣтитъ, о Тора. Стоя на одной ногѣ, онъ училъ столькимъ вещамъ, сколькимъ мы не выучимся въ продолженіе цѣлой недѣли. До сего дня въ моей памяти запечатлѣны слова, которыя онъ сказалъ мнѣ однажды, что свойства Божества—троякаго рода: свойства существа, свойства причины и свойства ли существа, ни причины. Но я былъ въ то время отрокомъ и не понималъ его словъ. Утромъ послѣ молитвы Фирковичъ пилъ калмыцкій чай, который варили въ коровьемъ маслѣ. Фирковичъ видѣлъ этотъ чай на Кавказѣ и онъ ему понравился, но намъ онъ не нравился. Подкрѣпившись этимъ напиткомъ, Фирковичъ читалъ часовъ до десяти. Затѣмъ онъ ходилъ къ рабочимъ, строившимъ ограду и работалъ съ ними два-три часа, такъ какъ онъ былъ на всѣ руки мастеромъ; да и силъ было у него много для этой тяжелой работы, хоть онъ былъ и старъ. Остальное время онъ проводилъ въ своей библіотекѣ, принося въ порядокъ разрозненные листы, кучами валявшіеся во дворѣ кенаса, чтобы записать ихъ въ свой каталогъ.

Въ это время Фирковичъ пожертвовалъ чуфуть-кальской кенаса Тора, написанную на великолѣнномъ пергаментѣ, въ красивомъ переплетѣ. На это торжество изъ Бахчисарая прибыли въ Чуфуть-Кале ученые того времени и представители тогдашней интеллигенціи; Юфуда Савусканъ также былъ въ это время въ Чуфуть-Кале. Въ честь Тора и ея жертвователя читали кантаты. Фирковичъ и самъ прочелъ длинную кантату на мотивъ: «Еворахъ Адонай», начинающуюся словами: «Барухъ Авраамъ, ле-Эль Эльёнъ». Савусканъ произнесъ приличествующую событію дня рѣчь. Онъ говоритъ также о находкахъ Фирковича и всѣхъ его заслугахъ и дѣяніяхъ; между прочимъ, онъ упомянулъ о поступкѣ гаона Саадьи, который избѣгалъ встрѣчи съ караимомъ Хасономъ бенъ-Машіяхъ, хотѣвшимъ видѣться съ нимъ и диспутировать съ нимъ лицомъ къ лицу (см. «Ликкутэ-Кадмоніотъ», стр. 114). Все это было бы скрыто отъ насъ, если бы не явился Фирковичъ и не вывелъ бы этого на свѣтъ Божій. Да вмѣнить ему это Богъ въ заслугу!

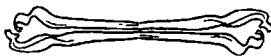
Объ Исаакъ, авторъ книги «Орь-Галлевапа», отецъ рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ человѣкъ очень смиренный и училъ только достойныхъ учениковъ, такъ какъ онъ былъ великимъ ученымъ и главнымъ учителемъ въ городѣ. Въ его время Чуфутъ-Кальская община была «матерью» общинъ; поэтому если въ какой-нибудь изъ остальныхъ общинъ встрѣчался способный ученикъ, достойный посвященія въ «эрбы», его посылали въ Чуфутъ-Кале для прислуживанія учителю (Исааку), и тотъ посвящалъ его. если находилъ его достойнымъ этого. Другіе же учителя не могли сами посвящать своихъ учениковъ. Этотъ обычай держался до прибытія Яшара, автора книги «Тирать-Кесефъ», а за нимъ и другихъ изъ Литвы; они-то по своему прибытію и упразднили совершенно этотъ обычай.

Отецъ говаривалъ мнѣ, что Исаакъ пользовался также репутаціей искуснаго врача въ Чуфутъ-Кале и его окрестностяхъ. Бывало, если кто-нибудь заболѣетъ, онъ приходитъ и писалъ, какіе медикаменты нужно достать у торговцевъ цѣлебными порошками. потому что тогда еще не было аптеки въ Бахчисарафъ. Больныхъ онъ посѣщалъ ежедневно до ихъ выздоровленія. Я спросилъ у отца: «Сколько вы ему платили за это?» Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Исаакъ не брать за это платы, но лѣчилъ всѣхъ даромъ. Это было ему тѣмъ легче, что онъ же совершалъ и рѣзку животныхъ. Когда онъ выходилъ изъ мидраша, ему приносили чистыхъ птицъ, которыхъ онъ и рѣзалъ, при чемъ онъ не отказывалъ никому, если у него была возможность исполнить это. Наградой же ему отъ насъ служило то, что мы ежегодно посылали ему въ подарокъ откормленнаго барашка».

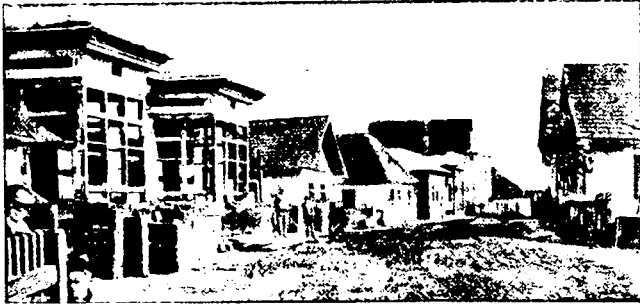
Больше я не слышалъ о немъ рассказовъ, которые стоило бы передавать. Біографія же этого замѣчательнаго учителя написана въ началѣ его книги «Орь-Галлевапа», которая издана въ Житомирѣ въ 1872 г. Редакторомъ ея былъ Хаимъ-Зелигъ Слонимскій, издатель журнала «Чефира».

Перев. И. Круглевичъ.

Конецъ.

Караимы въ Галиціи.

Караимская улица въ г. Галичѣ.

Караимы въ Галиціи.

Кладбище въ Кукизовѣ.

(Съ польскаго).

Пемного еше караимовъ живеть въ нашемъ краѣ (Галиціи) и пемного осталось памятниковъ ихъ быта и ихъ исторіи. Причиной этому служить то, что мѣстные караимы какъ-то странно молчатъ сами о себѣ, и даже историческіе документы почти ничего намъ о нихъ не рассказываютъ. Единственно, что установлено въ наукѣ, что слово «караимъ» происходитъ отъ слова «кара», обозначающаго «поклонники писанія».

Уже Тадеушъ Чацкій въ трактатѣ своемъ «О евреяхъ и караимахъ» говоритъ, что остается спорнымъ вопросъ — сами-ли они такъ назвались или получили свое названіе отъ своихъ противниковъ раввинистовъ. Секта эта въ VIII вѣкѣ послѣ Р. Х. порвала съ традиціями раввинизма и вернулась къ древнимъ книгамъ Моисеева закона, отбросивши все раввинистскія толкованія, пользуясь тѣми принципами организаціи, которые были установлены когда-то въ Вавилоніи Апаномъ, сыномъ Давида.

Это послужило причиной того, что они назывались раньше ананитами, хотя и утверждаютъ, что ихъ секта существовала въ Іерусалимѣ еше до разрушенія перваго храма и называлась обществомъ имени сына Іугуды, и только позднѣе, для отличія отъ талмудистовъ, они назвались караимами.

Первоначально караимы въ большомъ числѣ начали прибывать въ Европу въ эпоху крестовыхъ походовъ. А послѣ разрушенія Иерусалима, главная ихъ масса переселилась въ Египетъ и Грецію, а также въ южную Аравію, откуда позднѣе они распространились вдоль Берберійскаго побережья и наконецъ проникли въ Испанію.

Въ Польшу они попали благодаря князю Витольду, приведшему съ собою изъ Крымскаго похода нѣкоторое количество караймовъ, поселенныхъ имъ въ трехъ городахъ: въ Трокахъ, Луцкѣ и Галичѣ. Первые несомнѣнные и официальные документы отъ польскихъ королей получило караимское населеніе Луцка отъ Сигизмунда I, караимы Галича—отъ Стефана Баторія, караимы, живущіе въ Трокахъ, отъ Казимира Ягеллона, который въ 1441 г. предоставилъ имъ право пользоваться всѣми статьями магдебургскаго права, имѣть собственнаго старшину, назначаемого изъ ихъ среды воеводою.

Нѣтъ сомнѣній, что поселенія, которыя получили подобныя права, не могли быть совершенно новыми, но условія, при которыхъ они жили до тѣхъ поръ, забыты такъ основательно, что даже вопросъ о томъ, не являются ли галиційскіе караимы потомками переселенцевъ изъ Львова, вышедшихъ въ 1475 году, остается спорнымъ. Свѣдѣнія о львовскихъ караимахъ оказываются крайне отрывочными. между тѣмъ, какъ исторію галицкихъ караймовъ написалъ, пользуясь историческими документами, Рубинъ Фанъ и опубликовалъ въ петербургскомъ журналѣ «Гакетемъ» въ 1909 г.

Меньше всего извѣстно намъ объ исторіи караймовъ, жившихъ въ Червонной Руси въ мѣстечкѣ Кукизовѣ, гдѣ ихъ поселилъ въ 1692 году король Янъ Собѣскій. Документъ объ ихъ поселеніи сохранился, впрочемъ, въ городскомъ архивѣ города Львова (т. 63, стр. 1099 и т. 357, стр. 1305). Королевскій указъ былъ изданъ въ Помераніи 15 октября 1692 года. (Содержаніе этого указа уже извѣстно нашимъ читателямъ; см. «Кар. Жизнь», кн. 1. ст. Балабана).

Привиллегія эта была записана въ городскія книги войтомъ караимскимъ только въ 1723 году и около этого времени начинаетъ дѣйствовать гминное управленіе за все время ея существованія, однако, очень немногочисленное. Вообще число караймовъ на Ч. Руси и Литвѣ никогда не превышало нѣсколькихъ тысячъ, а по Чашкому всѣхъ ихъ въ XVII вѣкѣ было 4430, въ томъ числѣ 2000 въ Польшѣ. По послѣдней же переписи караймовъ въ 1790 году было на Литвѣ и на Руси 2148 мужчинъ; если считать столько же

женщинъ, то число караимовъ выразится цифрой 4296 человекъ. (Чацкій, стр. 142).

Что касается 1870 года, то число всѣхъ ихъ въ Галиціи мы находимъ у Бенедикта Плащанскаго *) выражается въ 250 душъ. Если же судить по послѣдней переписи 1900 года, то въ Галиціи ихъ оказалось всего только 160 человекъ. живущихъ въ Галичѣ и Залукѣ. Нѣсколько семействъ караимовъ въ продолженіи недолгаго времени послѣ 1831 года жило въ мѣстечкѣ Кукизовѣ, расположенномъ на юго-востокъ отъ Львова. Въ очень небольшомъ количествѣ молодое поколѣніе эмигрировало оттуда, увеличивъ собой число караимскихъ обывателей Галича и сосѣдней Залукы.

Около 140 лѣтъ жили караимы въ Кукизовѣ и сравнительно еще совсѣмъ недавно, а между тѣмъ сейчасъ отъ нихъ тамъ и слѣда не осталось. Въ самомъ городѣ одна улица, на которой, по всей вѣроятности, стояла кенаса, носить еще по традиціи наименованіе «Караимской». точно также, какъ и рынокъ: «Рынокъ Караимскій» вмѣсто прежняго базара. Но однако никто не можетъ уже показать, хоть бы одного только домика, въ которомъ когда-то жили караимы.

Но память о нихъ самихъ пережила созданіе ихъ трудолюбивыхъ рукъ. Вполнѣ подтверждаются утвержденія Тадеуша Чацкаго, который рассказываетъ, что въ теченіе 4-хъ вѣковъ пребыванія въ Польшѣ ни одинъ караимъ никогда не былъ уличенъ въ какомъ-нибудь преступленіи. Ни обѣщаніе награды, ни угрозы не могли заставить ихъ сдѣлаться измѣнниками. Извозничій промыселъ, мелкая торговля—вотъ былъ ихъ заработокъ. Кромѣ этого, они еще занимались и земледѣльствомъ, а въ Галиціи имѣли даже большія имѣнія.

Волосы они стригутъ коротко, отпускаютъ бороды. Обычай ихъ мало извѣстенъ—неохотно рассказываютъ о нихъ постороннимъ. Ни одинъ караимъ не можетъ присутствовать при смерти своего сородича; въ противномъ случаѣ долженъ очищаться въ особыхъ для того предназначенныхъ омывальняхъ. Обычай этотъ не разрѣшаетъ имъ присутствовать при смерти даже ближайшаго своего родственника, въ такихъ случаяхъ они нанимаютъ перваго попавшагося еврея-талмудиста и вознаграждаютъ его щедро. Послѣ погребенія умершаго, комнату старательно очищаютъ, сдираютъ обои и красятъ заново.

*) Бенед. Площанскій. „Караимы“. Литературный Сборникъ. Львовъ, 1870 г. стр. 105—116.

Что касается супружеской жизни, то каранмы отъ талмудистовъ сильно разнятся. Въ то время, какъ у евреевъ-талмудистовъ браки совершаются очень рано, каранмы женятся въ гораздо болѣе зрѣломъ возрастѣ. Для мужчины этотъ возрастъ—тридцать лѣтъ, для женщины—двадцать. Свадьба справляется безъ особыхъ пышныхъ церемоній, рано утромъ, при чемъ кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ и стариковъ никто не приглашается. Въ присутствіи этихъ гостей молодежь становится на колѣни, а молодой произноситъ слова: «Господи Боже я (такой-то) надѣюсь, что не вѣста моя (такая-то) будетъ хорошей, примѣрной женой, достойной твоего милосердія». На это самый старый въ обществѣ обыкновенно отвѣчаетъ: «Такими вы должны быть оба и быть вѣрными другъ другу до смерти и тогда только достойны будете пощеченія и милости Всевышняго».

Не богатые, но трудолюбивые. трудомъ рукъ своихъ добываютъ они средства къ жизни. Крестьяне, съ которыми мнѣ приходилось говорить о караимахъ, жившихъ когда-то въ Кукизовѣ, отзывались о нихъ, какъ о хорошихъ и предусмотрительныхъ хозяевахъ, которые, не вдаваясь въ дѣла общественныя, тщательно и трудолюбиво исполняли свои обязанности, живя въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ сосѣдями.

Единственнымъ послѣднимъ памятникомъ остался упомянутый уже въ приведенномъ документѣ кусокъ земли въ южной части мѣстечка при дорогѣ изъ Ярычева-Стараго; это—часть когда-то большого кладбища. носящаго у тамошнихъ обывателей названіе «Караймпцизна», или «Окопъ Караймскій». Около шести лѣтъ тому назадъ я еще видѣлъ на кладбищѣ этомъ, расположенномъ на небольшомъ холмѣ, по правой сторонѣ дороги изъ Ярычева, около семи могильныхъ плитъ, по большей части разрушенныхъ и почти сравнявшихся съ землей. А уже въ маѣ прошлаго года я засталъ ихъ только три и то съ одной только надписью, которую можно было прочесть, глубоко выбитой въ камнѣ.

Плиты эти около двухъ метровъ высоты, поставлены ребромъ, покрыты надписями и разнятся другъ отъ друга только тѣмъ, что одна сверху срѣзана плоско, а двѣ—дугой.

Именно то обстоятельство, что они обращены надписями на югъ, и повліяло на то, что только на одной изъ нихъ, да и то отчасти, можно прочесть эпитафію. Два другіе и еще одинъ, подъ дерномъ, совсѣмъ уже неудобочитаемы. Впрочемъ, на одной видны два льва, поддерживающіе корону. На мои вопросы, куда дѣвались остальные плиты, ничего узнать я не могъ. По всей вѣроятности, по-

шли на постройки. Очень можетъ быть, что, впрочемъ, подтверждають и мѣстные жители, что не мало ихъ засыпано землей и поросло травой. Прилагаемая фотографія *) представляетъ именно лучше другихъ сохранившуюся могильную плиту съ длинной гебрайской надписью. Въ верху, въ четырехугольномъ обрамленіи, въ видѣ четырехъ зубчатыхъ полосокъ въ серединѣ виднѣется корона, какъ будто съ двумя посохами. Съ обонхъ боковъ короны виднѣются двѣ распростертыя руки на подобіе литеры V. Между ладонями и короной по серединѣ виднѣются двѣ малыя звѣздочки выпуклой формы, какъ и весь рисунокъ на камнѣ. Подъ этой рѣзьбой, обозначающей принадлежность покойника къ духовному званію, слѣдуетъ въ 12 строкахъ гебрайская надпись, которая насколько было возможно прочесть и съ несовѣмъ хорошо сохранившимися частями надписи, гласитъ въ переводѣ слѣдующее:

«Пусть глаза мои заливаются слезой.

. одинокой и чтобы не

страдаешь мое сердце по причинѣ смерти мужа учитывая и справедливого; богобоязненнаго, который избѣгалъ зла. Вѣдь онъ мой любимый мужъ... земля полна его честию. Авраамъ святой памяти сынъ моего тестя, земля полна его честию, Ноя Б(а)б(а)т, который сошелъ 3 дня Седры Дебаримъ Б. въ началѣ мѣсяцевъ года Менахема 591 липратъ каталь».

Съ этой надписи слѣдуетъ, что жена по умершемъ мужѣ, названномъ тутъ сыномъ тестя—Авраамъ сынъ Ноя Бабабъ, поставила этотъ памятникъ въ 1831 году, высказывая поэтичнымъ стилемъ Библии свою печаль по случаю утраты замѣчательнаго мужа.

Чрезвычайно красиво и вмѣстѣ съ тѣмъ очень просто передана печаль и страданіе по утратѣ дорогаго человѣка въ патетическомъ восклицаніи опечаленной вдовы: «Вѣдь это мой мужъ, богобоязненный, добродѣтельный человѣкъ, котораго у меня неумолимая смерть отняла».

Того, который слылъ своей добродѣтелью и справедливостью, оплакиваетъ и будетъ оплакивать, такъ какъ онъ былъ ей дорогимъ мужемъ и другомъ. Кто былъ, однако, этотъ Авраамъ сынъ Ноя, о томъ не узнаемъ изъ длинной эпитафіи, и это несомнѣнно остается тайной покойнаго, отдыхающаго вѣчнымъ сномъ, прерываемымъ, пожалуй, молитвами помнящихъ о немъ единовѣр-

*) Къ сожалѣнію, ее невозможно было воспроизвести въ „Кар. Жизни“.
Ред.

цевъ галиційскихъ. Каждый годъ осенью съѣзжаются сюда старики, убѣленные сѣдиной, потомки караимовъ Кукизовыхъ изъ Галиціи и въ торжественныхъ молитвахъ за спасеніе душъ усопшихъ проводятъ цѣлый день на могилахъ, обвѣянныхъ вѣтрами. изсѣченныхъ дождями. Неумолимая природа, а еще больше злостная рука святотатца разрушаютъ достойные чести памятники старины, какъ бы нарочно и упорно не оставляя никакихъ слѣдовъ, стараются ихъ стереть съ лица земли и скрыть отъ наступающаго поколѣнія.

Б. Янушь.

Среди галичскихъ караимовъ.

Въ дополненіе къ сообщавшимся у насъ свѣдѣніямъ о караимахъ Галиціи и печатающейся выше статьѣ г. Януша приводимъ переводъ статьи, появившейся въ нѣмецкомъ журналѣ «Ost und West» (январь—февраль, 1912 г.).

«Живутъ караимы теперь замкнуто, скученно, близко держась другъ около друга, въ полуразвалившихся хижинахъ, съ позеленѣвшими отъ древности стеклами въ окнахъ—быть можетъ, свидѣтелями лучшихъ дней, когда колонія эта процвѣтала. А что такіе дни были, объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся до сихъ поръ роскошная старинная синагога съ 5 куполами и тремя цитами Давида и еврейскими надписями на стѣнахъ. Внутренній видъ кенаса производитъ еще болѣе импозантное впечатлѣніе: на громадномъ сводчатомъ потолкѣ изображены 12 небесныхъ круговъ съ цитатами изъ пророковъ. Стѣны всѣ исписаны разными молитвами, характерными четырехъугольными буквами еврейскаго алфавита. Надъ священнымъ шкафомъ, гдѣ хранятся свитки Торы, двѣ бѣлыя мраморныя доски съ начертанными на нихъ 10 заповѣдями.

Мы какъ разъ находимся тамъ, когда идетъ служба. Всякія входящій въ кенаса обязанъ оставить палку и застегнуться на всѣ пуговицы, «ибо это мѣсто священное, равное храму Соломона», какъ объяснить вамъ набожный караимъ. Службу на древне-еврейскомъ языкѣ совершаетъ гахамъ, стоя у гехала, и ведется она въ тонѣ, то возвышенномъ, то минорномъ, съ тѣмъ же мотивомъ безконечной тоски о невѣдомомъ. Во время службы гахамъ то и дѣло становится на колѣни, то падаетъ ницъ, то бьетъ себя кулаками въ грудь. Кучка молящихся, человекъ 7—8, громкимъ шопотомъ вторитъ гахаму,—и вамъ кажется, что вы перенеслись на далекій Востокъ, и грустные мотивы словно зовутъ васъ къ прошлому.

Вы выходите на улицу. Гортанные, совершенно чуждые звуки поражаютъ вашъ слухъ: толпа мальчишекъ въ оживленной игрѣ переговариваются между собою на караимскомъ жаргонѣ—смѣсь турецкихъ и татарскихъ словъ, наслѣдіе историческихъ странствованій караимовъ.

Молитвы караимы совершаютъ на древне-еврейскомъ языкѣ, произнося слова нѣсколько иначе. Отъ евреевъ они тщательно себя отдѣляютъ, считая ихъ заблудшими, отступившими отъ истинной вѣры израильской; но вѣрятъ, что по пришествіи мессіи все религіозныя распри кончатся, и все евреи соединятся въ единый великій израильскій народъ.

Любопытную картину представляетъ также караимская свадьба, явленіе очень рѣдкое здѣсь, такъ какъ законъ запрещаетъ караимамъ вступать въ бракъ съ иновѣрцами, даже евреями, а колонія ихъ такая маленькая. Проходятъ цѣлые года, пока случится такое великое событіе, и тогда вся колонія принимаетъ участіе въ этомъ торжествѣ. Все отъ мала до велика одѣты по праздничному, — тихая, древняя, словно погруженная въ воспоминанія улица вдругъ оживаетъ; все радостно, весело; только

и разговору, что о новобрачныхъ. Даже сосѣди-евреи и христіане любопытной толпой окружаютъ кенаса, чтобы хоть однимъ взглядомъ взглянуть на виновниковъ рѣдкаго торжества.

Въ ярко освѣщенной кенаса развернуть свадебный балдахинъ; черезъ толпу любопытныхъ, которые терпѣливо дождались желаннаго момента, проталкиваются наряженные караимскія женщины съ зажженными свѣчами въ рукахъ и становятся около балдахина. Наконецъ, появляется невѣста въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, накрытая густой бѣлой фатой; рядомъ съ ней женихъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. При входѣ въ кенаса они опускаются на колѣни: потомъ они становятся рядомъ подъ балда-

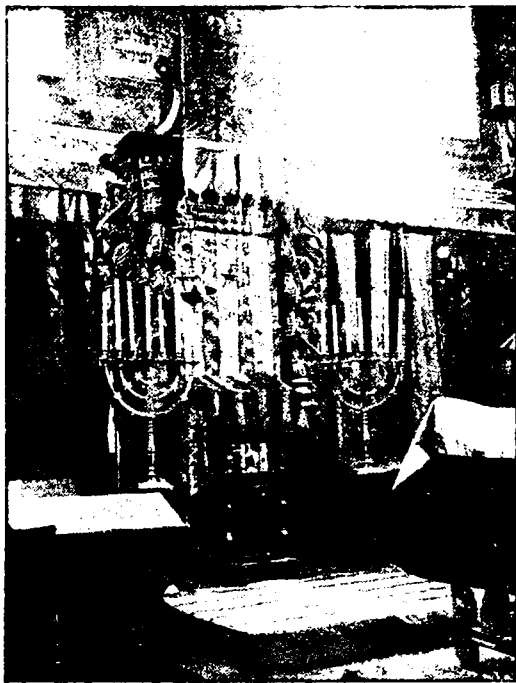
Караимы въ Галиціи.

Древняя кенаса въ Галичѣ.

хнѣ, и гахамъ встрѣчаетъ ихъ пѣсней: «Радуйся женихъ своей невѣстѣ, радуйся невѣста своему жениху». Всѣ присутствующіе ему подтягиваютъ. Затѣмъ гахамъ начинаетъ читать молитвы, и всѣ присутствующіе молятся полугромкимъ шопотомъ. При чтеніи одной изъ молитвъ гахамъ посыпаетъ голову жениха и невѣсты пепломъ и овсомъ (пепель—знакъ печали о разрушеніи храма, а овесъ—какъ символъ плодородія). Тутъ вдругъ наступаетъ мертвая тишина, и гахамъ читаетъ какую-то бумагу по-караимски; это—

Караймы въ Галиціи.

Гехаль (алтарь).

брачный контрактъ («ше-таръ»). Затѣмъ съ чашей вина въ рукахъ онъ произноситъ на древне-еврейскомъ языкѣ «свадебное благословеніе», кончая его словами: «раздастся снова въ городахъ Іудеи и на улицахъ Іерусалима голосъ радости и торжества»,—и онъ опускаетъ свои руки на головы склонившихся новобрачныхъ и благословляетъ ихъ. Онъ затѣмъ надѣваетъ кольцо на протянутый палецъ невѣсты, и женихъ произноситъ слова на «лешонъ-кодешъ» («я беру тебя по закону»). Вѣнчаніе кончилось. Со всѣхъ сторонъ слышатся поздравленія, и всѣ,

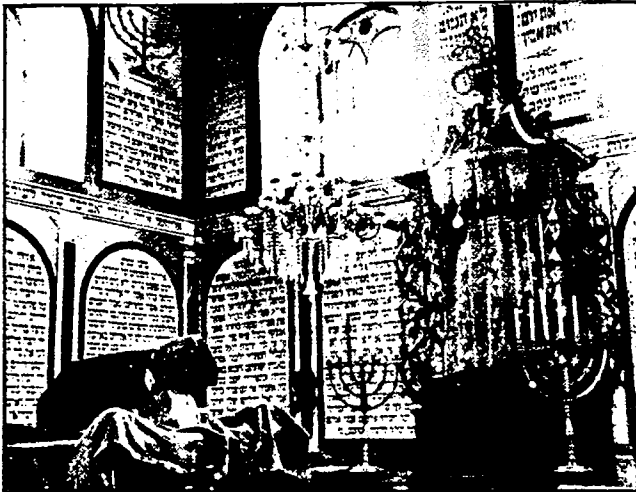
толкаясь и сѣбя, стремятся къ выходу, дѣлясь своими впечатлѣніями. Вся колонія провожаетъ новобрачныхъ къ дому и тамъ начинается свадебное торжество и веселіе.

Теперь нѣсколько словъ о похоронныхъ обрядахъ у караимовъ.

Въ Библии имѣется текстъ, запрещающій прикасаться къ мертвому тѣлу. Караимы, которые придерживаются буквального смысла текста Библии, были поставлены этимъ въ очень затруднительное положеніе, не зная, что дѣлать со своими покойниками. Чтобы

выйти изъ этого затрудненія, они стали пользоваться услугами еврейскихъ похоронныхъ братствъ, члены которыхъ заставляли ихъ очень дорого оплачивать свой трудъ и грубо ихъ эксплуатировали. Въ 1839 году умеръ Самуиль Леоновичъ, братъ богатаго и всѣми уважаемаго гахама Абрама Леоновича. Члены еврейскаго «Хевре кедыша», совершавшіе обрядъ погребенія, потребовали очень высокую плату за свой трудъ. Тогда караимы стали просить гахама, чтобы онъ разрѣшилъ имъ самимъ хоронить своихъ покойниковъ. Гахамъ далъ разрѣшеніе, и съ тѣхъ поръ караимы сами хоронятъ своихъ покойниковъ, назначая для этого не болѣе двухъ членовъ

Караимы въ Галиціи.

Внутренній видъ кенаса.

своей общины. У ногъ и у изголовья караима-покойника зажигается множество свѣчей. На кладбище его сопровождаютъ всѣ члены общины; мужчины идутъ впереди гроба, женщины—позади.

Въ общемъ, можно сказать, что вся галичская колонія караимовъ представляетъ собой медленно умирающаго покойника: всѣ образованные караимы, которые въ прежніе времена такъ интересовались древне-библейской литературой и такъ свято чтити Библию, теперь уходятъ изъ караимства, перѣдко и въ христіанство. А изъ тѣхъ, которые остаются вѣрными вѣрѣ, очень немногіе заводятся семьей, предпочитая оставаться холостяками—быть можетъ, за неимѣніемъ достаточнаго выбора въ этой маленькой общинѣ, члены

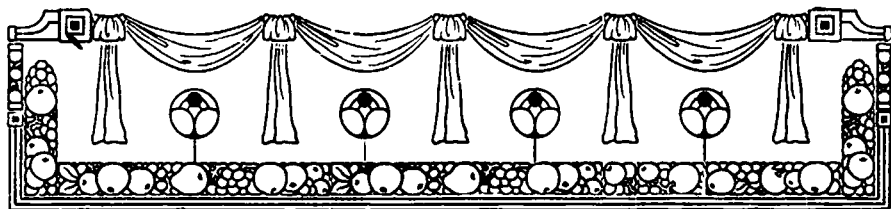
которой уже всё породнились между собой. Мѣстный гахамъ уже обратилъ на это вниманіе, и указалъ, что членамъ вымирающихъ общинъ Галиціи и Литвы, въ кошцѣ-концовъ, останется только одинъ выходъ—переселиться въ Крымъ, чтобы тамъ присоединиться къ своимъ болѣе многочисленнымъ братьямъ-караимамъ.

Письмо караима изъ Галиціи.

Нами получено въ отвѣтъ на нашъ запросъ письмо изъ Галича отъ одного изъ видныхъ представителей мѣстной караимской общины Абрама Леоновича, въ прошломъ году посѣдившаго цѣлый рядъ русскихъ караимскихъ общинъ. Приводимъ это письмо въ выдержкахъ:

„Историческихъ данныхъ,—пишетъ г. Леоновичъ,—о которыхъ Вы спрашиваете, мы не имѣемъ, кромѣ тѣхъ, которыя Вамъ уже извѣстны, и которыя Вы можете найти въ книгѣ А. С. Фирковича „Виды Зиккаронъ“. Что касается нашего житья-бытья, то мало отраднаго о немъ могу я Вамъ сообщить. Живемъ мы здѣсь совсѣмъ отрѣзанные отъ караимскаго міра, не живемъ, а только прозябаемъ, доживая свое національное существованіе безъ какихъ бы то ни было надеждъ на лучшее будущее. Есть у насъ нѣсколько чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, есть купцы, ремесленники, земледѣльцы. Особенно богатыхъ среди насъ нѣтъ, но нѣтъ также и бѣдняковъ, которые протягивали бы руку за милостыней. Всѣхъ караимовъ насчитывается до 200 душъ. Съ евреями не имѣемъ ничего общаго: старая религіозная вражда, кажется, вѣчно будетъ существовать. Поляки и малороссы относятся къ намъ болѣе дружелюбно. Письмо изъ Галиціи, напечатанное во второмъ номерѣ „Караимской Жизни“ относится къ началу XIX вѣка, такъ какъ упоминаемый въ этомъ письмѣ газзанъ Абрамъ Леоновичъ умеръ еще въ 1851 году. Вообще, все это письмо сообщаетъ свѣдѣнія очень далекой отъ насъ старины, что касается также и свѣдѣній о похоронахъ. Покойный Абрамъ Леоновичъ, видя невозможное обращеніе евреевъ, въ рукахъ которыхъ находилось похоронное братство, съ нашими покойниками, распорядился, чтобы караимы нарушили свой обычай и хоронили сами своихъ покойниковъ. Долгополые халаты, о которыхъ говорится въ письмѣ, относятся также къ глубокой старинѣ“.

КАРАИМЫ.

(Выдержки изъ книги К о н д а р а к и „Универс. описаніе Крыма“ 1875 г.).

Небольшое число караймовъ, образовавшихся подъ этимъ именемъ въ Тавридѣ и извѣстныхъ крымскимъ татарамъ подъ именемъ „зилифсисъ-чуфутовъ“, какъ-то невольно останавливаетъ вниманіе любителей этнографіи. И въ самомъ дѣлѣ, что это за племя, откуда и когда оно явилось въ эту страну?.. По блеску и очеркамъ глазъ оно пожалуй принадлежитъ къ племенамъ Израиля, но по физическимъ силамъ, тѣлосложенію, характеристическимъ свойствамъ и всѣмъ вообще проявленіямъ, которыя могутъ служить для отличія одного народа отъ другого—оно совершенно противоположно. Караймы, народъ бодрый, серьезный, честный, справедливый, веселый, миролюбивый, чистоплотный, разумный и деспотъ, чрезвычайно преданный своему семейству. Всѣхъ этихъ качествъ нельзя найти въ евреяхъ и, слѣдовательно, было бы невѣжественно, основываясь на одной религіозности, допускать, что караймы суть потомки Симона, Дана и другихъ колѣнъ израильскихъ, вышедшихъ изъ перваго Иерусалима, для освобожденія Рувима и Гада, осажденныхъ въ Самаріи и поселенныхъ отчасти въ городахъ Мидіи за 545 л. до Р. Х., гдѣ проживъ около 224 л., они были переселены персидскимъ царемъ Камбизомъ въ Крымъ и поселились въ гг. Херсонесѣ, Солхатѣ и Онхатѣ*), Чуфутъ-Кале, Сеферадѣ**) и т. д.

Предположенія эти, если-бъ они были бы совершенно и справедливы, то, во всякомъ случаѣ, не имѣютъ отношенія къ караймамъ, а относятся къ іудейскому племени. Однако для удовлетворенія любознательности читателя приведемъ содержа-

*) Солхатъ—Старый Крымъ по хозарски значить лѣвый скать, а Онхатъ—правый.

**) Сеферадъ—Керчь.

ніе того пергаментъ, найденнаго раввиномъ Беймомъ въ Мадоселисѣ, близъ Дербента, который послужилъ поводомъ всѣмъ почти караимамъ думать о происхожденіи своемъ отъ евреевъ. Въ документѣ написано: „Камбизъ обратилъ на нихъ милости за то, что они вооружились на брань вмѣстѣ съ народомъ мидійскимъ, чтобы сражаться съ царицей Тальмирой, ради отмщенія за кровь его отца и когда они одолѣли ея воиновъ, схватили ее живую и представили Камбизу, царю своему, который, умертвивъ ее, овладѣлъ ея землей; они же выпросили эту землю у него, и далъ онъ имъ ее во владѣніе, опредѣливъ начальниковъ. Потомъ израильтяне и мидійцы, возвратившись съ войны, забрали своихъ женъ и дѣтей, имущество и поселились въ Херсонесѣ, гдѣ отецъ Камбиза оставилъ по себѣ славу и память, а также въ Солхатѣ и Онхатѣ. И такъ какъ устроили сии земли послѣ разоренія, то наименовали Крымомъ. Равно поселились въ іудейской крѣпости, которую и укрѣпили въ г. Сеферадѣ надъ моремъ Шиттимъ (Лзовскимъ). Они наши братья іудейскіе, племя іерусалимское, уведенное въ плѣнъ Титомъ“. Если дѣйствительно подобный документъ найденъ, то въ немъ не подвергается сомнѣнію то, что въ Херсонесѣ перешло на жительство большое число самарянъ, которые, какъ видно, изъ жптія первыхъ семи іерарховъ, епископствовавшихъ въ этомъ городѣ, были могущественны, все же остальное составлено человекомъ, до свѣдѣнія котораго дошли слухи о пребываніи въ Солхатѣ, Чуфуть-Кале и Сеферадѣ людей, исповѣдующихъ іудейскую религію. Изъ другой рукописи, найденной Беймомъ въ чуфуть-кальской синагогѣ въ 1840 г. и опубликованной имъ, можно замѣтить только то, что она передана въ Солхатѣ обществу хазаровъ, безъ сомнѣнія, принявшихъ еврейскій законъ. Изъ этого документа очень важнаго и неподлежащаго сомнѣнію, мы въ правѣ сдѣлать слѣдующаго рода заключенія: а) что караимы не принадлежали никогда къ племенамъ іудейскихъ колѣнъ, б) что они образовались въ Тавридѣ подъ этимъ названіемъ только потому, что рѣшились принять еврейскую религію, извѣстную у хазаровъ подъ именемъ «караиманъ», вслѣдствіе чего и получили названіе «кара—имовъ», или людей, исповѣдующихъ черную вѣру. Естественно, что сказанное нами требуетъ подтвержденія. По многимъ историческимъ документамъ намъ извѣстно, что въ 8 столѣтіи часть хазаровъ, обитавшихъ въ Крыму, приняли іудейскую вѣру, а остальные, благодаря усердію

папъ—Иннокентія IV, Николая II и Іоанна XXII.—христіанскую религію. Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ, куда дѣвались эти первые, если только они сохранили вновь принятый законъ? По безпристрастному убѣжденію напему, секта караимовъ произошла въ Тавридѣ слѣдующимъ образомъ. Обитавшіе въ Херсонесѣ самаряне, пользуясь своимъ вліяніемъ на торговый классъ хазарскаго народа, сумѣли заинтересовать ихъ постановленіями іудейской религіи и подъ конецъ обратили ихъ въ религію отцовъ своихъ, но такъ эти прозелиты стали съ этого времени ненавистны для соотечественниковъ, то поневолѣ должны были занять подъ поселенія свои отдѣльныя отъ нихъ мѣстности. Естественно, что благоразумнѣе было основаться на такихъ малодоступныхъ высотахъ, какъ напр., Мангупъ, Чуфуть-Кале, которыя представляли много искусственныхъ пещеръ для жилища и обнесены были башнями и крѣпостными стѣнами. Силлогизмъ этотъ подтверждается тѣмъ, что только въ Мангупѣ и Чуфуть-Кале существуютъ самые древнѣйшіе надгробные памятники этой націи, изъ которыхъ нѣтъ ни одного, впрочемъ, раньше XII ст. Что же касается вопросовъ, почему мы думаемъ, что караимы хазарскаго происхожденія и отчего они сохранили въ очеркѣ глазъ замѣчательную сходственность съ израильтянами—это объясняется слѣдующимъ образомъ. Всѣмъ извѣстно, что караимы, со времени образованія ихъ до настоящаго времени жили вкупѣ и не испытывали никакого рода гоненій, вслѣдствіе чего бы могли забыть свой національный языкъ, если бы имѣли его. Это доказали въ особенности іудейскія племена въ Европѣ, гдѣ ихъ жгли и тиранили на всевозможныя манеры, но не смотря на все это, они продолжали свято хранить не только языкъ отцовъ, но даже и наряды, обличающіе ихъ національность. Послѣ этого, спрашивается, что могло заставить караимовъ израильскаго происхожденія, живущихъ отдѣльнымъ обществомъ, забыть свой языкъ, необходимый для пониманія религіи и изучить татарскій? Не ясно ли, что караимы были хазарами, говорящими этимъ языкомъ и оказавшимися неспособными или не имѣвшими возможности изучать еврейскій языкъ? Относительно свойствъ глазъ, мы допускаемъ, что первые изъ этихъ прозелитовъ, лишеныя возможности вступать въ брачный союзъ съ соотечественницами, отвергнувшими ихъ, по необходимости женились на тѣхъ самаритянкахъ, которыя владѣли ихъ языкомъ и рѣшились послѣдовать за ними въ

близлежащія отъ Херсонеса Мангунъ и Чуфутъ-Кале. Такимъ образомъ могла быть унаслѣдована въ поколѣніяхъ этой націи та сходственность глазъ, о которомъ мы говорили. Если ко всему этому мы добавимъ, что народъ этотъ только вышелъ изъ Тавриды, что онъ не имѣлъ своей грамоты, а употребляетъ и употребляетъ еврейскую азбуку для выраженія татарскихъ словъ и что не сохранилъ никакихъ преданій, пѣсенъ или чего-нибудь напоминающаго о совмѣстномъ даже жителствѣ съ израильтянами, то очень натурально, что онъ происходилъ отъ тюркской націи, какой являлись хазары, обитавшіе въ Крыму въ VII в. по Р. Х. Для болѣе яснаго убѣжденія читателя въ происхожденіи караимъ отъ татарскаго племени, которые, какъ доказано, не легко перенимаютъ привычки европейцевъ, обратимъ вниманіе на ихъ современный бытъ и вообще образъ жизни въ массахъ цивилизованныхъ народовъ. Караимы съ тѣхъ поръ, какъ присоединенъ къ Россіи Крымскій полуостровъ, пользуются чрезвычайно важными льготами, дарованными нашимъ правительствомъ съ единенной цѣлью приблизить ихъ къ себѣ и заставить чувствовать благодарность и охоту слиянія, но что вышло на дѣлѣ? Народъ эта вездѣ, гдѣ онъ обитаетъ, составляетъ плотную общину, подчиненную строгому контролю собранія всѣхъ членовъ общины и считаетъ неприличнымъ вводить въ свою жизнь даже самыя лучшія привычки передовыхъ націй*); они чрезвычайно любятъ татаръ, сходятся съ ними въ убѣжденіяхъ, торговыхъ сдѣлкахъ, поютъ ихъ пѣсни и повторяютъ ихъ преданія и сказки съ такимъ воодушевленіемъ, какъ бы они вымыслены были ихъ дѣдами. Теперь всмотритесь въ ихъ бытъ домашній. Караимы, сколько бы ихъ не было въ одномъ городѣ, стараются помѣститься въ сосѣдствѣ, чтобы прислуживаться другъ къ другу, не прибѣгая къ стороннимъ націямъ. Женамъ и дочерямъ своимъ они воспрещаютъ бесѣдовать съ чужими мужчинами и вообще вести общественную жизнь, неохотно дозволяютъ имъ грамотность—словомъ, буквально подражаютъ во всемъ татарскимъ привычкамъ и положительно требуютъ отъ семьи рабскаго повиновенія и исполненія всѣхъ домашнихъ дѣлъ. Караимъ, подобно татарину, смотритъ на

*) Всѣ эти строки очень далеки отъ дѣйствительности даже того времени, когда писалась эта книга (въ 1875 г.), а тѣмъ болѣе отъ картины нашихъ дней, когда караимская народность вполне заслуженно гордится своей интеллигенціей.
Ред.

жену, какъ на предметъ, доставляющій наслажденіе его прихотямъ, на дочь, какъ на чужое достояніе, а на сына, какъ на работника, которому возможно довѣрять капиталъ, а самому кейфовать. Всѣ они преданы легкому роду ремесламъ, торговлѣ и садоводству, т.-е. всѣмъ тѣмъ занятіямъ, которыя были имъ подручны во время отдѣленія отъ хазаровъ и поселенія въ такихъ возвышенностяхъ, какъ Мангупъ и Чуфутъ-Кале. По рассказамъ туземныхъ стариковъ и кое-чего памятнаго намъ съ дѣтства, караимы, обитая на этихъ высотахъ, преимущественно занимались отдѣлкой и крашеніемъ сафьяновъ и различнаго рода кожъ, дѣлали шнурки, скупали фрукты, приготавливали вино, а остальные торговали мелочами подъ названіемъ «яймаджіевъ», которыя развозили по деревнямъ, вымѣнивая на предметы, необходимые для ихъ жизни. Всѣмъ этимъ промысляютъ многіе изъ татаръ до настоящаго времени въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ. Обратимъ теперь вниманіе на ихъ пищу и образъ приготовленія. Народъ этотъ до того во всѣхъ мелочахъ хозяйства напоминаетъ татаръ, съ ихъ неизмѣнными привычками, посудой, мебелировкой комнатъ, одеждой и образомъ приготовленія пищи, что даже вѣрящій въ ихъ происхожденіе отъ евреевъ, при изученіи всего этого невольно начнетъ сомнѣваться въ ихъ національности или пожалуй приметъ ихъ за народъ, обитавшій въ однихъ поселеніяхъ съ татарами, тогда какъ въ сущности они ограждались отъ нихъ не легко доступными скалами, стѣнами и желѣзными воротами. Обратимъ теперь вниманіе на различные толки караимовъ относительно своего происхожденія. Караимъ рибли Мордохай, основываясь на сказаніи Елифанія противъ невѣрующихъ (от. 14), «что между евреями существуетъ секта, происхожденіе которой не относится къ Садукеею, но которая образовалась особо и прозвала себя «чадыкимъ», въ «знакъ своей праведности», выводитъ, что секта эта впоследствии приняла названіе караимовъ.

Изъ караимской книги «Додъ Мордохай» вы уже находите, что образованіе секты караимовъ относится ко времени Анана, существовавшего не въ глубокой древности. По другимъ источникамъ, какъ напр., Игересь-Кирье-Немовъ «Еш-коль Гакоферъ», слѣдуетъ думать иначе. Изъ всего этого можно заключить, что ни еврей, ни сами караимы положительно ничего не знаютъ о происхожденіи послѣднихъ и напрасно руются въ своихъ письмахъ, предполагая, что слово «караимъ» происходитъ или отъ одной изъ древнихъ сектъ

креіе» или отъ слова «кронмъ», не имѣющаго яснаго значенія, но присвоеннаго Талмудомъ, — тремя извѣстными учеными — Раву, Шмуэлю и раби Юхонону за то, что будто они глубоко проникли въ смыслъ св. Писанія. Слѣдовательно, если это слово принято въ смыслѣ «слѣдующіе св. Писанію», то, во всякомъ случаѣ, оно не можетъ относиться къ караимамъ, секта которой образовалась много вѣковъ спустя и о которой не очень давно узнали евреи; что же касается того, почему караимы не признали ученія Талмуда, это ясно объясняется тѣмъ, что они приняли еврейскій законъ отъ израильтянъ, вышедшихъ изъ Палестины гораздо раньше составленія Талмуда, а впослѣдствіи уже, когда талмудисты проникли къ нимъ, они отказались слѣдовать ихъ толкованіямъ, которыхъ по незнанію еврейскаго языка, не могли понять и, вѣроятно, причислили къ нововведеніямъ, изобрѣтеннымъ искателями славы и приключенія.

Все приведенное нами удостовѣряетъ, что караимы долгое время, послѣ принятія іудейской вѣры оставались въ томъ же невѣжественномъ состояніи, они, какъ татары, не могли сообразить о значеніи лѣтописи и никто изъ нихъ не записывалъ преданій, наслѣдованныхъ отъ отцовъ; что же касается іерусалимскихъ караимовъ, то они не могли знать больше ничего, кромѣ дошедшаго до ихъ слуха, что обратитель хазарь въ іудейство былъ Гассангадый, а имя его было Исаакъ или Іегуда; имъ навѣрно не могло быть извѣстно и то названіе, которое было присвоено новообращенными соотечественниками ихъ хазарамъ. Еще одной отличительной чертой караимовъ отъ евреевъ служитъ то, что женщины ихъ по древне-татарскому обычаю носятъ на вискахъ два небольшихъ локона, именуемыхъ мусульманами «зелифами» и до настоящаго времени предпочитаютъ всѣмъ другимъ нарядамъ татарскій фесъ и червонцы на шеѣ — и всѣ онѣ безъ исключенія твердо произносятъ р, чѣмъ не могутъ похвалиться израильтяне.

Перейдемъ теперь къ памятникамъ этой крошечной секты и посмотримъ, что они могли сдѣлать для сохраненія своего имени въ странѣ, гдѣ образовались. Раньше мы сказали, что караимы были вынуждены поселиться на такихъ мѣстахъ, которыя естественнымъ и искусственнымъ образомъ защищены были противъ обитателей степей, всегда охотно нападавшихъ на тѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ семьѣ. При томъ мѣста эти представляли готовые жилища и находились въ ближайшемъ сосѣдствѣ къ Херсонесу, еще цвѣтущемъ въ X ст. Между тѣмъ въ Мангулѣ равно ничего нельзя найти такого,

которое свидѣтельствовало бы, что обитавшіе въ немъ евреи происходили отъ исторической развитой іудейской націи; въ противномъ случаѣ здѣсь явились бы надгробные памятники гораздо раньше XIII ст. безсомнѣнно, эпохи, когда караимы ближе познакомились съ обычаями іерусалимскихъ собратій по религіи и начали подражать имъ. Такимъ образомъ Мангупъ сохранилъ только нѣсколько сотенъ двурогихъ камней простой отдѣлки съ надписями, свидѣтельствующими о мѣстѣ погребенія здѣсь караимовъ, но и эти надписи недолговѣчны, потому что сдѣланы на мягкомъ известнякѣ, легко уступающемъ влиянію воздуха. На Чуфуть-Кале караимы сдѣлали гораздо больше. Во-первыхъ они построили синагоги и дома, поддержали на много столѣтій остатки древнихъ башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ и сохранили кладбища въ такомъ порядкѣ, что они свидѣлствуютъ о ихъ самообразованіи при татарскомъ господствѣ, при безпрестанномъ столкновеніи съ генуэзцами и различными другими торговыми народами, которыя со всѣхъ почти странъ тогдашняго міра стекались въ Кафу (Θеодосія), Старый Крымъ, Керчь. Торговая дѣятельность этихъ городовъ вскорѣ начала заманивать ихъ къ себѣ и, какъ намъ кажется, они впервые рѣшились переселиться туда изъ Мангупа, потому что въ это время Херсонесъ былъ въ упадкѣ и не могъ представлять никакихъ коммерческихъ выгодъ. По мнѣнію нашему, Чуфуть-Кале, возвышенность переполнилась караимами съ того времени, когда въ сосѣдственный Бахчисарай была перенесена столица крымскихъ хановъ и отсюда уже они пачали переходить въ Карасубазаръ и Евпаторію, не перестающіе во все время татарскаго господства быть лучшими въ торговомъ отношеніи. Караимы въ Карасубазарѣ не сдѣлали ничего въ память своего пребыванія въ минувшихъ вѣкахъ, но въ Θеодосіи существуетъ синагога, которая, повидимому, была построена ихъ просвѣтителями-пзраилътянами, впоследствии перешедшая къ нимъ.

*) Воздерживаясь пока отъ фактическихъ замѣчаній и поправокъ, которыхъ требуетъ въ такомъ изобиліи грубо-пристрастная книга Кондараки, страдающая многими историческими грѣхами, мы посвящаемъ ей въ одной изъ послѣдующихъ книгъ „Кар. Жизни“ специальный разборъ. Печатаемъ изъ нея выдержки только потому, что Кондараки является однимъ изъ наиболѣе рьяныхъ защитниковъ теоріи хазарскаго происхожденія караимовъ. *Ред.*

75 лѣтіе Таврическаго и Одесскаго Караимскаго Духовнаго Правленія.

(Историческая справка).

3 марта текущаго года исполнилось 75-лѣтіе со дня учрежденія Таврическаго и Одесскаго Караимскаго Духовнаго Правленія, которе въ настоящее время представляетъ собой центральное духовно-административное учрежденіе всего караимскаго народа. 3 марта 1837 года именнымъ указомъ, даннымъ Сенату, было опубликовано Высочайше утвержденное положеніе о таврическомъ караимскомъ духовенствѣ.

«Живущіе въ предѣлахъ Таврической губ. караимы,—говорилось въ указѣ,—ходатайствуютъ объ устройствѣ состоянія ихъ духовенства и о дарованіи имъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ правъ, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство. Признавъ таковую просьбу уважительной, и въ слѣдствіе того, утвердивъ по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, составленное о семъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и здѣсь прилагаемое положеніе, повѣщаемъ Правительствующему Сенату, къ приведенію онаго въ исполненіе сдѣлать надлежащія распоряженія».

Въ этомъ положеніи, вошедшемъ цѣликомъ въ полное собраніе законовъ, подробно излагаются составъ караимскаго духовенства, права и обязанности его, порядокъ управленія караимскими духовными дѣлами и т. д. Учрежденіемъ духовнаго правленія былъ созданъ постъ духовнаго главы караимовъ, гахама-баши, который считается предсѣдателемъ и главой духовнаго правленія. Первымъ караимскимъ гахамомъ былъ Сима Бобовичъ, и объ его утвержденіи имѣется слѣдующій официальный документъ. Это — сенатскій указъ отъ 4 апрѣля 1839 года.

О кандидатахъ на должность гахама караимскаго духовенства въ Таврической губерніи и въ городѣ Одессѣ.

Правительствующій Сенатъ слушалъ рапортъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, испрашивавшаго разрѣшенія объ утвержденіи евпаторійскаго 1 гильдіи купца Симу Бобовича гахамомъ караимскаго духовенства въ Таврической губерніи и городѣ Одессѣ. Приказали: Согласно представленію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ и на основаніи Высочайше утвержденного 3 Марта 1837 года положенія о Таврическомъ Караимскомъ духовенствѣ § 9, избраннаго кандидатомъ евпаторійскаго 1 гильдіи купца Симу Бобовича утвердить гахамомъ караимскаго духовенства въ Таврической губерніи и городѣ Одессѣ, поручивъ при томъ исправляющему должность Новороссійскаго Бессарабскаго Генералъ-губернатора учинить распоряженіе, дабы на будущее время, по точной силѣ помянутаго Высочайше утвержденного положенія § 8, избираемы были въ сію должность по два кандидата.

Полн. Собр. Законовъ. Собраніе второе, Т. XIV, № 12.206.

Интересно отмѣтить, что все это время въ законодательныхъ актахъ, относящихся къ караимамъ и ихъ духовному правленію, ничего не говорится о трокскихъ караимахъ. Рѣчь идетъ о караимахъ, «обитающихъ въ Таврической губ. и въ Одессѣ». Объ устройствѣ духовной части у трокскихъ караимовъ упоминается впервые только въ 1850 году. 13 ноября этого года послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта, распубликованнаго 11 декабря, слѣдующаго содержания:

О устройствѣ духовной части у караимовъ Западныхъ губерній.

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ духовной части у караимовъ Западныхъ губерній, согласно съ заключеніемъ его, министра, *мнѣніемъ положили*: всѣхъ караимовъ, поселенныхъ въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи причислить къ вѣдомству Таврическаго Караимскаго Духовнаго Правленія, съ распространеніемъ на нихъ въ полной силѣ Высочайше утвержденнаго 3 Марта 1837 года (9991) Положенія о караимскомъ духовенствѣ въ Таврической губерніи.

Резолюція. Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, объ устройствѣ духовной части у Караимовъ Западныхъ губерній, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

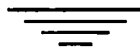
Полное Собрание Законовъ. Собрание второе. Т. XXV. № 24,634.

Въ Сводѣ Законовъ, изданія 1857 года, въ томѣ XI. въ главѣ о духовныхъ дѣлахъ караимовъ еще указывается: «гахамъ есть духовный глава караимовъ, обитающихъ въ Одессѣ и въ губерніяхъ Таврической и Западныхъ. Избраніе послѣдняго совершается всѣми этими обществами». И только въ 1863 году было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, распубликованное 2 мая. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ законоположеній, касающихся караимовъ. Тутъ впервые была введена статья объ учрежденіи второго гахамства — Трокскаго. Соответствующія статьи были редактированы такъ:

«Гхамъ есть высшее духовное лицо караимовъ, живущихъ въ подвѣдомственномъ ему округѣ.

Мѣстопробываніе одного гахама должно быть въ Евпаторіи, а другого—въ Трокахъ (Виленской губ.)».

Этими законоположеніями окончательно было признано паличіе двухъ гахамствъ, каковыя и существуютъ до нашихъ дней.

Брачный актъ караимовъ.

(Перев. съ древне-библейскаго).

Въ (такой-то) недѣли въ (такой-то) день (такого) мѣсяца, (такого-то) года отъ сотворенія міра, по принятому нами, караннами, лѣтоисчисленію, въ городѣ (такомъ-то) въ царствованіе (имя царствующаго Государя) да здравствуетъ Онъ вѣкъ, аминь! (сегодня такой-то) (имя, отчество и фамилія) явился передъ старѣйшинами общества каранмовъ и сказалъ имъ: «будьте моими свидѣтелями и обяжите меня, напишите и подпишите то, что я заявляю Вамъ: «не по насилію, не по ошибкѣ, не по заблужденію и не по принужденію, а чистосердечно, по сознательной рѣшимости, по волѣ и желанію признаю передъ Вами и да свидѣтельствуюсь Вами, что избралъ я и обручилъ такую-то (имя) дочь такого-то (имя), дѣвушку себѣ въ супруги, въ чистотѣ и святости, вѣномъ, записью и супружеской связью, по закону Моисея, человека Божьяго, и святымъ и чистымъ постановленіямъ Израіля, при чемъ обязуюсь ее одѣвать, наряжать, уважать, содержать и питать, буду служить ей во всѣхъ свойственныхъ ей нуждахъ, желаніяхъ по мѣрѣ силъ моихъ и состоянія.

Не буду ее обижать или пренебрегать ею, не буду ей измѣнять и не лишу ее потребностей, одежды, супружеской связи, положенныхъ въ законѣ; обращаться буду съ ней справедливо, снисходительно и милостиво, словомъ—буду для нея тѣмъ, чѣмъ должны быть сыны Израіля, кормящіе, почитающіе, уважающіе и наряжающіе своихъ достойныхъ супруговъ и доставляющіе имъ все должное по мѣрѣ и правдѣ. Условленное же, опредѣленное и обязательное для меня вѣно ея, предписанное закономъ, дамъ ей.

На эти слова такого-то (имя и отчество) присутствующаго здѣсь жениха изъявила согласіе такая-то (имя и отчество) присутствующая здѣсь невѣста и чистосердечно пожелала быть его супругою, под-

ругой и союзницей, покорною, почитающею и уважающею, заниматься въ его домѣ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ всѣ дочери караимовъ занимаются въ домахъ своихъ супруговъ, и находится подъ его наблюдениемъ, сосредоточивая на немъ одномъ всѣ свои влеченія...

Затѣмъ чета условилась чистосердечно хранить Заветъ Синайскій и уставы Хорива, соблюдая святыя праздники Божіи и праздновать ихъ по видимости луны и открытіи весны въ святой землѣ Израиля, если ихъ состояніе имъ эти позволить. Такимъ образомъ союзъ этотъ между такимъ-то (имя и отчество) настоящимъ женихомъ и такою-то (имя и отчество) настоящей невѣстою заключенъ на основаніи изложеннаго и объясненнаго выше. Сила настоящаго договорнаго акта равносильна всѣмъ явнымъ, укрѣпленнымъ, изслѣдованнымъ, употребляющимся у караимовъ актамъ отъ нынѣ и до вѣка. О томъ же, что при насъ происходило и что мы слышали и видѣли,—мы написали, подписали и вручили невѣстѣ, чтобы оно служило въ ея рукахъ доказательствомъ ея правъ передъ всякимъ судилищемъ, откуда должны вытекать правда и истина, правильно и пристойно, состоятельно, ясно и правдиво, и да зиждутся и переуспѣваютъ, аминь!

(Дальше слѣдуетъ подробное перечисленіе приносимаго невѣстою приданнаго, въ числѣ коего уомянуто также и пятякнижіе Моисея. Актъ первыми подписываютъ женихъ и невѣста, затѣмъ слѣдуютъ подписи десяти другихъ лицъ, въ томъ же числѣ и подписи шаферовъ (шошпиня), и послѣдней своей подписью газзанъ закрѣпляетъ этотъ актъ).

Иосафатова долина.

(Караимское кладбище близъ Чуфутъ-Кале).

*Въ мерцаньи зарницы,
Въ сіяніи звѣздъ перекастныхъ,
Блѣхотъ гробницы [ныхъ.
Подъ стѣною кустовъ аромат-*

*Но вотъ улетаетъ
Далеко тревожная память,
Тоска поднимаетъ
На сердце и бурю и замять....*

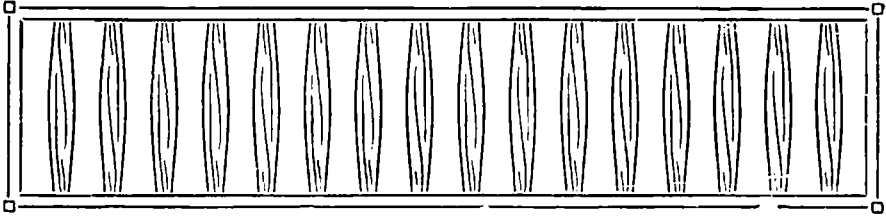
*Лиловой сиреню,
Косами плакучей ракиты
И лунною тѣнью
Одѣты гранитныя плиты.*

*Изъ свѣта зарницы
Выходитъ востокъ предомною...
Палаты столицы
Кипятъ беззаботной толпою....*

*Ни крика, ни шума.... [иудей,
Спятъ крѣпко въ могилахъ
Спитъ сердце и дума [згмъ,
И спятъ, между камнями*

*Я вспомнилъ неволью
Любовь, красоту и искусства....
И страшно мнѣ было
За бѣдныя смертныя чувства!*

Г. Данилевскій.

Изъ читательскихъ откликовъ.

I.

Вынужденное объясненіе.

Напрасно М. И. Синани обвиняетъ меня въ несправедливыхъ нападкахъ, осужденіи Библии и религіи Моисея, и называетъ абсурдомъ мое мнѣніе, что всѣ другіе народы эта религія трактовала элементомъ нечистымъ. Еслибы г. Синани далъ себѣ трудъ немного глубже вдуматься въ статью „Национальное самосознаніе“, онъ, вѣроятно, и самъ понялъ бы, что ни осужденіе, ни нападки совсѣмъ не входили въ мой планъ. Затѣмъ, если бы авторъ „Несправедливыхъ нападокъ“ *) не только помнилъ бы различныя мѣста Библии, но и понималъ бы самый ея духъ, онъ не сталъ бы опровергать меня съ такимъ авторитетнымъ видомъ. Свое положеніе, что религія Моисея трактовала всѣ другіе народы элементомъ нечистымъ, я вывожу изъ слѣдующаго текста (Исходъ, глава 34, стр. 12 и 16): „Смотри, не вступай въ союзъ съ жителями той земли, въ которую войдешь, чтобы они не сдѣлались сътѣю среди васъ“... „и введутъ сыновъ твоихъ въ служеніе въ слѣдъ боговъ своихъ“. Кажется, это мѣсто опредѣленіе говоритъ объ отношеніи къ другимъ народамъ, чѣмъ приведенное г. Синани наставленіе Моисея „пришельца не угнетай“. Въ приведенной мною выдержкѣ и въ запрещеніи, на примѣръ, брать дѣвницъ у другихъ народовъ никакой космополитичности я не вижу и, на чемъ ее основываетъ г. Синани,—не знаю. Не соглашается со мною г. Синани и въ томъ, что Богъ обѣщалъ покорить Израилю весь міръ, и въ доказательство приводитъ изъ Библии границы будущаго Израильскаго царства. Для меня же болѣе широкій смыслъ, чѣмъ опредѣленные границы, имѣетъ слѣдующій текстъ (Бытіе, глава 22, стр. 17 и 18)... „Я благословлю тебя (Авраама) и умножу сѣмя твое, какъ звѣзды небесныя и какъ

*) „Караимская Жизнь“, № 5—6.

песокъ на берегу моря; и овладѣтъ сѣмя твое городами враговъ твоихъ; и благословятся въ сѣмени твоёмъ всѣ народы земли за то, что ты послушался гласа Моего“. Въ этихъ словахъ обѣщаніе осуществлено больше, чѣмъ въ указаніи границъ отъ рѣки египетской до рѣки Евфрата.

М. П. Синани не только превратно понялъ нѣкоторыя мои положенія, но позволяетъ себѣ совсѣмъ уже недопустимый въ полемикѣ пріемъ въ видѣ обвиненія въ томъ, чего я совсѣмъ не говорилъ. Такъ, я говорилъ, что израильскій народъ не оставилъ своему потомству почти никакихъ крупныхъ научныхъ трудовъ или памятниковъ искусства и далѣе, что единственнымъ въ этомъ смыслѣ исключеніемъ можно считать нашихъ древнихъ ученыхъ въ области религіозной догматики. А г. Синани задаетъ вопросъ: „Развѣ можно сказать, что у израильтянъ не было самосознанія, *культуры* и *книгъ*. Такъ у кого же есть? Если нѣтъ, то зачѣмъ же осуждать религію Моисееву?“. Да, я утверждаю, что у израильтянъ не было и не могло быть самосознанія въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ это слово, а на счетъ культуры и книгъ—это уже собственная фантазія г. Синани.

Всѣ возраженія г. Синани на счетъ сношеній израильтянъ съ другими народами обоснованы не общими положеніями изъ Библии, а только исключительными фактами, которые иногда прямо противорѣчатъ этимъ положеніямъ. Я не буду касаться этихъ возраженій и перейду къ заключительному отвѣту на главный пунктъ статьи г. Синани—о религіи. Безснорно, красиво поэтическое опредѣленіе безсмертнаго Гейне, но въ наше время и самъ Гейне его не написалъ бы. Съ другой стороны, житейскія тревоженія такъ сильно захватываютъ все наше существо, что рецепты мудраго Лессинга уже не въ состояніи ни успокаивать, ни очищать наше сердце,—для этого современные философы указываютъ совсѣмъ другія средства. Да я думаю, и г. Синани не рѣшился бы выступить съ такою опредѣленностью по вопросу о догматикѣ, если бы хоть немного былъ знакомъ съ литературою не однихъ только ея апологетовъ. Полемику же на этой почвѣ считаю неумѣстной и излишней...

Николаевъ.

Д. Кокизовъ.

II.

А г а в а т ь .

Традиція старыхъ временъ, переходящая изъ поколѣнія въ поколѣніе, „агавать“ потерялъ теперь всю свою прелесть. И еще десять — пятнадцать лѣтъ тому назадъ никакими усиленіями и даже хитростью не

удавалось заставить дѣтей лечь спать раньше, чѣмъ пріѣзжалъ „агавать“. И это вполне понятно, ибо участвовавшіе въ „агаватѣ“, обладая хорошими голосами, имѣя съ собой различные музыкальные инструменты и часто будучи замаскированными, приносили съ собой заражающее всѣхъ веселье. Музыкѣ, пѣснямъ, пляскѣ, хохоту не было конца, — и веселье это переносилось ими изъ дома въ домъ, отъ богачей къ бѣднякамъ...

Теперь, когда „агавать“ посѣщаетъ лишь богачей, когда „агавать“ приходитъ лишь для формальнаго исполненія приема пожертвованной суммы для той или иной цѣли тѣмъ или инымъ лицамъ, понятно, что многіе стали тяготиться имъ, — и во многихъ мѣстахъ онъ совершенно уничтоженъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ замѣненъ устраиваемыми въ день Пурима развлечениями. Не пора-ли вездѣ уничтожить этотъ обычай старины, замѣнивъ его болѣе цѣлесообразными приемами пожертвованій для бѣдныхъ и повышеніемъ окладовъ газзанамъ и шамашамъ тамъ, гдѣ въ этомъ повышеніи чувствуется естественная потребность.

Къ тому же многіе изъ газзановъ, сами отлично видя, во что теперь превратился „агавать“, съ каждымъ годомъ все неохотѣе устраиваютъ его. Если же вдобавокъ къ этому присоединить и тѣ неумѣстныя замѣчанія, которыя приходится выслушивать ни въ чемъ неповиннымъ участникамъ „агавата“, намъ станетъ понятнымъ, что наступило время, когда его нужно совершенно упразднить. Сознавая отлично, что „агавать“ — даже чудомъ — не можетъ быть въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ, многіе выражаютъ свой протестъ по поводу поздняго къ нимъ прихода; а находятся и такіе, которые открыто спрашиваютъ у прішедшихъ, долго-ли еще будетъ собираться это „чедака“?

А краснѣть и оправдываться приходится, очутившись въ неловкомъ положеніи въ виду холоднаго приема, ни въ чемъ неповиннымъ участникамъ „агавата“, въ большинствѣ случаевъ — дѣтямъ и молодежи. Не станемъ же отравлять этотъ праздникъ веселья — Пуримъ бывшимъ и будущимъ участникамъ „агавата“. Бросимъ „агавать“ въ корзину прошлаго и предадимъ его забвенію!.. Такъ будетъ лучше!..

Одесса.

Т. Д.

III.

Отвѣтъ дѣвушки.

Почему авторъ статьи „На больную тему“ умалчиваетъ о дѣвушкахъ, также получившихъ образованіе? Развѣ мало среди караимовъ мужчинъ, которые ищутъ не только образованную, но и надѣленную

такими добродѣтелями, какъ французскій языкъ и игра па роляхъ, невѣсть. Ясно, что здѣсь вовсе не преслѣдуется цѣль—имѣть жену интеллигентнаго, культурнаго человѣка, а только необходимую, съ точки зрѣнія современныхъ требованій, бутафорскую и модную принадлежность богатаго дома. И въ этомъ случаѣ, женщина-караимка опять-таки является жертвой. Если образованный караимъ изъ бѣдной среды женится даже не на подходящей дѣвушкѣ, онъ беретъ деньги. А чѣмъ вознаграждается бѣдная караимская дѣвушка, получившая образованіе, но вынужденная, въ концѣ-концовъ, выйти замужъ за приказчика. И въ этомъ случаѣ ее даромъ не возьмутъ. А потребуютъ приданаго. (Помилуйте, вѣдь надо же открыть лавочку!) Значитъ дѣвушка даетъ деньги, приносить въ жертву всю себя, но счастье рѣдко получаетъ.

Спросимъ г. Яныкъ-Джана, почему же она, образованная дѣвушка выходитъ замужъ за приказчика. А потому, — отвѣтимъ мы,—что не всякая караимская дѣвушка, передъ которой стоитъ угроза остаться въ разрядѣ старыхъ дѣвъ, согласна перемѣнить религію, быть отступницей, или вступить въ гражданскій бракъ. А въ одиночествѣ жить способенъ не всякій. И какъ тяжело, какъ безумно мучительно бываетъ это одиночество!.. А богатый или образованный караимъ ищетъ прежде всего деньги, и на бѣдной дѣвушкѣ никто изъ нихъ не женится. Вѣдь у насъ, у караимовъ, бѣдность въ буквальномъ смыслѣ считается преступленіемъ и порокомъ.

И бы посовѣтовала бы нашимъ образованнымъ мужчинамъ внимательнѣй относиться къ нашимъ интеллигентнымъ дѣвушкамъ. Каждая изъ послѣднихъ согласится охотнѣе выйти замужъ за бѣднаго, но культурнаго и образованнаго караима, чѣмъ за богатаго невѣжду. Нужно только побольше вниманія къ нашей дѣвушкѣ. Нигдѣ, кажется, нѣтъ такого отчужденія, какъ у насъ. Возможно, что это объясняется тѣмъ, что караимскія дѣвушки отличаются строгостью своихъ нравовъ и, конечно, не могутъ составить объектъ для игривыхъ отношеній и легкомысленнаго кокетства.

Вотъ почему наши холостяки ищутъ для своихъ развлеченій „подальше закоулокъ“. Здѣсь они растрачиваютъ свои силы и когда остаются съ карманами и душами, опустошенными разными „папильетками“, они вспоминаютъ о караимской дѣвушкѣ и затѣваютъ женитьбу. Обращаются въ такихъ случаяхъ, по большей части, къ существующимъ еще свахамъ, у которыхъ всегда большой выборъ невѣсть съ приданнымъ. Какой же разговоръ можетъ быть въ этомъ случаѣ о характерѣ и умств. кругозорѣ одной или другой стороны.

Эст. Н.

Симферополь.

Караимы въ искусствѣ.

Анна Эль-Туръ.

(А. С. Исаковичъ).

Анна Эль-Туръ.

За послѣднее время за границей и въ Россіи стала приобретать извѣстность, пользуясь большимъ художественнымъ усилѣхомъ, молодая талантливая пѣвица Анна Эль-Туръ (А. С. Исаковичъ), караимка по происхожденію. Анна (Самойловна Исаковичъ (псевдонимъ — Эль-Туръ) принадлежитъ къ очень популярной въ Одессѣ караимской семьѣ. Ея трагически погибшій въ прошломъ году отецъ (Самойло Исаковичъ, гласный и видный общественный дѣятель, и мать Рахиль Семеновна пользовались всегда общимъ уваженіемъ и извѣстностью не только среди членовъ караимской общины, но и въ широкихъ кругахъ одесскаго общества.

Вполнѣ понятно, что обстановка этой высокоинтеллигентной семьи, жившей интересами общественности, литературы и искусства, и музыкальная жизнь Одессы съ раннихъ лѣтъ пробудили въ Аннѣ Самойловнѣ любовь къ музыкѣ и художественные вкусы. Наравнѣ съ солиднымъ общимъ образованіемъ, она съ дѣтства обучалась игрѣ на роялѣ. 17-ти лѣтъ, по окончаніи гимназій, Анна Эль-Туръ поступила въ петербургскую консерваторію въ классъ проф. Есиповой. Многосторонне-музыкальная натура Анны Эль-Туръ не удовлетворялась однимъ роялемъ—вскорѣ она отдалась своему глубокому влеченію къ пѣнію и здѣсь нашла свое истинное призваніе.

Подъ руководствомъ опытной и талантливой преподавательницы Э. П. фонъ-Гаке природныя голосовыя данныя г-жи Эль-Туръ стали быстро и успѣшно развиваться. По истеченіи 4-хъ лѣтъ Анна Эль-Туръ одновременно сдѣла при консерваторіи экзамены по двумъ специальностямъ, роялю и пѣнію, и въ обоихъ случаяхъ была удостоена званія „свободнаго художника“. Экзамень по пѣнію превратился въ сплошной триумфъ и сразу обратилъ вниманіе цѣлаго ряда выдающихся музыкантовъ Петербурга на крупное дарованіе начинающей пѣвицы. Директоръ петербургской консерваторіи А. К. Глазуновъ, выказавшій по отношенію къ г-жѣ Эль-Туръ особенно теплый интересъ, посоветовалъ молодой пѣвицѣ поѣхать для дальнѣйшаго музыкальнаго образованія за границу и снабдилъ ее прекрасными рекомендаціями. Анна Эль-Туръ направилась въ центръ музыкальной жизни Европы—Лейпцигъ, гдѣ занялась изученіемъ нѣмецкой пѣсни.

Весной 1908 г. г-жа Эль-Туръ была приглашена на концертный сезонъ въ Лондонъ и въ первое-же выступленіе заинтересовала своимъ пѣніемъ проф. Артура Никиша, привлекшаго ее затѣмъ къ участию въ Симфоническомъ концертѣ, даннымъ этимъ извѣстнымъ дирижеромъ въ маѣ того же года въ Queen's Hall'ѣ, въ Лондонѣ. Этотъ концертъ вызвалъ большой интересъ въ музыкальномъ мірѣ столицы Англій. Гвоздемъ концерта были отрывки изъ новой оперы англійскаго композитора г-жи Ethel Smyth—„The Wreckers“. Исполненіемъ роли Avis Анна Эль-Туръ сразу завоевала симпатіи англійской публики и удостоилась самыхъ лестныхъ похвалъ со стороны проф. Никиша, предсказавшаго ей блестящую артистическую будущность. Результатомъ этого концерта было предложеніе извѣстнаго импресарио Карла Юнкермана подписать съ нимъ контрактъ на рядъ концертовъ по Англій. Осенью 1908-го года г-жа Эль-Туръ, вмѣстѣ съ знаменитымъ скрипачемъ Иномъ Кубелікомъ совершила турнѣ по Англій, посетивъ 14 городовъ. Съ каждымъ концертомъ успѣхъ ея все возрасталъ, о чемъ свидѣтельствуютъ восторженныя рецензіи англійскихъ газетъ. Приятно отмѣтить, что это турнѣ явилось триумфомъ русской пѣсни въ Англій, такъ какъ г-жа Эль-Туръ поставила себѣ цѣлью познакомить англичанъ съ лучшими произведеніями такихъ мастеровъ русской музыки, какъ Глинка, Даргомыжскій, Чайковскій, Римскій-Корсаковъ, Рахманиновъ и др.

Турнѣ по Англій закончилось въ декабрѣ 1908 г., а уже въ апрѣлѣ 1909 г. Анна Эль-Туръ, приглашенная А. П. Зилоти, по рекомендаціи проф. Артура Никиша, выступаетъ въ учредительномъ концертѣ „Общества Друзей Музыки“ въ Петербургѣ.

Впечатленіе, произведенное г-жей Эль-Туръ на слушателей, осо-

бенно ярко выразилась въ словахъ присутствовавшаго въ концертѣ Цезаря Кюи, сказавшаго молодой пѣвицѣ: „Поздравляю Васъ. Я увѣренъ въ Вашихъ выдающихся дальнѣйшихъ успѣхахъ—у Васъ для этого есть все: голосъ, прекрасная школа, рѣдкая музыкальность, захватывающій темпераментъ и, наконецъ, выдающійся декламационный талантъ“.

Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года А. Эль-Туръ совершила поѣздку по крымскимъ городамъ и приняла участие въ караймскомъ студенческомъ вечерѣ въ Москвѣ. Возможно, что въ будущемъ сезонѣ А. С. выступитъ въ Москвѣ въ одномъ изъ камерныхъ музыкальныхъ собраній.

Передъ нами груда вырѣзокъ изъ иностранныхъ и русскихъ газетъ съ отзывами о молодой пѣвицѣ. Всѣ отзывы единодушно сходятся на признаніи А. Эль-Туръ оригинальной артистической музыкальной индивидуальностью. Всѣ отмѣчаютъ налицо въ ней большое художественнаго темперамента, тонкаго вкуса, широкаго музыкальнаго образованія, ясной фразировки и образцовой школы. Поетъ А. С. на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ.

И. Э. Дуванъ-Торцовъ.

И. Э. Дуванъ-Торцовъ.

Съ особой радостью спѣшимъ мы отмѣтить фактъ приглашенія въ труппу Художественнаго театра, который заслуженно считается въ настоящее время академіей русскаго актерства, артиста - карайма Исаака Эзровича Дувана-Торцова (Торцовъ — театральная фамилія), успѣвшаго за послѣдніе годы выдвинуться въ первые ряды русскои сцены. Переходъ на сцену Художественнаго театра даетъ уважаемому И. Э. возможность еще шире развернуть подъ сѣнью лучшей сценической академіи свои художественныя дарованія.

И. Э. Дуванъ—сынъ покойнаго популярнаго въ Крыму общественнаго дѣятеля и филантропа Э. И. Дувана—родился въ 1873 году въ городѣ Евпаторіи. Первоначальное свое образованіе получилъ въ мѣстной

прогимназиі и затѣмъ въ симферопольской гимназиі. Въ 1896 году П. Э. окончилъ юридическій факультетъ кievскаго университета, а спустя три года выдержалъ экзаменъ на старшаго кандидата при кievской судебной палатѣ. Въ 1901 году онъ былъ зачисленъ прис. повѣреннымъ кiev. судебного округа. Но адвокатская карьера не манила П. Э., у котораго были всѣ данныя добиться именн блестящаго юриста, ужъ съ ранней молодости всѣ его вкусы и симпатіи склонялись совсѣмъ въ другую сторону. Его манила сцена...

Увлечение театромъ у П. Э. началось со школьной скамьи. Будучи студентомъ, онъ уже принималъ дѣятельное участіе въ спектакляхъ кievскаго драматическаго общества и въ теченіе двухъ сезоновъ игралъ на сценѣ кievскаго желѣзнодорожнаго театра. Въ 1901 году онъ былъ приглашенъ въ драматическую труппу обратившаго на него вниманіе извѣстнаго антрепренера Н. Н. Соловцова, у котораго онъ прослужилъ два сезона въ Одессѣ и Кіевѣ. Затѣмъ П. Э. переходитъ въ 1903 году на службу въ театръ кievскаго общества грамотности въ антрепризу М. М. Бородая.

Съ 1904 года П. Э. выступаетъ на путь самостоятельнаго антрепренерства, снявъ городской театръ въ Вильно и ставя одновременно спектакли въ влпенскомъ народномъ театрѣ. Съ 1905 года онъ переноситъ свою дѣятельность въ Кіевъ, гдѣ состоитъ антрепренеромъ въ театрѣ кievскаго общества грамотности, а съ 1906 года одновременно съ этимъ театромъ держитъ и театръ „Соловцовъ“. Спустя 5 лѣтъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, П. Э. вынужденъ былъ отказаться отъ антрепренерской дѣятельности, сдать театръ М. Ф. Богрову и оставаясь у него на службѣ въ качествѣ актера.

П. Э. не чуждъ былъ и сценическо-педагогической дѣятельности, состоя преподавателемъ въ драматической школѣ кievскаго общества искусства и литературы. Ампуа нашего талантливаго артиста—комикъ-резонеръ. Лучшія и любимыя его роли: городничій („Ревизоръ“), Фамусовъ („Горе отъ ума“), Подколесникъ („Женитьба“), Расплюевъ („Свадьба Кречинскаго“), большинство героевъ Островскаго и др. Какъ артистъ, П. Э. придерживается лучшихъ традицій русскаго классическаго театра и отличается въ своей игрѣ большимъ благородствомъ тона, несмотря на комическій и бытовой характеръ своего репертуара.

Горячо отъ всей души привѣтствуемъ нашего дорогаго талантливаго артиста на его новомъ пути и выражаемъ искреннее пожеланіе художественныхъ успѣховъ на почетныхъ подмосткахъ „Дома Чехова“.

ХРОНИКА ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

Похороны И. И. Казаса.

Выносъ тѣла.

17 января состоялись похороны И. И. Казаса. Съ ранняго утра къ квартирѣ усопшаго стала стекаться толпа. Выносъ тѣла былъ отложенъ до 12 часовъ. Многіе уходили и по-

наго, за ними гимназисты несли вѣнки отъ учреждений, караимскихъ общинъ и отдѣльныхъ лицъ.

Далѣе слѣдовала колесница вся увѣшанная вѣнками, а за ней траурный катафалкъ. Всѣ тротуары

Похороны И. И. Казаса.

Выносъ тѣла изъ квартиры покойнаго.

томъ возвращались обратно. Около 12 час. похоронная процессія выстроилась въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди—бывшіе ученики Александровскаго караимскаго училища несли на подушкахъ орденъ покой-

были заружены пришедшими проводить дорогіе останки Шлы Ильича.

Въ 12 часовъ друзья покойнаго, родственники и мѣстные общественные дѣятели вынесли изъ квартиры гробъ, но отказались поставить его

на катафалкъ, а понесли далѣе на рукахъ. Многие изъ провожавшихъ, часто мѣняясь, на рукахъ несли гробъ по всей Лазаревской улицѣ. Потомъ его поставили на катафалкъ

Первымъ выступилъ съ рѣчью се-вастопольскій газзанъ г. Леви.

Рѣчь Т. Леви.

Возлюбленные дорогіе братья!
Не успѣли мы очнуться отъ удара.

Похороны И. И. Казаса.

Вверху—ордена покойнаго и вѣнки; внизу—похоронная процессія съ духовенствомъ впереди.

и процессія по Раздѣльной улицѣ направилась къ кенаса. Здѣсь гробъ былъ снесенъ и поставленъ на возвышеніи.

обрушившагося на насъ недѣли двѣ тому назадъ, какъ на насъ падаетъ новый тяжкій ударъ молота судьбы. Еще не исчезли слѣды нашихъ ногъ, оставленные нами на землѣ, во время про-

вода останковъ нашего высокочтимого гахама къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, еще не высохли потоки пролитыхъ нами тогда слезъ, какъ не стало Ильи Ильича, не стало нашей гордости, не стало нашей красоты, и новые потоки слезъ сливаются со старыми потоками, превращая ихъ въ обильные ручьи.

Излюбленнымъ мѣстомъ для побѣдоноснаго шествія триумфальной колесницы смерти является, вотъ уже второй разъ, станъ нашего народа. Но, утѣшитесь, братья! Смерть такого побѣдоноснаго шествія болѣе не совершитъ среди насъ. А какое это горькое и обидное, до слезъ обидное утѣшеніе! Смерть не потому не совершитъ болѣе такого побѣдоноснаго шествія, что она прониклась жалостью къ намъ. Нѣтъ! Она потому не совершитъ его, потому что, къ великому нашему горю, болѣе не сможетъ найти подобныхъ цѣнныхъ жертвъ среди нашего народа.

Ильѣ Ильичу чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ должно было исполниться 80 лѣтъ. Такой возрастъ, по библейскому выраженію, считается богатырскимъ возрастомъ. Но И. И. былъ богатыремъ не только по возрасту, но богатыремъ и по духу. Онъ первый среди нашего народа пробился на новый путь, озаренный свѣтомъ знанія и науки. И его мощная фигура, взшедшая на вершину просвѣщенія, была тѣмъ духомъ, который словно молнія, засверкала въ станъ своихъ братьевъ и, показавъ намъ ту темноту и тотъ мракъ, среди которыхъ мы находимся, объявилъ намъ могучій призывъ и мощной рукой занесъ насъ на высоты европейской культуры. Знаменитый персидскій поэтъ Саади говоритъ: „Наука есть вѣнецъ, украшай имъ голову и затѣмъ смѣло иди по дорогѣ жизни“. На головѣ Ильи Ильича красовались не одинъ, а цѣлые два вѣнца: вѣнецъ духовной науки и вѣнецъ свѣтской науки. 12-ти лѣтъ онъ окончилъ курсъ духовныхъ караймскихъ наукъ у приснопамятнаго учителя нашего Абекъ Яшара. По его могучему духу тѣсно показалось въ сферѣ исключительно духовныхъ наукъ, негдѣ было развернуться его богатырской мончи, негдѣ было расправляться его объемистымъ крыльямъ, и онъ илетъ на-проломъ, и входитъ въ обширный садъ европейской науки, и открываетъ собою, какъ мы уже сказали, зарю культурной жизни для нашего народа, и въ настоящее время караймы могутъ гордиться тѣмъ, что въ смыслѣ культуры, пропорціонально своей численности они занимаютъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ на всемъ земномъ шарѣ.

Душа И. И. была чиста, какъ кристаллъ. Дивная прелесть этой души выступала во всѣхъ его мысляхъ и дѣлахъ. Но она особенно рельефно проявилась въ его бессмертныхъ твореніяхъ. Одни изъ этихъ твореній даютъ намъ критеріумъ для опредѣленія хорошаго и плохаго, и приглашаютъ насъ къ первому, какъ къ пути, ведущему къ спасенію, къ небесамъ, указывая намъ въ то же время на второе, какъ на путь, ведущій къ пучинѣ грязи, къ гибели. Другія его сочиненія разрѣшаютъ мировыя проблемы, третьи его сочиненія усаждаютъ наше сердце и возвышаютъ наши чувства на сладкой и мягкой лирѣ поэзіи. Словомъ И. И. былъ учителемъ не только въ узкомъ смыслѣ, но въ самомъ обширномъ и благородномъ смыслѣ этого слова, и его аудиторія былъ не только одинъ караймскій народъ.

Дорогой и славный учитель! Мы думали въ скоромъ времени пышно устроить 80-ти лѣтній юбилей твоей плодотворной жизни и принести тебѣ дань нашей благодарности за все то хорошее, что было сдѣлано тобою для насъ и я уже собирался поднять объ атомъ вопросъ среди нашего севастопольскаго общества. Теперь же ему пришлось возложить на меня и моихъ товарищей печальную миссію оказанія тебѣ этого послѣдняго долга нашего уваженія къ тебѣ и, вмѣсто юбилея, мы печальной процессіей проведемъ тебя къ мѣсту вѣчнаго покоя. Какъ поднимется у насъ рука, какъ зароемъ мы тебя въ землю, въ нѣдра холодной и мрачной могилы, тебѣ, который открылъ намъ свѣтлые горизонты просвѣщенія. Господа, кто среди насъ удостоился поднять тотъ лучезарный плащъ, который упалъ съ твоихъ могучихъ плечъ, когда ты вознесся на небо. Увы,—нѣтъ такого.

Ты на попріищъ просвѣщенія и науки подвизался всю твою жизнь до послѣдняго дыханія, пока горѣлъ факелъ жизни твоей. Факелъ догорѣлъ, но свѣтъ, оставленный тобою еще долго, долго будетъ отражаться въ жизни караймскаго народа, который ты любилъ всѣми фибрами твоей великой души. Честь и слава!

Плачъ окружающихъ покрывъ рѣчь г. Леви.

Рѣчь С. Э. Дувана.

Затѣмъ выступилъ С. Э. Дуванъ. „Дорогой Ильѣ Ильичъ!—началъ С. Э.,—нѣтъ словъ, которыя могли бы выразить всю горечь утраты;

нѣтъ—да и не нужны они для тебя, которому всю жизнь казались необходимыми выраженія малѣйшаго вниманія къ тебѣ.“

Далѣе С. Э. отмѣтилъ простоту, нѣжность души и прекрасный нравственный обликъ покойнаго. „У тебя не было враговъ, а были только друзья. Прощай, прости, дорогой Илья Ильичъ“, — закончилъ г. Дуванъ.

На кладбищѣ.

Послѣ рѣчей гробъ вынесли изъ кенаса и процессія двинулась къ кладбищу. Несмотря на длинный и неудобный путь, громадная толпа

проводила гробъ до самой могилы. Публика сама поддерживала порялокъ.

У могилы всѣ стали тѣснымъ кольцомъ.

Здѣсь большую, прочувствованную рѣчь произнесъ ученикъ И. И.—газзанъ А. П. Катыкъ. (См. выше, 19 стр.).

Закончилъ рѣчь А. Катыкъ сквозь слезы. Ему отвѣтили громкія рыданія всей толпы, окружавшей могилу.

Около 3 часовъ гробъ былъ опущенъ въ могилу.

Медленно стали расходиться съ кладбища.

Телеграммы.

Супругой и семьей покойнаго И. И. Казаса получено было свыше 100 телеграммъ съ выраженіемъ скорби и соболѣзнованія.

Телеграмма редакціи „Караимской Жизни“.

«Скорбимъ о незабвенномъ учителѣ родного народа. Его свѣтлая жизнь труда и мысли—благородный завѣтъ намъ оставшимся. Какой свѣтильникъ разума угасъ, какое сердце биться перестало!»

Изъ Бахчисарая.

Ваша скорбь по случаю потери Вашего дорогого отца, а нашего незабвеннаго наставника Ильи Ильича Казаса, настолько глубока, что мы не находимъ словъ Васъ утѣшить своимъ соболѣзваніемъ.

Бахчисарайское караимское общество.

Съ величайшей горестью узнали мусульмане Бахчисарая о кончинѣ своего благороднаго учителя И. И.-ча. Сотни моихъ единовѣрцевъ, благославляя дорогое имя своего незабвеннаго наставника, поручили мнѣ выразить Вашей семьѣ нашу глубокую скорбь въ постигшемъ ее несчастіи. Да будетъ мать сыра земля

легкимъ пухомъ маститому старцу, съявшему въ дѣтствующій періодъ своей жизни сѣмена добра и знанія на нивѣ мусульманства.

Бахчисарайскій городской мюлюва Крымтаевъ.

Изъ Бердянска.

Кончина глубокоуважаемаго нашего маститаго ученаго и общественнаго дѣятеля Ильи Ильича Казаса насъ глубоко опечалила. Послѣдовательными, незамѣнными потерями мы осиротѣли. Господь Милосердный да будетъ намъ опорой! Выражаемъ семьѣ почившаго и обществу наши искреннія соболѣзнованія.

Бердянское караимское общество.

Изъ Бѣльць.

Глубоко скорбя послѣ дошедшей вѣсти о смерти Ильи Ильича, шлемъ соболезнованія объ утратѣ дорогаго Вамъ отца.
Косенковы.

Изъ Богородска.

Горько скорблю съ дорогими родными о кончинѣ дорогаго, горячо любимаго дяди. Святыней будетъ для насъ память о немъ и никогда не умретъ она въ сердцахъ тѣхъ, кто зналъ его.
С. Казась.

Изъ Екатеринослава.

Вѣсть о смерти красы и гордости караимской націи Ильи Ильича Казаса, повергла въ глубокую скорбь Екатеринбургскую караимскую общину, которая мыслью и сердцемъ раздѣляетъ Ваше горе.
Екатеринославская караимская община.

Изъ Карасубазара.

Оплакиваю смерть глубокоуважаемаго Ильи Ильича, раздѣляю Ваше горе, примите мое соболезнованіе.
Бераха Бобовичъ.

Изъ Кременчуга.

Кременчугская караимская учащаяся молодежь шлетъ свое искреннее соболезнованіе по поводу утраты дорогаго Ильи Ильича, затратившаго въ своей жизни много энергіи и силъ на дѣло просвѣщенія караимскаго юношества. Да будетъ благословенно имя его!...
Караимы-учащіеся.

Изъ Кіева.

Великое спасибо выдающемуся, единственному національному дѣятелю, незабвенному Ильѣ Ильичу, положившему лучшія силы ума и сердца служенію народу! Вѣчная память достойнѣйшему сыну своей націи!
Кіевское караимское общество.

Присоединяясь къ общенациональной скорби по поводу незамѣнимой утери Вашей, выражаемъ Вамъ свои неутѣнныя соболезнованія и земно кланяемся праху достойнѣйшаго сына націи.
Караимское благотворительное общество.

Искренно огорченъ смертью глубокоуважаемаго Ильи Ильича, шлю всѣмъ членамъ семьи горячія чувства соболезнованія.
Шакай.

Вѣсть о смерти незамѣнимаго ученаго труженика, гордости караимскаго народа и учителя, дорогаго Ильи Ильича, глубоко поразила меня. Пропшу передать искреннее соболезнованіе семьѣ покойнаго и глубокоуважаемому обществу.
Газанъ Султанскій.

Выѣсть съ Вами и всей націей неутѣшно оплакиваемъ дорогаго Илью Ильича.
Гришканъ.

Невыразимою грустью и болью въ душѣ отзынается смерть свѣтлаго, безконечно дорогаго Ильи Ильича. Не хочется вѣрить, что перестало биться благородное, нѣжное, кристально-чуткое сердце лучшаго сына, лучшаго друга и учителя, лучшей гордости и красы своего народа. Невыразимо грустно и больно. Да будетъ земля ему пухомъ. Свѣтлая память о немъ никогда не изгладится изъ души нашихъ.
Исаакъ и Вѣра Дуванъ.

Изъ Москвы.

орясенное скорбнымъ извѣстіемъ о смерти Ильи Ильича, московское караимское общество, отслуживъ панихиду, присоединяется къ горю его семьи и всего караимскаго народа.
Московское караимское общество.

Глубоко опечаленъ кончиной просвѣщеннѣйшаго и гуманнѣйшаго Ильи Ильича, служившаго украшеніемъ и гордостью нашей народности. Въ лицѣ его понесла крупную незамѣнимую потерю не только семья, но и все караимское общество, которое долго будетъ оплакивать его кончину. Пропшу принять выраженіе искреннѣйшей скорби и соболезнованія въ постигшей Васъ потерѣ дорогаго человѣка. Да будетъ ему земля легка!
Абрамъ Катыхъ

Глубоко скорблю о смерти дорогаго, сердечнаго, любящаго Ильи Ильича. Примите мое соболезнованіе въ постигшемъ Васъ горѣ. Пусть свѣтлая память о немъ будетъ утѣшеніемъ въ Вашей жизни.
И. искачи.

Глубоко опечалены вѣстью о смерти Ильи Ильича, выражаемъ наше сердечное сочувствіе въ постигшемъ Васъ горѣ. Да поможетъ Вамъ Богъ перенести Вашу утрату.
Семья Сарачъ.

Изъ Мелитополя.

Передайте Евпаторійской общинѣ и близкимъ усопшаго Ильи Ильича Казаса скорбь и сожалѣніе Мелитопольской караимской общины по случаю незамѣнимой утраты дорогого и всеми уважаемаго старца и учителя.

Газзанъ Кефели, габай Стамболы.

Изъ Николаева.

Николаевское караимское о-во съ болью узнало о кончинѣ великаго ученаго Ильи Ильича, много потрудившагося надъ дѣломъ воспитанія караимскаго юношества и указавшаго неизблѣмыя основы усвоенія родного древне-библейскаго языка. Молимъ Бога, да приметъ Онъ новопреставшаго мудраго мужа въ лоно Авраама и да поможетъ Вамъ перенести постигнушую Васъ и все караимское общество горестную утрату.

Представитель общаго собранія
Илья Бабаджанъ.

Глубоко скорблю о кончинѣ бывшаго преподавателя и инспектора Александровскаго караимскаго духовнаго училища, глубокоуважаемаго родителя Вашего, Ильи Ильича.

Газзанъ Ирталъчъ.

Изъ Одессы.

Одесское общество караимовъ для распространенія просвѣщенія и взаимнаго вспоможенія, глубоко удрученное смертью дорогого Ильи Ильича, выражаетъ Вамъ и дѣтямъ Вашимъ чувство глубокаго соболѣзнованія и оплакиваетъ вмѣстѣ съ Вами смерть своего почтеннаго члена, незамѣнимаго педагога и великаго ревнителя библейскаго языка.

Елизеръ Исакевичъ.

Одесское караимское общество, удрученное кончиной глубокоуважаемаго Ильи Ильича, проситъ принять Васъ свое соболѣзнованіе.

Предсѣдатель выборный—Казасъ.

Выражаю свое искреннее соболѣзнованіе по поводу смерти нашего великаго учителя. Да дастъ Богъ намъ силу перенести нашу незамѣнимую утрату. Сожалѣю, что лишень возможности отдать покойному послѣдній долгъ.

Газзанъ Юсифъ Кефели.

Тяжелы удары судьбы, постигшіе нашу семью, вслѣдъ за дорогимъ папой не стало незабвеннаго, высокочтимаго Ильи Ильича. Немалое чернаемъ утѣшеніе въ томъ, что вмѣстѣ съ нами вся нація, какъ одна семья, оплакиваетъ дорогихъ нашихъ родителей и что ихъ славныя имена будутъ долго жить не только среди насъ однихъ, но и въ сердцѣ каждаго караима.

Абрамъ Пантуловъ.

Глубоко опечалены смертью славнаго богатыря мысли, неутомимаго и безкорыстнаго ученаго и патриота Ильи Ильича, облегчавшаго своими классическими учебниками родного языка многимъ поколѣніемъ караимовъ усвоеніе вѣчныхъ истинъ священнои торы. Плачь всего народа, Ваше безкорыстное и полезное врачеваніе того же народа да будетъ неизсякаемымъ источникомъ Вашего утѣшенія въ тяжкой утратѣ. Миръ праху погасшей путеводной звѣзды.

Изра, Ефимъ Джигитъ.

Тяжелая утрата, понесенная Вами, вызываетъ горестныя чувства всехъ караимовъ, какъ національная потеря. Душевно сочувствую Вамъ.

Докторъ Исакевичъ.

Какъ громомъ пораженъ постигшимъ насъ національнымъ горемъ, потерей незамѣнимаго ученаго и дорогого друга Ильи Ильича. Утѣшать не берусь, а только присоединяю свои слезы къ Вашимъ. Да утѣшитъ Богъ Васъ и Вашихъ дорогихъ дѣтей.

Моисей Сарачъ.

Душевно скорблю о смерти незабвеннаго Ильи Ильича. Да будетъ ему земля пухомъ.

Моисей Винитокъ.

Выражая наше глубокое соболѣзнованіе, вмѣстѣ съ Вами и всеми караимами оплакиваемъ смерть Ильи Ильича, нашу гордость.

Прасковья и Маркъ Хаджи.

Глубоко потрясенный извѣстіемъ о кончинѣ дорогого учителя, прошу семью покойнаго приобщить меня къ своему горю.

Студентъ Крулевичъ.

Съ глубокой скорбью узналъ о кончинѣ незабвеннаго Ильи Ильича. Примите мое искреннее соболѣзнованіе въ понесенной Вами тяжелой утратѣ.

Юфуда Гелеловичъ.

Глубоко потрясенъ и отъ всей души соболѣзную Вашему горю. Молю Бога утѣшить Васъ въ невозвратимой утратѣ
Гельтъ Гелетовичъ.

Удручены и опечалены постигшимъ Васъ горемъ, просимъ Васъ и дѣтей Вашихъ принять наше глубокое соболѣзнованіе.

Семень Ароновичъ Кальфа и братья.

Изъ Петербурга.

Просимъ Васъ и членовъ семьи принять наше душевное соболѣзнованіе понесенной Вами тяжелой утратѣ.

Султанъ Крымъ Гирей.

Искренне соболѣзную горю Вашей семьи. Сердечно сокрушаюсь, что больше не увижу нашего добраго, милаго Илью Ильича на этомъ свѣтѣ.

Профессоръ Смирновъ.

Студенты-караимы Евпаторійскаго землячества при петербургскомъ университетѣ выражаютъ свое глубокое соболѣзнованіе по поводу кончины незабвеннаго вождя караимской интеллигенціи, впервые указавшаго путь своимъ единовѣрцамъ къ высшему образованию.

Караимы студенты.

Смерть Ильи Ильича незамѣнимая для всѣхъ насъ утрата. Преклоняясь передъ прахомъ глубокочтимаго П. П., глубоко увѣренъ, что духъ его вѣчно будетъ жить среди насъ, учениковъ и поддержитъ насъ на пути нравственнаго совершенствованія. Миръ праху твоему, дорогой учитель.

Студентъ Самуилъ Бабаджинъ.

Слова беспильны выразить всю силу постигшаго насъ горя. Да будетъ для всѣхъ утѣшеніемъ сознание, что завѣты незабвеннаго П. П. безсмертны и что всякій, согрѣтый его ученіемъ, будетъ свято хранить ихъ, всегда имѣя передъ собой свѣтлый образъ дорогаго учителя.

Студентъ Данилъ Шейманъ.

Петербургская караимская община глубоко скорбитъ о горестной утратѣ, понесенной всѣмъ караимскимъ народомъ въ лицѣ глубокочтимаго П. П. Казаса. Миръ праху незабвеннаго учителя, всю жизнь посвятившаго служенію родному народу. (Евпаторійскому о-ву).

Староста Кефелии.

Петербургская караимская община глубоко опечалена вѣстью о кончинѣ глубоко-

чтимаго П. П. и выражаетъ Вамъ сердечное соболѣзнованіе въ постигшей Васъ утратѣ. Свѣтлая память почившаго будетъ вѣчно жива въ сердцахъ благодарныхъ караимовъ. (Семьѣ).

Староста Кефелии.

Изъ Ростова-на-Дону.

Низко кланяемся праху дорогаго учителя незабвеннаго П. П. Да будетъ легка ему земля!

Маркъ Хохжатъ и Юфуда Фарунда.

Изъ Симферополя.

Благоговѣя передъ свѣтлой памятью достойнѣйшаго и всегда глубоко чтимаго, какъ отца и близкаго друга П. П., усерднѣйше прошу столь же достойнѣйшую семью его принять выраженіе моего искреннѣйшаго сочувствія по поводу незамѣнимой утраты для всѣхъ насъ, близко знавшихъ дорогаго П. П., всю жизнь свою одинаково служившаго всѣмъ, не различая ни націи, ни положенія и любившаго все человѣчество.

Евпаторійскій уездный предводитель дворянства Сеидъ Бей Булаковъ.

Потрясенный кончиной моего дорогаго учителя П. П., глубокочтимаго всѣми мусульманами за неусыпные труды и заботы объ ихъ просвѣщеніи и за его высокія душевныя качества, посылаю Вамъ и всей семьѣ, мои искреннія, сердечныя соболѣзнованія. Миръ праху достойнѣйшаго учителя и наставника, память о которомъ сохранится вѣчно въ сердцахъ мусульманскаго міра!...

Помощникъ предводителя дворянства А.И. Булаковъ.

Я и вся корпорація педагоговъ татарской школы выражаемъ глубокое соболѣзнованіе по поводу постигшаго Васъ великаго горя. Да укрѣпитъ Васъ Господь въ Вашей скорби!.

Монастырлы.

Симферопольское караимское благотворительное общество, узнавъ о смерти дорогаго П. П., основателя первой караимской женской школы, выражаетъ Вамъ свое глубокое сочувствіе въ постигшемъ Васъ несчастіи. Смерть П. П. является тяжелой утратой не только для Васъ, какъ дочери его, но и для всего караимскаго общества, ибо для всѣхъ насъ онъ былъ гордостью караимства. Будучи ученымъ и высокообразованнымъ, онъ поражалъ всѣхъ своимъ обаятельнымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ людямъ, кото-

рыхъ любить, какъ самаго себя, а подчасть и больше. Онъ старался помогать имъ и быть всякому чѣмъ-нибудь полезнымъ. Караимское благотворительное общество все это глубоко цѣнить и глубоко скорбитъ о смерти дорогаго чело-вѣка.

Караимское благотворительное общество.

Потрясенное неожиданной кончиной дорогаго П. П., красы и гордости нашего народа, симферопольское караимское общество, полное чувствъ безпредѣльной признательности и глубочайшаго уваженія къ незабвенной дѣятельности и высокимъ душевнымъ качествамъ усопшаго вмѣстѣ со всѣмъ караимскимъ обществомъ раздѣляетъ постигшее Васъ неизгладимое горе и шлетъ свои горячія соболезнованія.

Симферопольское караимское о-во.

Примите глубокое сочувствіе въ постигшемъ Васъ горѣ. Въ лицѣ П. П. караимы потеряли своего наставника и двигателя просвѣщенія. Вся жизнь усопшаго протекла въ обученіи юношества. Ученики и всѣ знающіе П. П.—а знала его вся Таврида—никогда не забудутъ имени дорогаго своего учителя.

Въри и Абрамъ Пастакъ.

Горячо оплакиваю кончину дорогаго П. П. Закатилась яркая звѣзда нашего бѣднаго народа, отошла въ вѣчность чистая хрустальная душа благороднаго старца. Нѣтъ болѣе нашей славы, нашей гордости. Миръ праху дорогаго незабвеннаго учителя. Да укрѣпитъ милосердный Господь всю семью почившаго и дастъ силы перенести тяжкую невоснаградимую утрату!

Моисей Луцкій.

Опечаленный вѣстью о кончинѣ дорогаго учителя и чело-вѣка П. П. шлемъ сердечное сочувствіе по случаю постигшаго Васъ горя.

Хамарито (начальница гимназіи), Тринклеры, братья Кужинскіе, братья Ивановы (симферопольскій городской голова), Гиммельфарбъ и Фрейкопъ (адвокаты), Щербина (директоръ Владиміраго кредита), Тырмозъ (бывшій раввинъ), Маркевичъ (бывшій учитель гимназіи), Даниловъ (адвокатъ и Скуляри.

Присоединяемся къ скорби Вашей семьи и оплакиваемъ утрату дорогаго и уважаемаго нашего учителя П. П.

Врачи Яновскій и Закіевъ.

Изъ Севастополя.

Лишились мы еще одного богатыря духа, ссоставлявшаго красу и гордость нашу. Ушелъ за грань земной жизни огненный столбъ, влекшій насъ черезъ пустыню мрака въ обѣтованную землю культуры и просвѣщенія. Глубоко опечаленное севастонопольское общество выражаетъ сердечное свое соболезнованіе семьѣ почившаго и всему караимскому народу. Да сіяетъ духъ просвѣтителя, какъ вѣчная свѣтозарная звѣзда.

Старшій газзаль Товія Леви и габай Яковъ Коожакъ.

О постигшемъ насъ общемъ великомъ горѣ горячо соболезнуемъ. Вѣчная память.

Б. ученикъ Госифъ Викаль.

Съ сердечной скорбью присоединяюсь къ постигшему Васъ тяжкому горю, вызванному кончиной великаго мужа нашего народа П. П. Казаса. Прошу передать его семейству наше искреннее соболезнованіе.

Госифъ Бурназъ.

Изъ Таганрога.

Присоединяюсь къ выраженію глубокаго соболезнованія Вамъ и караимскому обществу во случаю кончины высокоуважаемаго П. П.

Гудрица-Шопова.

Изъ Тифлиса.

Пораженъ смертью мудрѣйшаго учителя караимскаго народа Пльи Пльича Казаса. Оплакиваю незабвеннаго великаго друга.

Еврейскій раввинъ Маркусъ.

Изъ Харькова.

Харьковское караимское общество, узнавъ о смерти гордости караимской націи незабвеннаго П. П., скорбитъ о незамѣнимой потерѣ и выражаетъ свое искреннее соболезнованіе.

Узнавъ о смерти П. П. Казаса, харьковское караимское общество вмѣстѣ съ другими скорбитъ еще объ одной незамѣнимой потерѣ для всей караимской націи.

Харьковское о-во.

Изъ Херсона.

Херсонская община караимовъ, удрученная кончиной незабвеннаго П. П. молить о ниспосланіи семьѣ утѣшенія.

Просимъ передать евнаторійскому обществу душевное соболѣзнованіе херсонскаго караимскаго общества о незамѣнимои утратѣ незабвеннаго П. П.

Херсонское о-во.

Изъ Юрьева.

Только что узнали изъ газетъ о смерти незабвеннаго глубокоуважаемаго П. П. Глубокое несчастье опять постигло націю. Мы потеряли дорогаго руководителя, незамѣнимаго совѣтника, на котораго были всѣ надежды и упованія въ эти тяжелые траурные для націи дни. Въ его лицѣ караимы потеряли достойнѣйшаго своего представителя. Потрясенные и спечаленные мы выражаемъ наше сочувствіе и присоединяемъ къ общей скорби.

Братъ Джигитъ. Семья Пинитъ.

Изъ Ялты.

Ялтинская караимская община глубоко потрясенная вѣстью о кончинѣ достоуважаемаго П. П., проситъ при-

нять искреннее соболѣзнованіе и глубокую скорбь по столь цѣнной потерѣ.

Ялтинское о-во.

Изъ Феодосіи.

Феодосійская караимская община, потрясенная незамѣнимои утратой свѣтила караимской науки, шлетъ свое глубокое соболѣзнованіе семьѣ почившаго. Миръ праху благороднѣйшаго человѣка, положившаго всѣ свои силы на благо своего народа. Да послужитъ утѣшеніемъ семьѣ покойнаго то, что ея горе—горе всего караимства.

Габбай Эмельденъ.

Глубоко опечаленный смертью друга моей молодости П. П., искренно присоединяюсь къ горю семьи.

А. А. Крымъ.

Всей душой скорблю со всей Вашей семьей.

Соломонъ Крымъ.

Во всѣхъ караимскихъ кенаса были отслужены панихиды по И. И. Казасъ немедленно по полученіи извѣстія о его смерти. Всѣ общины по телеграфу выразили семьѣ покойнаго а нѣкоторые и евнаторійскому обществу, свои соболѣзнованія. Изъ нѣкоторыхъ общинъ на похороны прибыли депутаціи и возложили на гробъ И. И. вѣнки.

Наслѣдіе И. И. Казаса.

Послѣ Ильи Ильича Казаса осталось большое количество рукописныхъ матеріаловъ: статей, незаконченныхъ трудовъ, рукописей, переводовъ и писемъ. Черениска П. П. и его незаконченные рукописные труды представляютъ выдающійся общественно-національный интересъ. Въ настоящее время кабинетъ опечатанъ. Лѣтомъ братъ покойнаго М. И. Казасъ, прис. нов. Ш. В. Дувакъ и А. Ю. Мичри, состоявшій всю жизнь въ большой дружбѣ съ покойнымъ, займется разборкой оставшагося послѣ П. П. духовнаго наслѣдія. И только тогда, когда весь этотъ богатый матеріалъ будетъ разработанъ и систематизированъ, представится возможность присту-

пить къ составленію полной и обширной біографіи дорогаго учителя.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

М. Г., г. Редакторъ!

Не имѣя возможности лично отвѣчать на многочисленныя выраженія скорби и соболѣзнованія, полученные нами въ тяжелыя минуты безысходной тоски и жгучей печали по случаю кончины нашего мужа, отца, брата и дяди Ильи Ильича Казаса, прибѣгаемъ къ содѣйствію Вашего уважаемаго журнала для принесенія нашей искренней благодарности и признательности обществу, сословіямъ, учебнымъ заведеніямъ, корпораціямъ и ихъ

представителямъ, а также и частнымъ лицамъ, которая трогательно-нѣжнымъ отношеніемъ къ покойному и неподдѣльной скорбью, высказанной телеграммами, письмами, рѣчами, личнымъ присутвіемъ у дорогого намъ гроба, возложеніемъ вѣнковъ, щедрыми пожертвованіями на благія дѣла и всякими иными способами почтили его память, чѣмъ доставили намъ утѣшеніе и значительно облегчили наше горе. Повесегда запечатлѣлось въ нашихъ сердцахъ ихъ участіе въ нашей невознаградимой утратѣ и никогда не изгладятся изъ нашей памяти проявленія уваженія и любви

къ нашему пезабвенному усопшему.

Вдова, дѣти, зятья, невестки, братья, сестры, племянники и племянницы И. И. Казаса.

II.

Комитетъ по устройству похоронъ Ильи Ильича Казаса приноситъ свою глубокую благодарность евпаторійской городской управѣ, евпаторійской полиціи въ лицѣ г. исправника и всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, способствовавшимъ стройности и порядку во время похоронъ.

Комитетъ.

Отголоски кончины С. М. Панпулова и И. И. Казаса.

На гробъ С. М. Панпулова.

Въ декабрьской книгѣ нашего журнала въ списокѣ вѣнковъ, возложенныхъ общинами и лицами на гробъ С. М. Панпулова, не упомянуто о вѣнкѣ отъ бахчисарайской караимской общины. Последняя послала золотую парчу и ленту съ надписью на древне-библейскомъ языкѣ. Эта лента находилась у изголовья гроба покойника, но сама парча не была возложена, потому что общиною было поставовлено для увѣковѣченія памяти—гахама сшить изъ нея „Парохетъ“ и послать въ Евпаторію для украшенія „Девира“ караимской кенаса. По обычаю, предназначенное для кенаса не принято возлагать на гробъ покойниковъ.

Панихиды по С. М. Панпуловъ и И. И. Казасъ.

Въ сороковой день кончины гахама въ Кременчугѣ в. о. газзана С. М. Кумышомъ была отслужена панихида по С. М. Панпуловъ и по И. И. Казасъ. И. о. газзана произнесъ на русскомъ языкѣ прочувствованную рѣчь, посвященную памяти покойныхъ учителей народа.

Похороны С. М. Панпулова въ кинематографѣ.

Во многихъ городахъ въ мѣстныхъ иллюзіонахъ демонстрировались похороны гахама С. М. Панпулова. Картина смотрѣлась съ большимъ интересомъ. Въ иллюзіонахъ перебывали чуть ли не всѣ члены мѣстныхъ караимскихъ колоній.

Объявлена подписка на фондъ имени Таврическаго и Одесскаго Караимскаго гахама С. М. Панпулова и на фондъ имени И. И. Казаса.

Пожертвованія на оба фонда принимаются въ Евпаторіи въ книжномъ магазинѣ Э. Чуюна, а также и въ редакціи „Караимской Жизни“.

М. С. Беймъ.

М. С. Беймъ.

24 февраля послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался московскій газзанъ Моисей Соломоновичъ Беймъ. Покойный, сынъ извѣстнаго караимскаго ученаго и духовника Соломона Бейма, родился въ Одессѣ въ 1860 г. Свое образование онъ началъ въ одесскомъ караимскомъ училищѣ, отсюда въ 1873 г. поступилъ въ одесскую вторую гимназію, которую по домашнимъ обстоятельствамъ кончить не смогъ, и долженъ былъ оставить свое образование.

20-лѣтнимъ молодымъ человекомъ онъ занялся въ Одессѣ, затѣмъ Бахчисараѣ и Николаевѣ преподаваніемъ древнееврейскаго и русскаго языковъ. Съ 1901 г. по 1903 г. онъ исполнялъ безвозмездно обязанности николаевскаго га-

ззана, а въ 1903 г. былъ приглашенъ на должность газзана въ Москву. Здѣсь онъ продолжалъ преподавать въ караимской школѣ древне-библейскій языкъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, затѣмъ эта болѣзнь осложнилась ракомъ толстой кишки. Промучившись въ теченіе 5 мѣсяцевъ, покойный тихо почилъ, вызвавъ своей безвременной кончиной глубокую печаль у своей московской паствы. По постановленію магеговъ похороны покойнаго М. С. были приняты на общественный счетъ. Похороны состоялись въ воскресенье, 26 февраля.

Проводить прахъ усопшаго пастыря собралась вся московская караимская колонія. Отпѣваніе совер-

М. С. Беймъ въ гробу.

шаль и. о. газзана Д. Н. Тошаль и прибывшій изъ Армянска братъ покойнаго газзана А. С. Беймъ.

Послѣднимъ, успѣвшимъ съ поѣзда попасть только на кладбищѣ, была произнесена на караимскомъ языкѣ рѣчь, во время которой многіе изъ присутствующихъ плакали. С. Д. Каракозь прочиталъ „Кына“ на древно-библейскомъ языкѣ, а Д. П. Тошаль—рѣчь на русскомъ и „Кына“. Трогательно и безыскусственно прозвучало „слово“, сказанное 13-лѣтнимъ ученикомъ покойнаго, гимназистомъ Абрамомъ Фирковичемъ.

Послѣ похоронъ въ домѣ покойнаго былъ совершенъ обрядъ „аякъ вермекъ“ (поминки).

На гробъ М. С. возложено было много вѣнковъ; серебряный—отъ московскаго караимскаго общества („своему незабвенному духовнику“...), отъ „любящихъ учениковъ“, отъ московскаго общества вспомошествованія бѣднымъ караимамъ („незабвенному учредителю“...), отъ А. П. Катька, отъ Я. П. Микен и другихъ.

Супругой покойнаго было получено много телеграммъ съ выраженіемъ сочувствія.

75-лѣтній юбилей Таврическаго и Одесскаго Духовнаго Караимскаго Правленія.

Евпаторія.

3 марта таврическимъ и одесскимъ караимскимъ духовнымъ правленіемъ скромно было отпраздновано 75 лѣтіе своего существованія. Въ евпаторійскомъ кенаса была отслужена въ присутствіи властей и караимскаго общества панихида по въ Воезѣ почившимъ Россійскимъ Императоромъ, но покойнымъ караимскимъ гахамамъ и всѣмъ потрудившимся на благо караимскаго народа. Затѣмъ было отслужено благодарственное молебствіе за пынѣ царствующаго Государя Императора и Августѣйшую фамилію.

Со всѣхъ концовъ Россіи духовнымъ правленіемъ получены были привѣтственные телеграммы отъ караимскихъ общинъ и представителей власти. По имѣющимъ въ духовномъ правленіи свѣдѣніямъ, во всѣхъ кенасахъ и молитвенныхъ домахъ Россіи были совершены молебствія и панихиды.

Одесса.

3 марта, въ день 75-лѣтія учрежденія таврическаго и одесскаго караимскаго духовнаго правленія въ мѣстной кенаса въ присутствіи и. д. одесскаго градоначальника полковника В. Ф. Ильина и полицеймейстера М. І. Доливо-Добровольскаго была отслужена торжественная панихида по въ Воезѣ почивающихъ Императорахъ Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III и усопшихъ гахамахъ С. С. Вобовичѣ, Б. С. Вобовичѣ и С. М. Панпуловѣ. Затѣмъ было совершено молебствіе о здравіи Государя Императора и всего Царствующаго Дома.

Одесскимъ газзаномъ была послана и. д. гахама С. М. Нейману привѣтственная телеграмма слѣдующаго содержания: „Отъ имени одесскаго караимскаго общества привѣтствую духовное правленіе, евпаторійское общество и Васѣ по поводу 75-лѣтія духовнаго правленія и желаю

дальнѣйшаго преуспѣянiя духовному правленiю на благо караимовъ.

Старшiй газзанъ одесской кенаса
Кефели.

Севастополь.

3 марта, по случаю исполнившагося 75-лѣтiя существованiя таврическаго караимскаго духовнаго правленiя въ мѣстной караимской кенаса совершенно было торжественное богослуженiе, въ присутствiи многихъ молящихся. Газзанъ Т. Леви во время богослуженiя произнесъ слово о роли таврическаго духовнаго правленiя въ жизни караимскаго народа, охарактеризовалъ дѣятельность почившихъ вождей народа гахамовъ: Симу Бобовича, Бабака Яковича и недавно скончавшагося С. Н. Панипулова. Затѣмъ было отслужено заупокойное моленiе по Божѣ почивающихъ Императорахъ Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III, и почившимъ гахамамъ. Совершенно было благодарственное молебствiе за Государя Императора и Царствующiй Домъ.

Николаевъ.

Въ субботу 3 марта по случаю исполненiя 75-лѣтiя со дня учрежденiя караимскаго духовнаго правленiя въ мѣстной кенаса была совершена папихида но въ Божѣ почившихъ Императорахъ, караимскихъ гахамахъ и молебеть о здравiи благошолучнаго царствующаго нашего Государя. Затѣмъ газзанъ С. С. Пртлачь-Мангуби обратился къ молящимся со слѣдующей рѣчью, въ которой напомнилъ, что ровно три четверти вѣка тому назадъ въ царствованiе но въ Божѣ почившаго Государя Николая I Павловича въ 1837 году марта 3 дня, по ходатайству караимовъ было учреждено таврическое духовное правленiе.

Москва.

Въ субботу 3 марта въ молитвенномъ домѣ П. О. Газзапа Д. И. Топаломъ было отслужено молебствiе по поводу 75 лѣтiя существованiя духовнаго правленiя и панихида по въ Божѣ почившимъ Императорамъ и караимскимъ гахамамъ. Московскимъ караимскимъ обществомъ была послана духовному правленiю при- вѣтственная телеграмма.

Избранiе А. И. Катыка.

(Письмо изъ Евпаторiи).

Въ воскресенье, 4 марта, въ по- мѣщенiи караимскаго желскаго профессиональнаго училища въ 5 часовъ пополудни состоялось собранiе членовъ мѣстной караимской общины, созванное для разрѣшенiя вопроса о приглашенiи въ Евпаторiю второго газзана, а также для рассмотрѣнiя другихъ вопросовъ, непосредственно связанныхъ съ учрежденiемъ второй должности газзана.

Въ собранiе явилось 155 мѣстныхъ правоспособныхъ прихожанъ.

Предсѣдателемъ собранiя былъ избранъ прис. повѣренный М. III. Луцкiй, секретаремъ д-ръ М. М. Ефеть.

Занявъ предсѣдательское мѣсто открывая собранiе, М. Луцкiй обратился къ присутствующимъ съ краткой рѣчью, въ которой, принося благодарность за оказанную честь избранiемъ его въ предсѣдателя настоящаго собранiя, просилъ присутствующихъ съ должнымъ вниманiемъ отнестись къ предстоящему ихъ обсужденiю въ высшей степени серьезному

и важному для мѣстной общины вопросу, оставить всякую партійность и неспрячь къ отдѣльнымъ личностямъ, мирно и дружно обсудить намѣченные вопросы, имѣя въ виду исключительно національные интересы мѣстной общины.

Послѣ этого председательствующій предложилъ собранію высказаться по вопросу о томъ, является ли въ настоящее время настоятельная необходимость въ приглашеніи для Евпаторіи второго газзана. Изъ обмена мнѣній выяснилось, что одна часть присутствующихъ въ собраніи признаетъ приглашеніе второго газзана неотложной необходимостью и высказывается за то, чтобы немедленно въ этомъ же засѣданіи было сдѣлано поставленіе о приглашеніи такого. По мнѣнію этой части прихожанъ, настоящее положеніе вещей, когда и. д. газзана С. М. Нейману приходится замѣщать и гахама, и газзана и всю коллегію духовнаго правленія, совершенно ненормально и далѣе продолжаться не должно. Наоборотъ, другая часть присутствующихъ не видитъ въ настоящемъ время настоятельной необходимости въ немедленномъ приглашеніи второго газзана и полагаетъ, что слѣдовало бы прежде избрать гахама и уже ему предоставить рѣшеніе вопроса о приглашеніи или неприглашеніи второго газзана.

Отсутствіе необходимости въ немедленномъ приглашеніи второго газзана эта часть присутствующихъ въ собраніи мотивируетъ тѣмъ, что съ 1902 года община обходилась безъ второго газзана, можно и еще подождать безъ явнаго ущерба для общины какихъ-нибудь 4—5 мѣсяцевъ до августа, когда предполагается избраніе гахама. Другой мотивъ, которымъ руководствовалась эта часть собранія, состоялъ въ томъ, что приглашеніемъ одного изъ на-

мѣчавшихся кандидатовъ на должность второго газзана, оеодосійскаго или симферопольскаго газзана, евпаторійская община вызоветъ нежелательный вовсе конфликтъ и недовольство между мѣстной и одной изъ этихъ общинъ, которая лишится газзана.

Послѣ обмена мнѣній председательствующій поставилъ на баллотировку вопросъ: признаетъ ли настоящее собраніе приглашеніе второго газзана для Евпаторіи настоятельной, неотложной необходимостью, или же собраніе считаетъ возможнымъ отложить на пѣкоторое время приглашеніе второго газзана?

Произведенной шарами закрытой баллотировкой большинствомъ 99 голосовъ противъ 56 собраніе высказалось за немедленное приглашеніе второго газзана, при чемъ, согласно постановленію собранія прихожанъ, состоявшагося 19 февраля сего года, было рѣшено, чтобы оба газзана и настоящій, числящійся исполняющимъ должность стараго газзана, С. Н. Нейманъ, и вновь приглашаемый второй газзанъ, были назначены старшими газзанами, С. М. Нейманъ—старшимъ газзаномъ большой кенаса, вновь приглашаемое лицо—старшимъ газзаномъ малой кенаса.

Послѣ того, какъ кардинальный вопросъ о приглашеніи второго газзана собраніемъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, председательствующій просилъ высказаться о размѣрѣ жалованья, какое угодно будетъ собранію назначить тому и другому газзану.

Послѣ того, какъ собраніе высказалось за то, чтобы жалованье обоимъ газзанамъ было определено одинаковое, на баллотировку были поставлены два оклада, памѣченные собраніемъ—2000 р. и 2400 р. закрытой баллотировкой шарами большинствомъ 79 противъ 65 голо-

совѣ рѣшено назначить обоимъ газзанамъ по 2400 р. жалованья въ годъ, не считая доходовъ отъ отправляемыхъ обоими разныхъ требъ. Затѣмъ собраніе, по предложенію предсѣдательствующаго, стало высказываться о кандидатахъ, наиболѣе достойныхъ и желательныхъ для занятія должности второго старшаго газзана.

Значительная часть собранія представляла кандидатуру молодого ѳеодосійскаго газзана, уроженца гор. Евпаторіи, лучшаго питомца мѣстнаго Александровскаго духовнаго училища, окончившаго въ прошломъ году также новороссійскій университетъ на филологическомъ факультетѣ, зарекомендовавшаго себя какъ образцовый педагогъ, а въ послѣднее время въ кратковременной должности старшаго газзана въ ѳеодосіи и какъ прекрасный проповѣдникъ.

Закрытой баллотировкой шарами большинствомъ 116 голосовъ противъ 18 Аронтъ Ильичъ Катыкъ и былъ избранъ на должность второго старшаго газзана г. Евпаторіи. Избраніе А. П. Катыка было встрѣчено присутствующими въ собраніи бурными аплодисментами, а товарищи и знакомые г. Катыка посѣщили телеграфно привѣтствовать его съ этимъ избраніемъ.

А. Алти-Ока.

ѳеодосія.

Въ связи съ состоявшимся избраніемъ мѣстнаго газзана А. П. Катыка на должность евпаторійскаго газзана 6 марта прибыли сюда изъ Евпаторіи делегаты тамошней общины г. Айвазъ и д-ръ Бобовичъ, взявшіе на себя довольно щекотливую миссію устранить возможные тренія между обѣими общинами, могущія возникнуть по этому поводу.

Въ виду несомнѣнныхъ преимуществъ службы въ Евпаторіи, такъ

сказать, настоящей колыбели караймства, г. Катыкъ безъ всякихъ колебаній согласился занять должность тамошняго газзана, Конечно, для ѳеодосійской общины, съ трудомъ нашедшей такъ недавно свое усюкоеніе, такое перемѣщеніе представляеть несомнѣнныя неудобства и вызывало не мало нареканій по поводу политики переманиванія газзановъ одной общиной у другой. Несомнѣнно, что такъ скоро вопросъ съ избраніемъ замѣстителя г. Катыка не разрѣшится, такъ какъ уже теперь начинають старые разговоры, дающіе возможность предположить наступленіе прежнихъ междоусобицъ.

Однако, никакихъ треній въ связи съ этими событіями произойти между общинами не можетъ, такъ какъ ѳеодосійцы слишкомъ хорошо понимаютъ все преимущества службы въ Евпаторіи, чтобы требовать отъ г. Катыка такой жертвы, какъ отданіе преимущества ѳеодосіи.

6 марта было созвано общее собраніе всехъ караймскихъ комиссій, коньмъ гг. Айвазъ и Бобовичъ и которыя изложили соображенія, заставили евпаторійцевъ пойти на избраніе чужаго газзана.

Какъ передають освѣдомленные лица, евпаторійцы рекомендовали ѳеодосійской общинѣ кандидатуру симферопольскаго газзана г. Еліашевича.

Къ замѣщенію должности инспектора Александровскаго училища

Еще избранія въ евпаторійскіе газзаны А. П. Катыкъ былъ назначенъ инспекторомъ Александровскаго духовнаго училища, но это назначеніе было отмѣнено затѣмъ въ силу обстоятельство, о которыхъ рѣчь идетъ ниже. Дѣло обстоило слѣдующимъ образомъ.

10 февраля еодосійскимъ габаемъ Н. М. Эмельдешомъ была получена изъ Евпаторіи слѣдующая телеграмма съ сообщеніемъ о состоявшемся назначеніи г. Катыка на этотъ почетный постъ:

„Исправляющій обязанности гахама Самуилъ Мойсеевичъ Нейманъ и совѣтъ Александровскаго караимскаго духовнаго училища, памятуя завѣтъ незабвеннаго Шлы Ил. Казаса, въ экстренномъ засѣданіи своемъ единогласно постановилъ пригласить А. И. Катыку инспекторомъ училища. Безвыходное положеніе, въ коемъ очутилось училище, вслѣдствіе отсутствія отвѣтственнаго руководителя и неимѣнія болѣе достойнаго кандидата, получившаго библейское и высшее образованіе, вынуждастъ насъ обратиться къ еодосійскому обществу съ покорнѣйшей просьбой въ интересахъ всей націи дать свое согласіе А. И. Катыку принять предложенный ему трудный и отвѣтственный постъ. Зная чуткія и отзывчивыя отношенія еодосійскаго общества ко всѣмъ нуждамъ нашего народа, мы увѣрены, что просьба наша будетъ уважена, за что заранѣе приносимъ искреннюю и сердечную благодарность“. Слѣдуютъ подписи временно исп. обяз. гахама С. Неймана, попечителя Б. Шинмана, членовъ совѣта С. Чуюна и А. Шакая.

На эту телеграмму былъ сейчасъ же данъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что вопросъ будетъ представленъ на обсужденіе общины въ ближайшемъ общемъ собраніи. Г. Катыкъ, выра-

зилъ свое согласіе занять предложенный ему постъ инспектора.

Рѣшеніе попечительнаго совѣта Александровскаго караимскаго духовнаго училища по вопросу о замѣщеніи вакантной должности инспектора названнаго училища вызвало однако недовольство среди многихъ представителей евпаторійскихъ караимовъ. Самъ по себѣ выборъ А. И. Катыка попечительнымъ совѣтомъ по существу встрѣчаетъ общее одобреніе. Представители мѣстнаго караимскаго общества полагали только, что попечительный совѣтъ предоставитъ рѣшеніе этого серьезнаго вопроса компетенціи общаго собранія представителей мѣстнаго караимскаго общества. Правда, юридически попечительный совѣтъ воленъ единолично рѣшать подобные вопросы. Но, какъ уже отмѣчено было выше, вопросъ о выборѣ инспектора имѣетъ исключительное обще-національное для караимовъ значеніе. Поэтому многіе полагали, что попечительный совѣтъ въ данномъ случаѣ выслушаетъ предварительно мнѣніе общества. Подъ этимъ постановленіемъ, безъ сомнѣнія, подписались-бы всѣ мѣстные караимы.

Въ Евпаторіи послѣ того, какъ опредѣлилось такое отношеніе, состоялось нѣсколько совѣщаній попечительнаго совѣта съ представителями мѣстныхъ караимовъ. Послѣ этихъ совѣщаній въ вопросѣ съ назначеніемъ инспектора евпаторійскаго Александровскаго духовнаго училища произошли нѣкоторыя измѣненія. Рѣшеніе вопроса о замѣщеніи этой должности отложено до выборовъ гахама.

Къ вопросу о судьбѣ караимскихъ дѣвицъ.

(Письмо изъ Николаева).

Вопросъ о судьбѣ караимскихъ дѣвицъ, — въ особенности бѣдныхъ, — въ той или иной формѣ уже не разъ затрагивался на страницахъ „Караимской Жизни“. Этотъ вопросъ является однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ въ жизни нашего маленькаго народа и удовлетворительнаго разрѣшенія его мы, вѣроятно, еще не скоро дождемся. Тѣ уродливыя условія выхода замужъ, при которыхъ караимская дѣвушка оцѣнивается не столько по своимъ личнымъ духовнымъ и физическимъ качествамъ, сколько по суммѣ приносимаго ею приданаго, слишкомъ глубоко вкоренились въ наши нравы, чтобы ихъ можно было радикально измѣнить отдѣльными единичными мѣрами и въ короткій срокъ. Съ одной стороны сознание невозможности успешной борьбы съ этимъ печальнымъ явленіемъ, а съ другой — желаніе хоть чѣмъ-нибудь облегчить бѣднымъ дѣвушкамъ выходъ замужъ и тѣмъ избавить ихъ отъ жалкой одинокой жизни въ будущемъ, привели къ учрежденію въ различныхъ центрахъ караимства отдѣльныхъ болѣе или менѣе значительныхъ капиталовъ, изъ процентовъ которыхъ выдаются небольшія пособія вышедшимъ замужъ дѣвушкамъ. Что такая мѣра, какъ палліативъ, ничего хорошаго въ будущемъ не обѣщаетъ, — это, я думаю, ни въ какихъ доказательствахъ не нуждается.

Къ числу такихъ палліативовъ, хотя и комбинированное съ несомнѣнно хорошою идеею, относится и учрежденное въ Николаевѣ по инициативѣ С. А. Агина „Общество

пособія караимскимъ дѣвицамъ города Николаева“.

Основные положенія утвержденного въ 1904 года устава этого общества состоятъ въ слѣдующемъ: общество имѣетъ цѣлю: а) выдачу единовременныхъ пособій по усмотрѣнію правленія, въ зависимости отъ средствъ общества, дѣвицамъ-караимкамъ города Николаева при выходѣ ихъ замужъ; б) выдачу такихъ же пособій въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по вступленіи въ бракъ, если такія пособія правленіе признаетъ, дѣйствительно, необходимыми; в) устройство въ городѣ Николаевѣ профессиональныхъ и другихъ учебныхъ заведеній и мастерскихъ, а до открытія ихъ — опредѣленіе бѣдныхъ дѣвицъ въ соотвѣтствующія учрежденія, уже существующія въ городѣ. Члены общества безъ различія званій, пола, состояній и вѣросповѣданій раздѣляются на учредителей, почетныхъ, дѣйствительныхъ и сореволюателей. Учредителями считаются лица, уплатившія въ кассу общества единовременно отъ 300 до 500 руб.; почетными — уплатившія единовременно 100 р. или оказавшія обществу существенныя услуги, или сдѣлавшія крупныя пожертвованія, медицины, бесплатно лечачіе, призываемыхъ обществомъ, лицъ, а также учащіе, безплатно обучающіе призываемыхъ; дѣйствительные члены уплачиваютъ по 12 руб. въ годъ, а члены-сореволюатели — по 3 руб. Капиталы общества раздѣляются на неприкосновенный, запасный и расходный. Правленіе состоитъ изъ предсѣдателя, его товарища, казначея, секретаря и 5 членовъ при 3 кандидатахъ. Правленіе избир-

рается общимъ собраніемъ членовъ на 3 года, при чемъ ежегодно выдѣляется $\frac{1}{3}$ его. Общія собранія членовъ бываютъ обыкновенныя, созываемыя въ началѣ года, и чрезвычайныя, созываемыя по мѣрѣ надобности. Если по какимъ-либо причинамъ общество прекратить свою дѣятельность, то все принадлежащее ему капиталы и имущества назначаются на благотворительныя цѣли среди каранмовъ города Николаева по указанію общаго собранія членовъ, одобренному николаевскимъ градоначальникомъ.

Общество существуетъ уже седьмой годъ и о результатахъ его дѣятельности можно судить по слѣдующимъ выборкамъ изъ отчетовъ.

Въ 1905 году, первомъ отчетномъ, капиталы общества составились изъ слѣдующихъ суммъ: по завѣщанію Н. С. Тоугура 2,326 руб. 97 к., М. С. Бота—475 руб., Н. С. Ефетовича—100 руб., С. С. Туршу—100 р., отъ двухъ членовъ-учредителей—1,000 руб., отъ 14 почтстныхъ членовъ—1,400 руб.,—всего 5,401 р. 97 к., составляющихъ неприкосновенный капиталъ, проценты котораго поступаютъ въ расходный капиталъ; въ этотъ послѣдній капиталъ поступили: взносы 49 дѣйствительныхъ членовъ—588 руб., 30 членовъ-соревнователей—90 р., неполныхъ членскихъ взносовъ за 1905 г. 137 руб., пожертвованія—37 руб., $\frac{0}{100}$ на неприкосновенный капиталъ 196 руб. 17 коп.,—всего 1048 руб. 17 к. Изъ этой суммы израсходовано 533 руб. 51 к., въ томъ числѣ 225 р. плата за учебы 12 ученицъ въ профессиональномъ училищѣ и 131 руб. 77 к. на учебныя пособія, одежду и обувь ученицъ. Послѣ покупки $\frac{0}{100}$ бумагъ на 5,492 руб. 33 к. неизрасходованная часть расходнаго капитала составила 420 руб. 30 к., такъ какъ

изъ предназначенныхъ къ выдачѣ двумъ дѣвкамъ 200 руб. выдано только 10 руб. вслѣдствіе разстройства одного брака и переноса другого на 1906 годъ.

Въ 1906 году число дѣйствительныхъ членовъ замѣтно убавилось, частью выходомъ изъ состава общества, частью переходомъ въ члены-соревнователи. Въмѣстѣ съ остаткомъ 1905 года доходы второго отчетнаго года составили 1,107 руб. 97 к.; расходовъ же было 541 руб. 62 к.,—въ томъ числѣ 255 руб. плата за 12 ученицъ. 33 руб. 33 к. имъ пособіе и обуви и 240 руб. пособіе двумъ дѣвкамъ при выходѣ замужъ. Изъ остатка 563 руб. 35 к. употреблено 380 р. на покупку $\frac{0}{100}$ бумагъ и 183 р. 35 к. перенесено на 1907 г.

Въ 1907 г. составъ членовъ почти не измѣнился. Съ остаткомъ предыдущаго года доходы общества составили 1,002 руб. 27 к., а расходы—458 руб. 31 к.,—въ томъ числѣ плата за 12 ученицъ 220 р., имъ же пособія, обувь и одежда 51 руб. 56 к., за швейную машину одной окончившей ученицъ 45 руб. и одной дѣвницъ 100 руб. Изъ остатковъ куплено $\frac{0}{100}$ бумагъ на 225 р. 75 к. и на слѣдующій годъ перенесено 318 руб. 21 к.

Въ 1908 г. часть дѣйствительныхъ членовъ перешла въ число членовъ-соревнователей, а число послѣднихъ убавилось. Доходовъ общества было 894 руб. 8 к., а расходовъ 788 руб. 20 к.,—въ томъ числѣ плата за ученицъ 200 руб., имъ же пособія и одежда 90 руб. 56 к., швейная машина окончившей ученицъ 40 руб., пособіе двумъ вышедшимъ замужъ дѣвкамъ 300 р. Остатокъ въ 105 руб. 98 к. перенесенъ на 1909 годъ.

Въ 1909 г. число членовъ-соревнователей увеличилось. Доходы со-

ставили 1,167 руб. 55 к., въ томъ числѣ 300 руб., завѣщанные умершимъ казначесмъ Д. А. Селюкомъ. Расходовъ произведено на 610 руб. 15 к.,—въ томъ числѣ плата за ученицъ 160 руб., имъ же пособия и одежды 87 руб. 83 к., машинны тремъ окончившимъ ученицамъ 120 р., одной дѣвицѣ по выходѣ замужъ 150 руб. и повторное пособие замужней 50 руб. Изъ остатковъ куплено $\frac{9}{10}$ бумагъ на 446 руб. 88 к. и на слѣдующій годъ перенесено 110 руб. 52 к.

Въ 1910 году произошла небольшая убыль членовъ. Въ этомъ году ученицы, кромѣ шитья и кройки, начали обучаться обувному ремеслу. Доходовъ было 828 руб. 34 к. Расходы: плата за 6 ученицъ 120 руб., имъ же пособия, одежда и матеріалы для работъ 84 руб. 65 к., вышедшей замужъ дѣвицѣ 200 руб. и повторное пособие замужней 50 р. Остатокъ въ 310 руб. 93 к. перенесенъ на 1911 годъ.

Отчетъ за 1911 годъ еще не утвержденъ общимъ собраніемъ членовъ общества.

Изъ приведенныхъ краткихъ цифровыхъ данныхъ о дѣятельности общества пособия караимскимъ дѣвицамъ города Николаева рельефно выступаютъ немаловажныя обстоятельства, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Въ то время, какъ обычно болѣзнь всякихъ другихъ общественно-благотворительныхъ организацій является недостатокъ оборотныхъ средствъ, общество пособия караимскимъ дѣвицамъ города Николаева страдаетъ какъ разъ обратнымъ недугомъ—изъ года въ годъ повторяющимися смѣтными остатками. Если остатки даютъ ассигнованія на помощь выходящимъ замужъ николаевскимъ караимскимъ дѣвицамъ, то въ этомъ еще ничего

удивительнаго нельзя усмотрѣть, такъ какъ, хотя въ Николаевѣ и не мало бѣдныхъ дѣвицъ, жаждущихъ выхода замужъ, но самое осуществленіе ихъ завѣтной мечты завеситъ не отъ ихъ воли. При существующихъ уродливыхъ условіяхъ брака въ малосостоятельной части нашего народа, трудно ожидать, чтобы каждый годъ находили свою судьбу по двѣ бѣдныхъ николаевскихъ дѣвушки. Да и оказываемая въ этихъ случаяхъ обществомъ помощь въ размѣрахъ не болѣе 200 р. является слишкомъ незначительною долею той общей суммы приданнаго, которую требуютъ наши женщины. Несчастной дѣвушкѣ, на жизненномъ горизонтѣ которой появилась такой женихъ, приходится предварительно пройти очень тяжелыя мытарства сколачиванія главной части приданнаго и только послѣ извѣстнаго успѣха въ этомъ отношеніи она обращается за помощью къ обществу. Если же остатки проходятъ по ежегоднымъ кредитамъ на воспитаніе бѣдныхъ дѣвочекъ въ *профессиональныхъ и учебныхъ заведеніяхъ*, то въ этомъ случаѣ причинъ можетъ быть трѣ: или родители не хотятъ воспитывать своихъ дѣтей и правленіе общества безсилно побѣдить ихъ косность; или родители хотятъ отдавать своихъ дѣтей въ обученіе, а правленіе создаетъ недостаточно основательныя препятствія; или, наконецъ, добрыя желанія обѣихъ сторонъ встрѣчаютъ неодолимыя препятствія. Въ Николаевѣ дѣйствуетъ третья причина, но при этомъ осложненная. Дѣло въ томъ, что бѣдные караимы даже очень хотятъ, чтобы ихъ дѣвочки получили профессиональное образованіе, но непременно параллельно хотя бы и съ начальнымъ общимъ; у насъ же существуетъ только одно женское

профессиональное училище, въ которое отдаются караимскія дѣвочки и которое, удовлетворительно обучая ихъ шитью, кройкѣ и изготовленію обуви, даетъ очень слабое общее образованіе. Пока не обнаружилась эта слабая сторона училища, бѣдные караимы охотно отдавали туда своихъ дѣвочекъ, а затѣмъ другіе, наученные неудачнымъ опытомъ предшественниковъ, не пожелали уже слѣдовать ихъ примѣру, заявивъ, что прежде всего хотѣть дать дѣтямъ общее образованіе. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется приведенное выше изъ отчетовъ постепенное уменьшеніе числа воспитываемыхъ въ профессиональномъ училищѣ бѣдныхъ караимскихъ дѣвочекъ.

Справедливость требуетъ сказать, что правленіе общества само сочувственно относится къ желанію родителей дать своимъ дѣтямъ профессиональное образованіе въ связи съ достаточнымъ общимъ, и принимаетъ уже мѣры къ удовлетворенію такого желанія. По слухамъ, эти мѣры будутъ предметомъ обсужденія ближайшаго общаго собранія членовъ общества. Остается только пожелать полного успѣха въ этомъ симпатичномъ дѣлѣ. Надо думать, что общее собраніе обратитъ вниманіе и на слѣдующій дефектъ въ дѣятельности общества. По уставу общество имѣетъ цѣлью открывать въ Николаевѣ профессиональные и учебныя заведенія и мастерскія; до открытія же означенныхъ заведеній правленіе имѣетъ право на средства общества

опредѣлять дѣвицъ въ соответствующія профессиональныя и учебныя заведенія и мастерскія. Между тѣмъ, до настоящаго времени правленіе платило за право ученья и оказывало помощь учебными пособиями и одеждою только обучающимся въ профессиональномъ училищѣ дѣвочкамъ. Если общество будетъ оказывать такую же помощь и дѣвочкамъ, обучающимся въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то этимъ придастъ своей дѣятельности большую разносторонность и не будетъ накапливать остатки смѣтныхъ кредитовъ, когда на эти остатки уже теперь предъявляются тѣ или иные разумныя требованія въ предѣлахъ устава общества. Да и самая система предварительнаго прохожденія общаго образованія, на примѣръ, въ хорошо поставленныхъ бесплатныхъ городскихъ начальныхъ училищахъ, а затѣмъ уже поступленія въ профессиональное училище была бы несравненно полезнѣе для дѣвочекъ. Правда, такая система потребуетъ затраты на ученіе большаго числа лѣтъ и, вѣроятно, встрѣтитъ сопротивленіе со стороны родителей, которыхъ нужда заставляетъ возможно скорѣе извлекать матеріальную пользу изъ своихъ дѣтей, но зато тѣмъ больше чести будетъ правленію, если оно сумѣетъ побѣдить такое сопротивленіе и первыми нѣсколькими наглядными примѣрами доказать родителямъ несомнѣнныя преимущества именно такой системы.

Членъ общества.

Закладка дѣтской санаторіи.

Въ воскресенье 26 февраля въ 11 час. утра состоялось торжество закладки дѣтской колоніи-санаторіи, строящейся на средства щедрыхъ

благотворителей-одесситовъ пот. поч. гражд. Гилель Мойсеевича Гелеловича и его супруги Гулюшъ Марковны. Какъ извѣстно, г. Гелело-

вичъ пожертвоваль около 100.000 р. на сооруженіе этой санаторіи и, кромѣ того, предоставилъ ей пользоваться доходами съ принадлежащихъ ему въ Евпаторіи хлѣбныхъ магазиновъ въ суммѣ 10.000 р. ежегодно на ея содержаніе.

Санаторія строится на 60 человекъ, изъ коихъ 60 проц. будутъ составлять дѣти караимовъ, а 40 проц. другихъ національностей. Чудный уголокъ въ днѣ съ половиной десятины земли на самомъ берегу моря пріютитъ у себя дѣтскую санаторію, которая своимъ возникновеніемъ и существованіемъ составитъ выдающееся событіе въ жизни Евпаторіи и будетъ служить не только ея достопримѣчательностью и красотой, но и ея гордостью.

Къ 10 ч. утра приглашенные на торжество стали съѣзжаться къ гостиницѣ „Модернъ“, гдѣ живутъ супруги жертвователи, для принесенія поздравленій, а оттуда на экипажахъ и автомобиляхъ отправились къ мѣсту закладки, которое находится въ шести съ половиной верстахъ отъ города и одной съ пол. отъ Маяка. На торжествѣ присутствовало около 150 человекъ, среди нихъ видные представители караимской общины съ семьями и представители администраціи. Послѣ совершения соответствующей молитвы газаномъ С. М. Нейманомъ, жертвователь положилъ первый камень. Затѣмъ радушными хозяевами было предложено гостямъ роскошный завтракъ. Во время завтрака были произнесены рѣчи съ различными пожеланіями, которыя были встрѣчены шумными аплодисментами.

М. С. Луцкій указавъ на огромное значеніе возникающей санаторіи въ томъ смыслѣ, что сотни дѣтей бѣдныхъ родителей получать исцѣленіе отъ недуговъ, подчерк-

нулъ, что бездѣтные господа Гелеловичи всю жизнь лелѣяли мысль о сооруженіи ея. Къ этому побудила ихъ сильная любовь къ дѣтямъ, что составляетъ рѣдкое и отрадное явленіе. Попутно М. С. указаль на щедрую благотворительность отдѣльныхъ лицъ-караимовъ.

С. А. Когенъ учредилъ ремесленное училище, В. А. Тонгуръ ассигноваль средства на постройку сельскохозяйственной школы, Э. П. Дуванъ оставилъ громадный капиталъ на благотворительныя дѣла. М. С. Сарачъ завѣщаль средства на постройку Пушкинской аудиторіи и положилъ начало нашей гордости — городскому театру, А. М. Гелеловичъ оставилъ 100 тысячъ на разныя благотворительныя дѣла и 50 тысячъ на учрежденіе женской профессиональной школы, С. Э. Дуванъ строитъ теперь на свои средства городскую бібліотеку.

Переходя опять къ учреждаемой дѣтской санаторіи, М. С. указаль, что постройка ея обойдется значительно больше ассигнованной на нее суммы, но во сколько бы она ни обошлась, жертвователи ни предъчѣмъ не остановятся, чтобы довести до конца начатое дѣло, а потому имена щедрыхъ жертвователей гг. Гелеловичей должны быть начертаны золотыми буквами. Вѣчная слава имъ! — закончилъ ораторъ.

Д-ръ С. А. Бобовичъ въ своей рѣчи отмѣтилъ, что настоящее торжество является рѣдкимъ праздникомъ культуры и человеколюбія и тутъ же упомянулъ о томъ, какъ 10 лѣтъ тому назадъ въ Кіевѣ при освященіи кенаса покойный Лазарь Бродскій охарактеризоваль честную торговлю Гилель Моисеевича. — Я вспомнилъ объ этомъ эпизодѣ потому, — продолжалъ ораторъ, — что Г. М. нажилъ состояніе честнымъ трудомъ и нынѣ жертвуетъ капи-

таль не изъ славы или одобренія, а изъ благородныхъ побужденій сердца. Указавъ на рѣдкую энергію, съ которой жертвователь спѣшитъ окончить предпринятое дѣло, ораторъ отвѣсилъ предъ нимъ низкій поклонъ и пожелалъ долгой жизни.

С. Э. Дуванъ, обратившись къ г-жѣ Гелеловичъ, сказалъ: „Сегодняшній праздникъ есть самый счастливый и торжественный день Вашей жизни“. Ораторъ отмѣтилъ то особенно трогательное явленіе, что жертвователи—лица убѣленные съдницами, которыхъ Богъ не благословилъ дѣтьми, всю жизнь мечтали о томъ, чтобы дать бѣднымъ дѣтямъ то, чего не могли дать имъ ихъ родители. Усиліями жертвователей несчаная пустыня, на которой теперь совершается торжество закладки, скоро превратится въ культурный уголокъ, и великая задача ихъ будетъ выполнена. Не одно поколѣніе дѣтей обязано будетъ здоровьемъ и жизнью возникающей санаторіи. Въ заключеніе ораторъ высказалъ пожеланіе, чтобы жертвователи жили еще долго и прогуливались бы подъ сѣнью парка, который здѣсь будетъ разбитъ.

А. Л. Геприхъ подчеркнул въ своей рѣчи ту особенность, что

Г. М. и Г. М. Гелеловичи при жизни своей пожертвовали большой капиталъ на учрежденіе санаторіи, между тѣмъ какъ большинство благотворителей только его завѣщаютъ. Кромѣ денегъ, Г. М. Гелеловичъ несетъ свой личный трудъ при сооруженіи этого святаго дѣла, „а потому пожелаемъ ему подольше жить и осуществить начатое дѣло“.

По окончаніи завтрака гости благодарили радушныхъ хозяевъ и въ приподнятомъ настроеніи стали развѣзаться.

Письмо въ редакцію.

М. Г., г. редакторъ!

Позвольте выразить нашу искреннюю благодарность всѣмъ, почтившимъ закладку дѣтской колоніи-санаторіи. Сердечное участие со стороны присутствовавшихъ по отношенію къ дорогому для насъ дѣлу глубоко тронуло насъ и придало намъ бодрость и силы для исполненія завѣтнаго нашего желанія,—прійти на помощь слабосильнымъ дѣтямъ, которое отнынѣ на склонѣ лѣтъ является главнѣйшей цѣлью нашей жизни.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи

Гулюшъ и Гилель Гелеловичъ.

Евпаторія.

Новая побѣда А. И. Неймана.

Полученное сенатское рѣшеніе по поводу послѣднихъ городскихъ выборовъ оказалось крайне неблагоприятнымъ для Дувана и его партіи. Отмѣнивъ выборы въ отношеніи городского головы Неймана и призвавъ его прежній цензъ недѣйствительнымъ, сенатъ отказалъ также и забаллотированному на преж-

нихъ выборахъ городского головы Дувану въ правѣ баллотироваться вторично на должность головы до окончанія четырехлѣтняго полномочія теперешней думы.

16 марта состоялись вторичные выборы гор. головы и подавляющее большинство гласныхъ думы подтвердило свой первоначальный воутумъ. А. И. Нейманъ былъ избранъ 22 голосами противъ 7.

Къ вторичному избранію.

Гор. голова А. И. Нейманъ.

Воспроизводимъ изъ сенатскаго указа текстуально мѣсто, относящееся къ правамъ караимской кенаса, ограниченія которыхъ такъ усиленно добивался г. Дуванъ. Вотъ оно: „Переходя засимъ къ вопросу о правильности избранія въ гласные, а затѣмъ въ должность городского головы Неймана, правительствующій сенатъ находитъ, что по силѣ ст. 24 город. пол., правомъ участія въ выборахъ городскихъ гласныхъ, кромѣ физическихъ лицъ и торгово-промышленныхъ обществъ, товариществъ и компаній, пользуются только благотворительныя, ученныя и учебныя учрежденія и учрежденія правительственныя. Между тѣмъ, ни караимская синагога сама по себѣ, ни караимское общество, являющееся въ конечномъ счетѣ владельцемъ принадлежащихъ синагогѣ недвижимыхъ имуществъ, не могутъ быть отнесены къ числу поименованныхъ выше учрежденій, а потому

участіе въ выборахъ гласныхъ представителями означенной синагоги, каковымъ состоялъ въ данномъ случаѣ Нейманъ, должно быть признано неправильнымъ“.

Похороны А. М. Гелеловича.

7-го февраля при торжественной обстановкѣ состоялись похороны А. М. Гелеловича. Ко дню похоронъ прибыли братъ покойнаго изъ Одессы Г. М. Гелеловичъ, пѣвчій солиеръ-промышленникъ, и газзаны: г. Кефели изъ Одессы, г. Катыкъ изъ Феодосіи и г. Ельяшевичъ съ хоромъ пѣвчихъ изъ Симферополя, приглашенные па похороны семьей покойнаго.

Послѣ отслуженія газзанами панихиды на квартирѣ покойнаго гробъ съ тѣломъ А. М. былъ вынесенъ па рукахъ и установленъ на катафалкъ при молитвенномъ пѣніи хора. Впереди катафалка выстроились учащіеся караимской школы для бѣдныхъ при кенаса и учащіеся женскаго караимскаго профессиональнаго училища. За ними слѣдовали газзаны съ хоромъ, читавшіе молитвы. За гробомъ слѣдовали дѣти и внуки покойнаго и значительная толпа народа.

Тутъ было 12—15 вѣнковъ отъ дѣтей, родственниковъ и почитателей покойнаго и также отъ караимской женской профессиональной школы, общества вспомоществованія пуждающимся учащимся въ караимскихъ школахъ и отъ служащихъ солиерно-промышленнаго общества. Въ караимской кенаса совершены были газзанами панихиды, а одесскимъ газзаномъ г. Кефели произнесена надгробная рѣчь по-татарски. Къ 1 часу процессія изъ кенаса направилась на кладбище, гдѣ также совершены были газзанами и хоромъ пѣвчихъ панихиды и гдѣ феодосійскій газзанъ г. Катыкъ про-

изнесъ прощальную рѣчь. Послѣ 2 часовъ гробъ съ прахомъ покойнаго былъ преданъ землѣ.

Завѣщаніе А. М. Гелеловича.

А. М. Гелеловичъ оставилъ по духовному завѣщанію караимскимъ общественнымъ учрежденіямъ на разные благотворительныя цѣли 90 тысячъ рублей. На открытіе и содержаніе высшихъ классовъ кройки и шитья при женскомъ профессиональномъ караимскомъ училищѣ—50 тысячъ (въ томъ числѣ 30 тысячъ рублей, имъ раньше пожертвованныхъ), 15 тысячъ рублей—на образованіе фонда для эквивалентности несостоятельныхъ караимскихъ учащихся всѣхъ мѣстныхъ школъ, 20 тысячъ рублей—мѣстной караимской кенасѣ съ отчисленіемъ 20% дохода въ пользу мѣстнаго газзана, 2 тысячи рублей—одесской караимской кенасѣ и по 1 тысячѣ—еодосійской, симферопольской и іерусалимской кенасамъ. Сыну своему—И. А. Гелеловичу—завѣщала продолжать благотвореніе въ прежнихъ размѣрахъ, въ продолженіе 12 л.—благотвореніе, выражавшееся въ снабженіи несостоятельныхъ караимскихъ учащихся учебниками и учебными пособиями, а бѣднаго населенія безъ различія національностей—хлѣбомъ, мукою, топливомъ, картофелемъ (выписывать вагонами), чаемъ, сахаромъ къ большимъ праздникамъ и въ бѣдственное время. Оставшее послѣ А. М. Гелеловича состояніе оцѣнивается въ 3 милл. рублей.

Смерть І. И. Культе.

Въ декабрѣ прошлаго года скончался въ Одессѣ евпаторійскій врачъ Іосифъ Ильичъ Культе, прахъ котораго былъ перевезенъ въ Евпаторію и здѣсь преданъ погребенію. Покойный свое первоначальное образованіе получилъ въ караимскомъ

мидрашѣ, затѣмъ въ уѣздномъ училищѣ и только 15-ти лѣтъ пошелъ въ только что открывшуюся въ Бердянскѣ, гдѣ жили его родные, казенную гимназію. Успѣшно окончивъ здѣсь курсъ наукъ, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ въ харьковскій университетъ. Получивъ званіе врача, покойный І. И. поселился въ Евпаторію, гдѣ занялъ должность санитарнаго врача. Онъ быстро завоевалъ симпатію населенія, какъ внимательный врачъ и хорошій человѣкъ. За послѣдніе годы покойнаго постигло большое семейное горе: у него въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ умираютъ старшая дочь и сынъ-гимназистъ. Это окончательно подкосило здоровье І. И. Сталъ бѣднѣть, лечиться, но ничто не помогало. 50 лѣтъ онъ скончался, оставивъ жену и троихъ дѣтей

Стипендіи.

Городское управленіе опредѣлило представить пособія и стипендіи учащимся въ мѣстной мужской гимназіи на второе полугодіе текущаго учебнаго года въ суммѣ 175 руб. Стипендіи опредѣлены, между прочимъ, слѣдующимъ караимамъ: С. Гамалу, Ю. Каракозу, М. Синани и Ю. Арабаджи.

Въ о-вѣ вспомошествованія учащихся.

Въ декабрѣ состоялось общее собраніе членовъ о-ва вспомошествованія нуждающимся учащимся въ караимскихъ училищахъ Евпаторіи. Предѣдательствовалъ на собраніи Б. М. Шишмапъ. Были заслушаны: отчетъ правленія за 1910 г., отчетъ ревизіонной комиссіи и смѣта за 1911 годъ.

Въ пользу общества поступилъ рядъ пожертвованій: отъ наследниковъ А. Б. Шапұлова—100 р. отъ наследниковъ покойнаго екатерино-

дарскаго кушца Я. А. Пенбека — 200 р., отъ почетныхъ членовъ — 250р. Въ общемъ съ членскими взносами и другими поступленіями приходъ общества выразился въ суммѣ 2282 р. 62 к. Израсходовано было 827 р. 65 к.

По утверженіи отчета правленія и смѣты собраніемъ было избрано правленіе на новое трехлѣтіе. Избранными оказались С. Б. Шипманъ

(предсѣдатель) С. Е. Фуки (казначей) и кандидаты къ нему С. С. Хаджи, Я. А. Айвазъ (секретарь) кандидатъ къ нему І. А. Туршу, И. М. Туршу, П. М. Ходжанъ (члены правленія). Въ ревизионную комиссію избраны: М. А. Айвазъ, Д. И. Баккаль и С. С. Чуюнь.

Въ обществѣ въ настоящее время 16 почетныхъ и 194 дѣйствительныхъ членовъ.

Ѳеодосія.

Собраніе общины.

Созванное въ воскресенье, 26-го февраля, общее собраніе караимской общины оказалось весьма оживленнымъ и привлекло до 130 членовъ общины. Предсѣдателемъ избранъ С. С. Крымъ, секретаремъ—А. И. Катыкъ. По открытіи собранія С. С. Крымъ, упомянувъ о печальныхъ фактахъ кончины С. М. Панцүлова и П. И. Казаса, предоставляетъ слово газзану г. Катыку, произнесшему блестящую красивую рѣчь, посвященную памяти покойныхъ дѣятелей караимской націи. Коснувшись роли, которую сыграли въ жизни караимскаго народа оба дѣятеля, г. Катыкъ въ яркихъ и образныхъ выраженіяхъ упомянулъ и о той незамѣнимой утратѣ, какую всѣмъ караимамъ пришлось понести съ ихъ почти одновременной смертью.

„Пали два дуба, сраженные безжалостной судьбой“, говорилъ г. Катыкъ. „Въ смерти Панцүлова и Казаса есть нѣчто трагическое, красивое, пророческое, что папоминаетъ исторію двухъ патриарховъ. Восемь десятковъ лѣтъ жили они вмѣстѣ, и нынѣ не захотѣли жить отдѣльно. Казась желалъ вѣдь написать послѣднее слово памяти угас-

шаго друга, но nero выпало изъ рукъ его, ибо не въ силахъ былъ онъ описать того невыразимаго горя, каковое овладѣло имъ. Всю жизнь принесли они на алтарь націи, и до послѣдней минуты высоко держали знамя своего народа. Одинъ—великій пастырь своего народа, другой — учитель-идеалистъ, вездѣ и всюду проводившій свой основной принципъ—любви къ ближнему, вылившейся въ его славномъ ученіи и въ его прекрасныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Да послужать оба славныхъ дѣятеля примѣрами для теперешняго и будущаго поколѣній нашего народа“. Такъ закончилъ свое слово г. Катыкъ, и всѣ присутствующіе, какъ одинъ человекъ, поднялись, чтобы почтить память своихъ почившихъ пастырей. По предложенію П. М. Эмельдеша, собраніе постановило также отправить сочувственную телеграмму семьѣ скончавшагося въ Евпаторіи благотворителя А. М. Гелеловича, оставившаго 1.000 р. на нужды Ѳеодосійской кенаса.

Габай П. М. Эмельдешъ доложилъ затѣмъ собранію смѣту текущаго года, исчисленную въ суммѣ около 9.200 р. Собраніе смѣту утвердило

безъ всякихъ замѣчаній, и только С. Я. Крымъ напомнилъ о необходимости представленія отчета по сбору суммъ на приобретѣніе дома. Большой интересъ вызвало письмо д-ра Г. А. Яхниса, третій годъ осматривающаго учениковъ школы и самое помѣщеніе ся. Выводы и заключенія д-ра носятъ самый трагическій характеръ. Помѣщеніе совершенно не соответствуетъ своему назначенію, всюду — грязь, полы затоптаны, наблюдается полное отсутствіе школьной мебели, умывальниковъ. Больше половины учащихся отличаются рѣзко выраженнымъ плохимъ питаніемъ, и 5 изъ нихъ форменные рахитики. Введенное въ школу молоко не можетъ замѣнить собой горячихъ завтраковъ, и введеніе ихъ прямо — таки необходимо. Помимо того, желательно и командированіе нѣсколькихъ учениковъ въ лѣтнюю антитуберкулезную колонию общества врачей, такъ какъ пребываніе тамъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо необходимо.

Эти печальные выводы были дополнены присутствовавшимъ на собраніи завѣдующимъ училищемъ, указавшимъ на политѣйшее равнодушіе общества къ училищу и отмѣтившаго также рядъ неблагопріятныхъ условій при конхъ приходится работать: необходимо общеніе съ родителями и обществомъ необходимо образованіе органа, интересующагося школой, необходимо приобретѣніе учебниковъ, книгъ для бібліотеки и пр.

Собраніе, повидимому, почувствовало всю неприглядность создававшегося положенія, и, въ концѣ-концовъ, была избрана специальная школьная коммисія, назначеніе коей полное реформированіе школы и внесеніе въ нее живого духа. Въ коммисію избраны: А. П. Катыкъ, Сол. С. Крымъ, Ис. Ск. Крымъ, П. М.

Эмельдешъ, Аз. Бобовичъ. Е. А. Когенъ, А. П. Шамашъ и Г. Ш. Арабаджи. Д-ру Г. А. Яхнису за безвозмездные труды по надзору за учениками собраніемъ выражена благодарность вставаніемъ.

По вопросу о выдачѣ вознагражденія бывшему газзану Т. Леви, а также и о выдачѣ вспомошествованія г. Бабаеву рѣшено открыть поднеску, при чемъ выданныя ранѣе суммы зачесть въ счетъ общаго фонда (800 р. было выдано г. Бабаеву). Острота вопроса, всегда вызывавшаго много споровъ, въ значительной степени отпала, и на ближайшее время повыхъ междуусобій ожидать не приходится. Затѣмъ собраніе перешло къ выборамъ габаевъ, при чемъ результаты оказались слѣдующіе: избранными въ габаи оказался И. М. Эмельдешъ (91 изб. и 21 неизб.) въ помощники габая баллотировались: С. С. Крымъ (104 изб. и 11 неизб.), П. С. Айвазъ (79 и 36), В. М. Таймазъ (79 и 36), С. С. Джумукъ (65 и 48), С. Е. Майгопъ (67 и 58) и П. Ю. Гамаль (53 и 59). Первые четыре кандидаты и избраны такимъ образомъ въ помощники габая. Въ дорожную коммисію избраны Абр. Як. Крымъ и С. Е. Савусканъ, въ кладбищенскую — Г. Ш. Арабаджи и П. С. Айвазъ, послѣ чего собраніе было объявлено закрытымъ.

Благотворительное общество.

Въ помѣщеніи городской управы состоялось общее собраніе членовъ караимскаго благотворительнаго общества. Предсѣдательствовали С. Я. Крымъ, секретаремъ былъ избранъ газзанъ А. П. Катыкъ. Собраніе приняло смѣту и отчетъ, при чемъ цифра баланса выразилась въ суммѣ 7,805 р., а чистый остатокъ — въ 2,808 р. Предсѣдателемъ правленія избранъ В. С. Панцоловъ, казначеемъ — Ю. Д.

Карга, членами правления—А. П. Катыкъ, А. С. Айвазъ и П. Ормели.

за 198,100 руб. Фабрика будетъ работать.

Продажа фабрики Крыма.

На торги табаку прекратившей платежи табачной фабрики Крыма съѣхались представители 24-хъ табачныхъ фабрикъ. Табачные товары, заложенные въ суммѣ 620,000 руб., куплены государственнымъ банкомъ

Отказъ С. С. Крыма.

На губернскомъ земскомъ собраніи С. С. Крымъ былъ въ своемъ отсутствіи избранъ членомъ губернской земской управы. Извѣщенный о своемъ избраніи, С. С. Крымъ телеграфно отказался отъ этой должности.

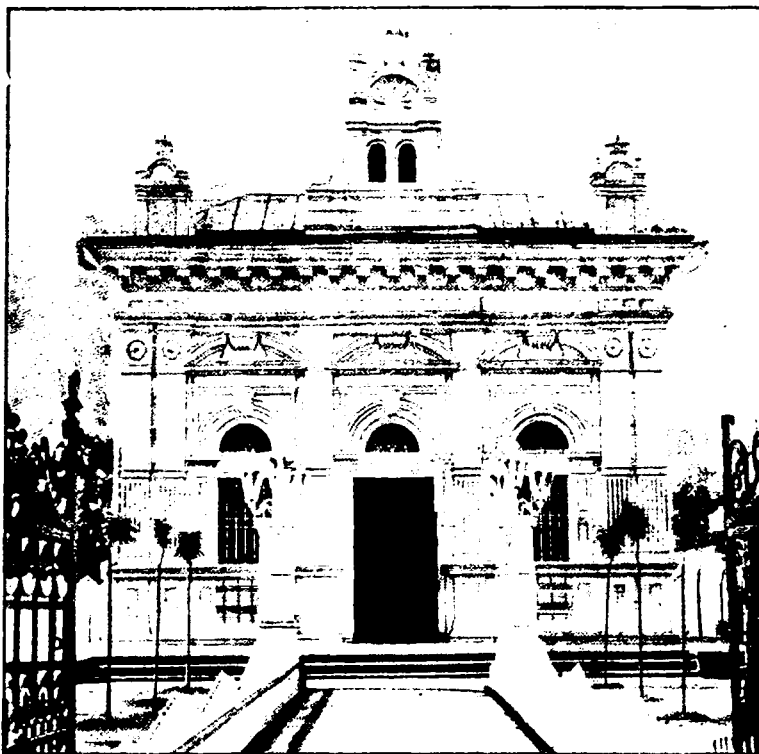
Бердянскъ.

Бердянская кенаса.

Около 10 лѣтъ тому назадъ большое бердянское караимское общество выстроило кенаса, которая

по своей архитектурѣ и отдѣлкѣ считается однимъ изъ интереснѣйшихъ сооружений города. Эта кенаса была сооружена по инициативѣ

Кенаса въ Бердянскѣ.

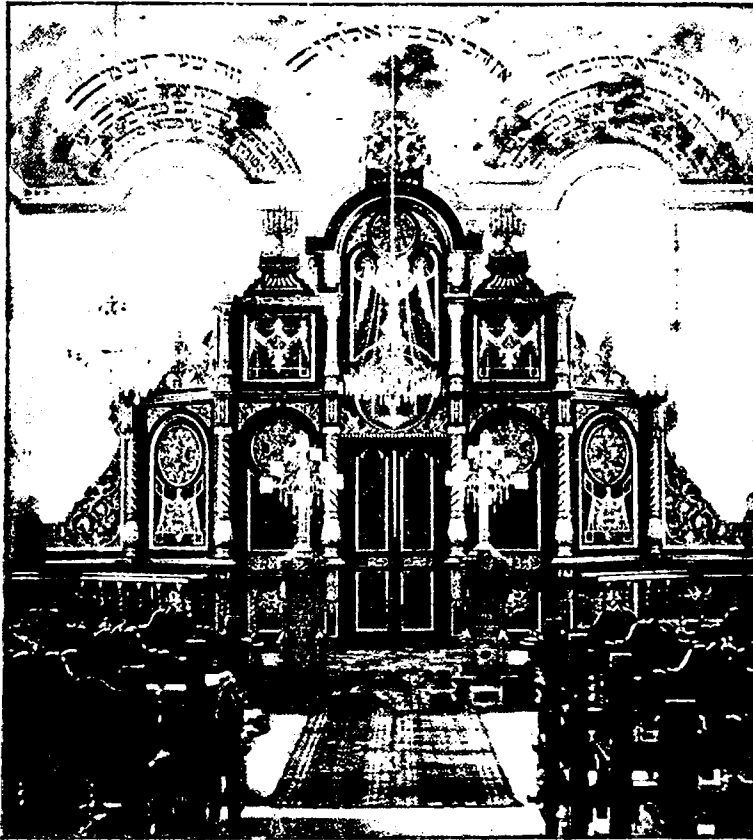

Внѣшній видъ.

и при дѣятельномъ участіи братьевъ О. М. и М. М. Панцуловыхъ, Н. М. Айваза и Б. І. Бабая. Были организованы пожертвованія по всеѣмъ городамъ, которыя дали около 16,000 руб., послужившихъ фон-

Въ 1899 году въ присутствіи покойнаго гахама С. М. Панцулова и всего мѣстнаго общества состоялось торжественное освѣщеніе новаго храма. Кенаса открывается теперь три раза въ недѣлю, при чемъ въ

Кенаса въ Бердянскѣ.

Алтарь.

домъ для сооруженія кенаса. Внутренняя отделка храма и украшеніе его было произведено на средства мѣстныхъ караймовъ. Алтарь соорудили братья О. М. и М. М. Панцуловы. Казначеемъ комитета, вѣдавшего постройку, былъ Н. М. Айвазъ.

воскресеніе со спеціальной цѣлью для обозрѣнія ея прибывающими въ Бердянскъ экскурсантами. Газзаномъ кенаса въ настоящее время состоитъ С. П. Культе, заступившій мѣсто своего покойнаго брата. Габаемъ кенаса является въ настоящее время М. Д. Бурназъ.

Въ ближайшемъ времени въ кенаса будетъ проведено электричество на средства, оставленныя покойнымъ Панпуловымъ. Во дворѣ кенаса сооружена очень красивая желѣзная сукка, которая построена на средства М. Д. Бурлаза. Въ общемъ новая кенаса обоблась около 25,000 руб. Выстроена она на землѣ на мѣстѣ, гдѣ находилась старая кенаса. Въ настоящее время бердянское общество насчитываетъ до 35 семействъ, между тѣмъ, какъ раньше здѣшняя община состояла изъ 90—100 семействъ. Большая часть мѣстныхъ караимовъ повыѣхала въ другіе города. Въ былое время бердянская община была одной изъ богатѣйшихъ. Въ ея рядахъ насчитывалось много крупныхъ торговцевъ, а табачная фабрика С. Оксюза славилась на всю округу. Теперь занимаются большей частью мелкой торговлей. Общественная жизнь очень слабо развита.

Москва.

Въ благотворительномъ обществѣ.

11-го марта состоялось годовичное общее собраніе членовъ московскаго общества вспоможенія бѣднымъ караимамъ. На собраніи былъ утвержденъ годовичный отчетъ за истекшій годъ и смета общества на 1912 г. Изъ прочитаннаго доклада правленія о дѣятельности общества за пятый годъ существованія его выяснилось, что выдачи на вспоможеніе съ каждымъ годомъ увеличиваются, и въ отчетномъ году достигли внушительной суммы 2536 руб., изъ которыхъ 1096 руб. пошло на выдачу на образованіе, а 1440 руб.—на пособіе. Въ то же время правленіе констатируетъ, что притокъ членскихъ

взносовъ, служащихъ основнымъ фундаментомъ доходовъ общества, замѣтно уменьшается. Въ 1911 году ихъ поступило всего на сумму 1128 руб. Къ 1-му января состояло 164 члена—140 мѣстныхъ и 24 иногороднихъ, а между тѣмъ въ 1907 году—229 членовъ.

Всего расходовъ въ 1911 году произведено было 2664 руб. 96 к. при приходѣ въ 2944 руб 79 коп. Специальный капиталъ имени покойнаго Н. Н. Баккала составляетъ въ настоящее время 1719 руб. За время пятилѣтняго существованія общество выдало вспоможеній на сумму 9248 руб. 75 коп. Основной капиталъ общества составляетъ въ настоящее время сумму въ 8050 руб. Затѣмъ состоялись выборы правленія и ревизионной комиссіи. Въ правленіе избраны: А. Н. Катыкъ, П. Ф. Аслановъ, Э. Н. Катыкъ, Н. Е. Катыкъ, Е. М. Микей, С. Н. Очанъ и Е. М. Бобовичъ. Въ ревизионную комиссію—Я. Н. Микей, П. О. Балджи, П. С. Тотешъ.

По представленію правленія, общее собраніе единогласно избрало предѣдателя правленія А. Н. Катыка почетнымъ членомъ за его заслуги на пользу общества.

Самоубійство А. К. Шпаковского.

Въ Москвѣ окончилъ при трагической обстановкѣ самоубійствомъ пом. провизора Авраамъ Казимировичъ Шпаковский. Покойный былъ найденъ на Тверскомъ бульварѣ мертвымъ съ признаками отравленія цѣннѣйшимъ калиемъ. Его отправили въ полицейскій моргъ, гдѣ, только черезъ нѣсколько дней онъ былъ опознанъ представителемъ московской караимской общины и отсюда былъ уже перевезенъ на караимское кладбище, гдѣ и похороненъ.

Покойный служилъ въ аптекъ въ г. Алатырь, но лишившись мѣста, сталъ крайне нуждаться. Отправивъ семью въ Троки, онъ самъ занялся поисками новой должности, для чего между прочимъ, и прибылъ въ Москву. Здѣсь онъ поселился въ какой-то темной комнатѣ на Бронной и переживалъ сильные приступы нужды.

Не имѣя никого знакомыхъ въ Москвѣ онъ рѣшился на самоубійство очевидно подъ влияніемъ сознанія безысходности своего положенія и психической угнетенности. Послѣ его смерти въ Троки была послана телеграмма роднымъ покойнаго, которые отвѣтили телеграфной просьбой похоронить его въ Москвѣ.

Погребеніе было совершено на счетъ московскаго общества.

Тяжело подумать, что въ Москвѣ имѣется караимское благотворительное общество, а отдѣльныя единицы изъ нуждающихся караимовъ въ тискахъ голода кончаютъ самоубійствомъ.

Севастополь.

Приданое невѣстамъ караимкамъ.

Мѣстный благотворитель О. Д. Бурназь, какъ уже сообщалось въ „Кар. Жизни“, подарилъ общинѣ домъ, доходы съ котораго ежегодно употребляютъ на выдачу пособій бѣднѣйшимъ невѣстамъ, отъ 100 до 300 р. каждой. Въ 1911 г. домъ далъ чистаго дохода 600 р., а просьба поступило 10. Предстояло избрать шесть достойнѣйшихъ бѣдныхъ невѣстъ. Въ воскресенье 26 февраля въ домъ г. Бурназа собралось чело- вѣкъ сорокъ представителей мѣстной караимской общины и послѣ традиціоннаго шалома произвели жеребьевку. Въ числѣ счастливицъ ока-

зались жительницы Севастополя, Симферополя, Одессы, Трокъ, Феодосіи и Евпаторіи. Удовольствіе правъ просительницъ представлено мѣстнымъ газзану и габаю общинѣ.

Г. Бурназь построилъ для той же цѣли еще одинъ домъ, и въ слѣдующемъ году число облагодѣтельствованныхъ невѣстъ или размѣры выдачи будутъ значительно больше.

Одесса.

Высочайшее пожалованіе.

Старшему газзану одесской караимской кенаса Юсифу Кефели Высочайше пожалована золотая для ношенія на груди медаль съ надписью „за усердіе“, на Аннинской лентѣ.

Женское караимское благотворительное общество.

Въ текущемъ году исполняется пять лѣтъ существованія въ Одессѣ женскаго караимскаго благотворительнаго общества. Общество имѣетъ цѣлью доставленіе бѣднымъ караимскимъ дѣвушкамъ города Одессы средствъ для полученія образованія и профессионально-ремесленныхъ знаний. Оказываетъ пособіе общество также и иногороднимъ караимкамъ, обучающимся въ Одессѣ. Общество опредѣляетъ бѣдныхъ караимскихъ дѣвочекъ въ профессиональныя школы, мастерскія, содѣйствуетъ виѣшкольному образованію дѣвочекъ, снабжаетъ дѣтей книгами одежды, обувью, прискиваетъ нуждающимся дѣвочкамъ занятія и службу и т. д. Въ обществѣ до 170 членовъ. Предѣлательницей его и главной учредительницей является популярная въ одесскихъ караимскихъ кругахъ общественная дѣятельница Р. С. Исаковичъ.

Николаевъ.

Стипендія имени А. и В. Агиныхъ.

Въ память двухъ умершихъ своихъ сыновей Абрама и Веніамина, бывшихъ учениковъ VIII и III классовъ николаевской александровской гимназіи, С. А. Агинъ учредилъ при этой гимназіи двѣ постоянныхъ стипендіи. Стипендія имени Абрама Агина присуждается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи способному и хорошаго поведенія бѣднѣйшему ученику безъ различія вѣроисповѣданія и сословія, но исключительно русскому подданному; стипендія же имени Веніамина Агина присуждается собраніемъ прихожанъ николаевской кенаса способному и хорошаго поведенія бѣднѣйшему ученику караимскаго вѣроисповѣданія и также русскому подданному. Обѣ стипендіи учреждены въ 1902 году и выдаются изъ процентовъ съ вложеннаго С. А. Агинымъ въ государственнѣй банкъ на вѣчное время капитала въ 6,000 руб.

Троки.

Незаконныя посягательства.

Трокское городское общественное управленіе постановило взыскать съ караимовъ недоимку аренды за землю, составляющую собствѣнность караимовъ.

Съ 1871 года управа обложила эту землю арендою по 255 р. 60 к. въ годъ, считая ее городской, несмотря на то, что она даже не входитъ въ черту города, и вовсе не носитъ характера городского поселенія. И вотъ эта миѣническая аренда стала расти изъ года въ годъ и къ 1911 г. выросла до 10,756 руб. Когда владѣльцы обратились о прекращеніи начисленія этой недоимки,

то отвѣтомъ на это было требованіе о взысканіи.

Владѣльцы обжаловали это постановленіе въ виленское губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, которое недавно затребовало объясненіе у городского управленія.

Земля эта, какъ извѣстно, надѣлена намъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1518 г. Уже неоднократные споры съ городомъ оканчивались въ пользу владѣльцевъ, но и въ этотъ разъ, нѣтъ сомнѣній, что притязанія города будутъ отклонены, но, однако же, это вызываетъ нѣкоторое напряженіе средствъ и необходимость слѣдить за ходомъ дѣла.

Карасубазаръ.

Культурная заслуга.

1 октября здѣсь происходило торжество освященія новаго роскошнаго зданія городского народнаго училища. Завѣдвающей училищемъ г. Проценко въ прочувствованной рѣчи наполнилъ собранію, что нынѣшній праздниекъ — праздниекъ народнаго учителя. 6 лѣтъ тому назадъ, когда жизнь въ старомъ зданіи стала буквально невозможной, благодаря отзывчивости бывшаго гор. головы г. Шигимана, была задумана постройка новаго зданія. 40 лѣтъ тому назадъ училище возникло при дѣятельной поддержкѣ бывшаго гор. головы Б. П. Бобовича. Въ настоящее время ввукъ его, въ томъ же званіи гор. голова Б. Э. Бобовичъ довершилъ дѣло своихъ предшественниковъ.

Почетный гражданинъ.

Получено увѣдомленіе о Высочайшемъ соизволеніи присвоить бывшему карасубазарскому городскому головѣ

И. Б. Шишману званія почетнаго гражданина г. Карасубазара, согласно избранію городской думы.

Кременчугъ.

Новый газанъ.

Бывшій учитель мелитопольскаго караимскаго училища С. М. Кумышъ перешелъ въ Кременчугъ, въ качествѣ п. д. газана, обязанности котораго исполнять уже съ 1 февраля т. г.

Петербургъ.

Письмо въ редакцію.

М. Г.

г. редакторъ.

Позвольте мнѣ, посредствомъ Вашего уважаемаго журнала, принести мою глубокую признательность членамъ с.-петербургской караимской общины, принявшимъ такое теплое участіе въ постигшемъ мою семью горѣ, а равно и всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, выразившимъ соболезнованіе письмами и телеграммами.

Примите увѣренія въ моемъ искреннемъ уваженіи.

Габай Вахаръ Кефели.

2-го марта 1912 года,

С.-Петербургъ.

Акціонерное общество завода

„Я. М. Айвазъ“.

Въ Петербургѣ съ 1 января 1912 г. открыло свои дѣйствія акціонерное общество машиностроительнаго завода „Я. М. Айвазъ“.

Екатеринославъ.

Новая пьеса А. Леви.

Мы слышали, что авторъ комедіи „Ахыръ-Земанъ“ А. И. Леви въ настоящее время пишетъ драму изъ жизни караимовъ. Названіе драмы и ея содержаніе авторомъ держится въ секретѣ.

Отъ редакціи.

Въ отвѣтъ на сообщенное въ прошлой книжкѣ сообщеніе екатеринославскихъ студентовъ нами получено опроверженіе І. Танатара, которые, однако, благодаря своимъ разбѣрамъ и недостатку мѣста, въ настоящей книгѣ напечатано быть не можетъ и появится въ слѣдующей книгѣ.

Общія извѣстія.

Караимы и воинская повинность.

Управленіемъ по дѣламъ о воинской повинности министерства внутреннихъ дѣлъ составленъ отчетъ о результатахъ призыва къ исполненію воинской повинности въ 1911 г. Всего новобранцевъ призывалось 1.176, 996. Въ общемъ числѣ всѣхъ внесенныхъ въ призывные списки по ст. 122 и 161 устава оказалось караимовъ—81 чел. Всего принято караимовъ—15. Недобрано для пополненія назначеннаго по разверсткѣ числа новобранцевъ: великороссовъ, малороссовъ, бѣлоруссовъ—1,696, прочихъ христіанъ—5,225, евреевъ—11,338, караимовъ—19, магометанъ—1,225, прочихъ нехристіанъ—84, а всего недобрано—19,587.

СКОРБНЫИ ЛИСТОКЪ.

Умерли: въ Одессѣ—Эстеръ Абрамовна Эгизъ, въ Евпаторіи—Аронъ Исааковичъ Гелеловичъ, въ Москвѣ—газанъ Моисей Соломоновичъ Беймъ, Авраамъ Казиміровичъ Шпаковский, въ Николаевѣ—Соломонъ Осиповичъ Чоманъ.

Редакторъ-издатель В. І. Синани.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ 1912 ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 10-ЛѢТІЕ
НАУЧНАГО И ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

(Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ)

8 Р. БЕЗЪ ПЕРЕС., 9 Р. СЪ ПЕРЕС.
кв 12 №№ 3 рубля)

ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ

услѣдшаго сдѣлаться самымъ распространенн. органомъ въ широкихъ кругахъ демократич. интеллигенци. Сотрудники журнала и приложений—видные профессора и литераторы—дѣлають „В. Зн.“ единственнымъ научнымъ и популярнымъ журналомъ. Подписчики получаютъ за 8 руб. съ пер. 9 руб.: 12 книгъ ежемѣсячнаго иллюстрированного журнала „Вѣстникъ Знанія“, шаго съ прогрессомъ человѣчества. Отдѣлы: естественно научный, историко-географич., социально-экономич., философія, математика, психологія, педагогическій, литературно-художеств., критическій, нов. изобрѣт., воздухоплав., юридич., медицинскій, музыкальный, познанія Россіи; „Вѣчно въ искусствѣ“, съ отдѣльными картинами; „Россія въ цифрахъ“ Н. Рубакина, съ диаграммами и рисунками. Кроме того, въ каждой книжкѣ „В. Зн.“ будетъ даваться № журн. „Научное Обзоріе“ (въ отдѣльной подпискѣ 12 №№ 3 рубля).

52 №№

еженедѣльной прогрессивно-демократической безпартийной газеты-журнала Отдѣлы юридич., сельск.-хоз., мед. и др. Въ отдѣлн. подп. (безъ „В. Зн.“) цѣна въ годъ 3 р., 1 годъ—75 к.

НЕДЕЛЯ

Вѣстника Знанія: объясненіе смысла текущей политики и народн. нуждъ, обзоры событій, новости литературы, критика. Обмѣнъ мнѣній по жгучимъ вопросамъ современности. Сочиненія: Л. Н. ТОЛСТОГО, ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА, ДЖЕКА ЛОНДОНА, А. ШИЦЛера, РОНИ и К. ЭВАЛЬДА (Дѣтскій альманахъ).

6 ЛИТЕРАТУРНЫХЪ АЛЬМАНАХОВЪ

каждый будетъ состоять изъ сочиненій одного автора

3 ВЫП. ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ:

ремесла, коммерческія знанія, сельск. хоз., домоводство, электротехника, медицина, фотографія, полезныя рецепты и пр.

6 СОЧИНЕНІЙ: „КЪ ЗВѢЗДАМЪ“. Курсъ астрономіи, проф. Мильшо. „ЧЕЛОВѢКЪ“. Курсъ антропологии, проф. Бушана, въ 3 вып. „ВОКРУГЪ СВѢТА“, путешествіе проф. Ланне-ленга, въ 3-хъ вып. „БОРЬБА ЗА ПРАВО“, проф. Теринга. „РУССКАЯ СОВРЕМЕННОЯ ЛИТЕРАТУРА“: Андреевичъ, Анничковъ, Айхенвальдъ, Буренинъ, Венгеровъ, Волынский, Горнфельдъ, Измайловъ, Краиницфельдъ, Мережковский, Овсянко-Куликовский, Чуковский и др. ПАМЯТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ будетъ посвящена одна кн. „В. Зн.“, богато иллюстрированная.

Сверхъ того подписчики получаютъ, въ зависимости отъ избраннаго ими абонеента (при подпискѣ указывать № абонеента) слѣдующія капитальныя сочиненія:

1-й абонементъ: 12 вып. иллюстрир. биографическ. библиот.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

жизнеопис. знамен. людей всѣхъ врем. и нар., со ст. по экономикѣ, политикѣ и пр. проф. МАКСИМА КО. АЛЕВСКАГО, проф. ТУГАНЪ-БАРАЙНОВСКАГО и др.

Сочиненія Ч. ДАРВИНА:

Выраженіе ошущеній у челов. и животн. Образов. раст. слоя. И-стинкты. — Въ 4 вып., съ рисунками.

3-й абонементъ: Иллюстрированная ИСТОРИЯ РОССІИ

Н. КОГОМАРОВА, въ 16 вып.—3 больш. тома. Стоитъ въ кн. маг. безъ илл. 8 р., съ пер. 10 р.

2-й абонементъ: 16 выпусковъ соч. КАРИСА ШТЕРНЕ

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

Популярно-научная исторія міроздаанія и начатковъ культуры человѣчества. Перев. съ послѣдн. обработанн. В. Бельше изд., подъ ред. и съ дополн. В. Битнера. Роскошное изданіе съ болѣе 750 рис., 51 картинъ и хромофотографій. Въ книжн. магаз. въ др. изд. стоитъ 15 р. безъ пер.

4-й абонементъ: СВОДЪ

ЗАКОНОВЪ ОСНОВНЫХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ, ГРАЖДАНСКИХЪ, УГОЛОВНЫХЪ.

въ 16 вып.

Подписчики 3-го и до. абонементовъ могутъ получать съ доплатою въ 4 р. 50 к. сочиненія, входящая въ любой изъ друг. абонементовъ. ИСТОРИЯ РОССІИ не можетъ быть выписыв. безъ „В. Зн.“ Подписная цѣна на „Вѣстн. Знанія“ съ газетою „Недѣля“ и всѣми приложениями въ годъ 8 р. съ перес. 9 р., за границу 12 р. Разсрочка: при подпискѣ 3 р., 10 марта, 10 июня, 20 авг. по 2 р. Полн. на два абон. вносятъ: при подп. 3 р., 10 марта, 10 июня и 20 авг. по 3 р., 20 сент. 1 р. 50 к. Годов. подписка: вносящій: всѣ деньги не позже 12 января 1912 г., могутъ получить ПРЕМІЮ книгами на 2 р. ПОДРОБН. ОБЪЯВЛ. БЕЗПЛАТНО. Библиотечкамъ-читальн., народн. учит., фельдш., псаломш., волостн. писар. — уступка: вмѣсто 9 р. платятъ 8 р. при заблаговр. подп. Адресъ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ пр., № 40, Контора „Вѣстн. Знанія“.

НИВА ежемѣсячный иллюстрированный журналъ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:
1912 г.

52 ЛЕТЕ журналы: романы, повѣсти, разск., картинныя рис. въ краскахъ, иллюстраціи соврем. событій.

52 КНИГИ, отпечатанныя въ чет. кнѣ шрифтомъ, въ кот. тобыя войдетъ.

12 КНИГЪ ЕЖЕМѣсячнаго ЖУРНАЛА "ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ".

40 КНИГЪ "СБОРНИКА НИВЫ", содержащихъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. И. КУПРИНА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ А. А. ФЕТА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ОСК. УАЙЛЬДА.

12 ЛЕТЕ "ЕЖЕМѣсячныя" ПОВѢСТИ, МОДЫ.

12 ЛИСТОВЪ ВЫКОРЕКЪ И ПР. РАБОТЫ РУКОДЕЛЬН. РАБОТЪ.

1 "ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѣсячный КАЛЕНДАРЬ" на 1912 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НИВЫ со всѣми приложеніями на годъ: безъ доставки: въ СПб. 7 р. 50 к., въ Москвѣ, у Печниковской 7 р. 25 к., въ Одессѣ, "Образованіе" 7 р. 50 к.; съ дест. въ СПб.—7 р. 50 к., съ пересылкою—во все мѣста Россіи—8 р. За границу—12 р.

РАЗСПОЧКА ПЛАТЕЖА въ 2, 3 и 4 срока. Письма высылаются безплатно, 4 срока. Письма высылаются безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ контору журнала "НИВА", Улица Губова, № 22.

ВЫШЕЛЪ № 3 (МАРТЪ) ЖУРНАЛА

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемого подъ редакціей Вл. Г. КОРОЛЕНКО.

Содержаніе: 1. Потомки царя іудейскаго. С. Кондурушкина.—2. Новая фаза русской литературы. А. Герцена (Искандера).—3. Жизнь и смерть (Записки). С. Подлечева.—4. Пилигримъ. Стихотвореніе Е. С.—5. Съ горстью золота среди нищихъ (Неудачная дѣятельность во время голода 1906 г.). Вьри Фигнеръ—6. Ксенія Турпанова. А. С. Гриня.—7. Пѣвецъ „покольнія, промятаго Богомъ“. Лева Дейча.—8. Гибель „Анны Гольманъ“. Романъ Густава Френссена.—9. Письма Гл. И. Успенскаго.—10. Русская пытка въ XIX вѣкѣ. Вл. Короленко.—11. Драммы Герцена. Иванова-Разумника.—12. Къ сороколѣтію антипольской политики Пруссіи. Л. Василевскаго (Плохоцкаго).—13. Стачка угленоповъ въ Англии. Дюнео.—14. Хроника внутренней жизни. А. Петрищева.—15. Обзорніе иностранной жизни. Н. С. Русанова.—16. Изъ литературныхъ впечатленій. А. Е. Рудько.—17. Новые книги.—18. Армейская дидактика. О. Крюкова.—19. Отчетъ конторы редакціи.—20. Объявленія. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА** съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р.; на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к. Безъ доставки: на годъ.—8 руб.; на 6 мѣс.—4 руб.

Открыта подписка на 1911—12 годъ (подписной годъ съ 1-го ноября 1911 г. по 1-е ноября 1912 г.) на ежемѣсячный роскошно иллюстрированный, художественно-литературный и научный журналъ

„СВОБОДНЫМЪ ХУДОЖЕСТВАМЪ“

посвященный живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, художественной литературѣ, театру, музыкѣ, художественной промышленности и художественному воспитанію, съ приложеніемъ еженедѣльной, издаваемой въ теченіе зимаго сезона, газеты „Противъ Течения“, посвященный вопросамъ текущей злободневной, профессиональной и общественной жизни міра художественнаго, литературнаго, театральнаго и музыкальнаго. Журналъ „Свободнымъ Художествамъ“—единственный въ Россіи действительно художественный органъ, издававшийся по образцу лучшихъ заграничныхъ художественныхъ журналовъ „The Studio“, „Figaro Illustré“, „Deutsche Kunst“ и т. д.

Первое мѣсто въ журналѣ стодится репродукціямъ съ лучшихъ произведеній искусства, хранящихся въ музеяхъ, частныхъ собраніяхъ Россіи и Европы и появляющихся на современныхъ художественныхъ выставкахъ, при чемъ часть ихъ будетъ воспроизводиться въ краскахъ facsimile.

Вся текущая злободневная жизнь міра художественнаго, литературнаго, театральнаго и музыкальнаго найдетъ себѣ вѣрное, безпристрастное, но не безстрастное отраженіе и отъику преимущественно на столбцахъ газеты „Противъ Течения“.

Подписная цѣна на журналъ и газету: на 1 годъ 8 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб. 50 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., 1 февраля 3 руб. и 1 мая 2 руб.

Контора и редакция: Сиб. В. О., 4 линия, 23. Телефонъ 544-67.

Книгоиздательство

— Торговаго Дома —

В. И. Знаменекій и К^о.

Москва, Б. Грузинская, д. 5.

Телефонъ 103-82.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ
ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

С. ЕЛЪЯШЕВИЧЪ

„Два завѣта“

книга I. Сущность Вѣтхаго Завѣта
= или УЧЕНІЕ КАРАИМОВЪ. =

цѣна I р. 25 к.

Печатается книга II.

АПОКАЛИПТИКА и ЭСХОТОЛОГІЯ.

Въ конторѣ журнала.

„Караймская Жизнь“

продаются фотографическіе
снимки съ похоронъ и погребеній
гахама С. М. Панпулова.

Цѣна снимка большого формата 1 р. 50 к.

Открыта подписка на 1912 годъ.

„Современный Миръ“

22-й годъ изданія.

(„Миръ Божій“).

22-й годъ изданія.

Еженедѣльный, литературный, научный и политическій журналъ.

Издается при пріемлѣмъ составѣ сотрудниковъ и ближайш. участіи К. Л. Вейдемюллера, М. К. Юрданскаго, Н. П. Юрданскаго, Вл. П. Краинхфельда, Г. Э. Ларскаго, Е. А. Ляцкаго, В. Я. Львова-Рогащевскаго, А. А. Яблоновскаго. Въ 1911 г. напечатаны, между проч. худож. произведен. Д. Айзмана М. Арцибашева, М. Горькаго, А. Куприна, С. Сергѣева-Ценскаго, В. Сѣрошевскаго, Е. Чижикова, А. Федорова

и друг.; статьи В. Вольфа-Вруевича, Д. Жбанкова, Н. Рожкова, Г. Плеханова, К. Тахтарева, Г. Цыперовича и мн. др. Условія подписки (съ дост. и пер.) годъ—9 р., полг.—4 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р.; за границу—12 р., 6 р. полг. Безъ дост. въ Сиб.—8 р. г., 4 р. полг. С.-Петербургъ, Надеждинская, 33, кв. 5. Подробн. проспекты высыл. бесплатно.

Редакторъ Вл. П. Краинхфельдъ. Издательница М. К. Юрданская.

Типографія П. П. Рябушинскаго, Шутниковскій пер., соб.тв. домъ.

Подписка на „Караимскую Жизнь“ принимается и продажа отдѣльных книжек производится:

Въ Москвѣ—въ конторѣ журнала; въ Евпаторіи—въ книжномъ магазинѣ Э. Чуюна и у Я. Б. Шамаша (при караимской кенаса); въ Симферополѣ—въ книжномъ магазинѣ Синани и у шамаша Ш. И. Синани при кенаса; въ Ялтѣ—въ книжномъ магазинѣ Синани и у М. С. Жарновскаго; въ Бахчисараѣ—у Е. Ч. Майтопа; въ Одессѣ—у И. Я. Круглевича (Базарная, д. 33, кв. 29); въ Феодосіи—у М. Я. Кокеная; въ Петербургѣ—у М. И. Синани (фабрика Шапшаль); въ Севастополѣ—въ типографіи Д. О. Харченко; въ Трокахъ—у И. Михайловича; въ Вильнѣ—у А. И. Пилецкаго (Цареградская ул., д. 15); въ Бердянскѣ—у Я. Данко; въ Мелитополѣ—у М. Фирковича; въ Кіевѣ—у О. Дубинскаго (Крещатикскій пр., д. № 8/б, кв. 10); въ Харьковѣ—у шамаша М. И. Топала (Кузнечная ул., д. Каминера); въ Кременчугѣ—у и. о. газзана С. М. Кумыша; въ Николаевѣ—у И. И. Айваза (магазинъ „Босфоръ“) и Д. М. Кокизова.

Издательство обращается съ просьбой къ газзанамъ, габаямъ, манегамъ, шамашамъ и учителямъ любезно содѣйствовать распространенію нашего журнала среди членовъ ихъ общинъ. Принимаются коллективныя подписки. Предлагаемъ принимать подписку и объявленія караимскимъ благотворительнымъ обществамъ, при чемъ весь коммисіонный гонораръ будетъ поступать въ кассы этихъ обществъ. Въ распоряженіе благотворительныхъ обществъ одинъ экземпляръ будетъ высылаться бесплатно.

ВНИМАНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ.

Контора доводитъ до свѣдѣнія полугодовыхъ подписчиковъ „Караимской Жизни“, что съ книги № 7 высылка журнала невозобновившимъ подписки на слѣдующее полугодіе прекратилась.

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
Т-ва С. ГАБАЙ
ВЪ МОСКВѢ

рекомендуетъ свои высокоаго достоинства табачныя издѣлія,
ТАБАКИ ВЫСШИХЪ И ПЕРВЫХЪ СОРТОВЪ
 ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ **„Герцеговина Флоръ“**
 отъ 2 р. 20 к. до 12 р. за фунтъ въ помѣщ. 1, 1/2 и 1/4 ф.
ТАБАКИ ВТОРЫХЪ СОРТОВЪ:
„Ява“ въ 1 р. 84 к., 1 р. 60 к. 1 р. 44 к. и 1 р. 36 к.
 въ 1/2, 1/4 и 1/8 ф.

ПАТЕНТОВАННЫЯ **„СОЛОМКА“** съ солом. мундшт. 10 шт. 15 к.
„ЛЕДА“ 10 шт. 12 к., 10 шт. 10 к.
 ПАПИРОСЫ: **„ЯВА“** съ длин. мундшт. } 10 шт. 6 к.
„НЪГА“ }

ПОКУПАЯ ГИЛЬЗЫ

не говорите: „Дайте мнѣ коробку хоро-
 шихъ гильзъ“, а скажите
ДАЙТЕ ГИЛЬЗЫ КАТЫКА.

Лишь тогда Вы увѣрены, что
 получили гильзы, которыя не рвут-
ся, не мнутя, тонки и гигиеничны.
ДА, ГИЛЬЗЫ ТОЛЬКО КАТЫКА.

ВЪ ЕВПАТОРИИ
 главный представитель журнала „Караимская Жизнь“
Юс. Ник. ИЛЪЯШЕВИЧЪ
 (техническая контора т-ва „Политехникъ“).
 Приемъ подписки и продажа журнала. Выдача справокъ о журналѣ и приемъ
 матеріала для редакціи.

Цѣна 75 коп.

тип. п. д. РВЪШНИКОВАГО, МОСКВА